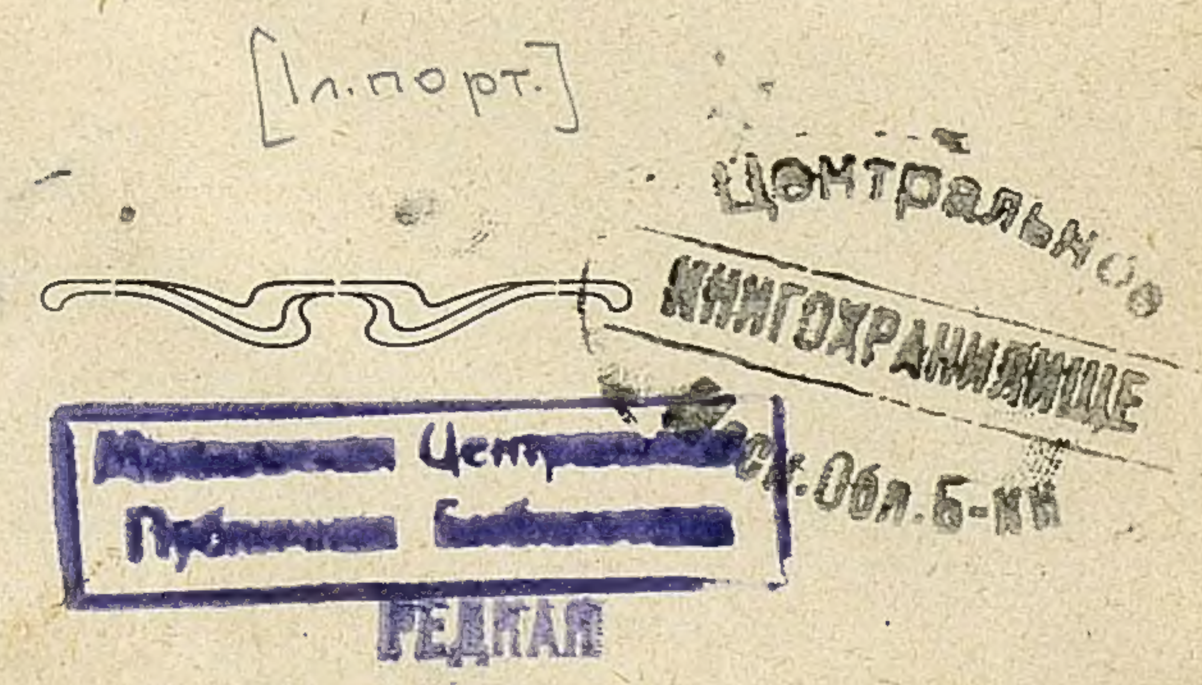

947.07
И-541

Императоръ Павелъ Первый.

По Шильдеру и воспоминаніямъ современниковъ.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ
Москва, Моховая, д. Бенкендорфъ, книжный магазинъ
Д. П. Ефимова.
1907.

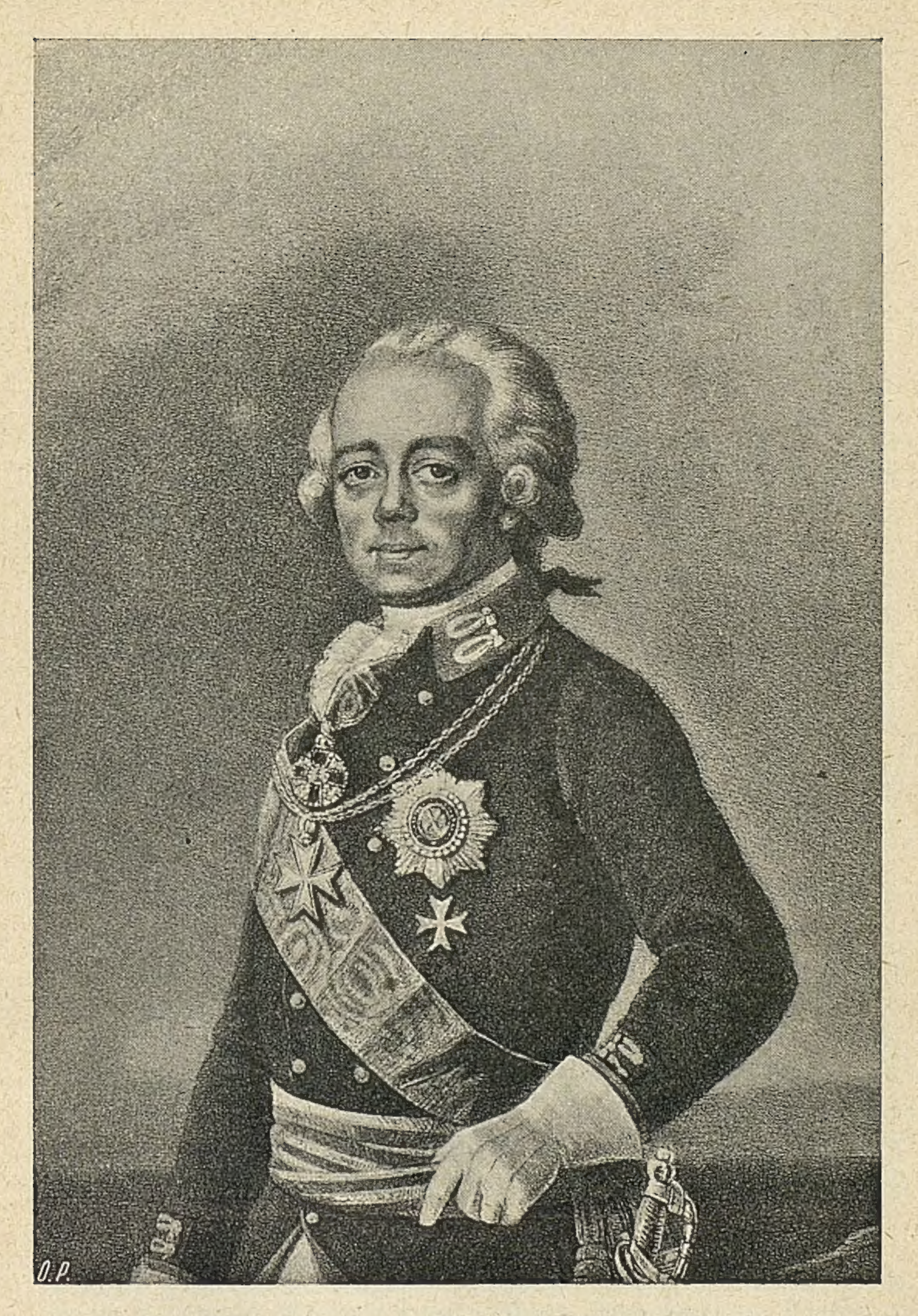
ПОСТАВЩ. ДВОРА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Т-ВО СКОРОПЕЧ. А.А. ЛЕВЕНСОНЪ
МОСКВА, ТВЕРСКАЯ, МАМОНОВСКІЙ ПЕР., С. 6.

Вмѣсто предисловія.

Обширный трудъ Шильдера «Императоръ Павелъ I» совершенно недоступенъ для «широкой публики», между тѣмъ онъ, не будучи исторіей царствованія Павла, представляетъ огромный интересъ, какъ историко-біографическій очеркъ его жизни.

По извѣстнымъ условіямъ въ немъ было опущено описаніе самаго событія въ ночь на 12-е марта; теперь у насъ уже достаточно опубликовано матеріаловъ, чтобы дополнить эту часть, что мы и сдѣлали по воспоминаніямъ Рунича, княгини Ливенъ, Саблукова, Бенигсена, Фонвизина и друг.

Составитель.

Императоръ Павелъ Первый.

Глава первая.

I.

Въ 1744 году, 9-го февраля, прибыла въ Москву принцесса Софія-Фредерика, предназначавшаяся въ супруги наслѣднику русскаго престола, великому князю Петру Ѳеодоровичу. Самое смѣлое воображеніе, самый проницательный умъ того времени, конечно, не могли себѣ представить, какое громадное вліяніе на будущія судьбы Россіи должно имѣть это скромное появленіе въ первопрестольной столицѣ нѣмецкой принцессы. Между тѣмъ оказалось, что въ Москву прибыла представительница будущей славы Россіи, державное воплощеніе забытаго послѣ Петра Великаго русскаго государственнаго эгоизма.

21-го августа 1745 года великая княгиня Екатерина Алексѣевна стала супругой наслѣдника русскаго престола. Но прошло цѣлыхъ десять лѣтъ томительнаго ожиданія, пока 20-го сентября 1754 г. великая княгиня разрѣшилась отъ бремени сыномъ, нареченнымъ Павломъ. Событіе это, нетерпѣливо поджидавшееся, тщательно подготовленное [1]) и радостно встрѣченное дворомъ и всѣмъ русскимъ обществомъ, совершилось въ Лѣтнемъ дворцѣ. Явился,

---

[1]) Это намекъ на то, что Павелъ не былъ сыномъ Петра III, а сыномъ Салтыкова. Рюльеръ довольно подробно говоритъ объ этомъ въ своей «Исторіи и анекдотахъ революціи въ Россіи въ 1762 году».

наконецъ, видимый залогъ упроченія новаго порядка вещей, начавшагося съ воцаренія Елисаветы Петровны; дѣйствительно, могло казаться, что теперь можно расчитывать на нѣкоторое обезпеченіе правильнаго наслѣдованія престола и на прекращеніе дворцовыхъ переворотовъ, омрачившихъ собою русскую исторію со времени смерти Петра Великаго [1]). Поэтому неудивительно, что надежды русскихъ людей того времени на лучшее будущее сосредоточились съ 1754 года на колыбели великаго князя Павла Петровича.

Событіе 20-го сентября лично для Екатерины сопровождалось большимъ горемъ, а именно полнымъ отчужденіемъ новорожденнаго отъ матери. Императрица Елисавета Петровна тотчасъ взяла къ себѣ маленькаго Павла, ревниво оберегая свои попеченія о немъ отъ всякаго вмѣшательства со стороны матери. Среди общей радости и торжества она была совершенно брошена безъ всякой помощи и малѣйшаго призрѣнія—она сдѣлала свое дѣло, и бо́льшаго отъ нея ничего не требовалось. Въ благодарность ей императрица лично подарила 100 тысячъ руб. и сверхъ того брильянтовый уборъ на шею и серьги.

[1]) Перечислимъ вкратцѣ эти перевороты: 1) Въ 1725 году Меншиковъ по смерти Петра В. возводитъ при помощи гвардіи свою бывшую любовницу—Екатерину I. 2) Въ 1730 году, опираясь на гвардію, Анна Іоанновна разрываетъ уже подписанную грамоту, ограничивавшую ея самодержавную власть. 3) Въ 1741 году былъ заключенъ въ крѣпость малолѣтній императоръ Іоаннъ Антоновичъ и вмѣстѣ со своей матерью-регентшей. 4) Въ 1762 году при помощи гвардіи былъ низверженъ императоръ Петръ III, и на престолъ вошла Екатерина II. 5) Въ 1801 году ночью былъ убитъ въ своей спальнѣ офицерами гвардіи императоръ Павелъ I.

Въ этотъ краткій перечень не вошли постоянныя перемѣны временщиковъ-самодержцевъ, распоряжавшихся русскимъ престоломъ и русскимъ государствомъ, правленіе которыхъ было гибельно для Россіи.

Только на сороковой день послѣ родовъ Екатерина впервые увидѣла своего сына и написала: «я нашла его очень красивымъ и его видъ привелъ меня въ радостное настроеніе».

Однако, свиданіе было непродолжительное. Послѣ молитвы младенца тотчасъ отнесли къ императрицѣ и постарались окружить его чрезмѣрными заботами. «Сама императрица,—пишетъ Екатерина,—прибѣгала къ нему на каждый крикъ его; излишними заботами ребенка буквально душили. Его помѣстили въ чрезвычайно жаркой комнатѣ, въ фланелевыхъ пеленкахъ, въ колыбели, обитой мѣхомъ черныхъ лисицъ; покрывали его стеганымъ на ватѣ атласнымъ одѣяломъ, сверхъ котораго постилали другое одѣяло изъ розоваго бархата, подбитаго мѣхомъ черныхъ лисицъ. Впослѣдствіи я сама много разъ видала его такимъ образомъ уложеннаго; потъ выступалъ у него на лицѣ и по всему тѣлу, вслѣдствіе чего, когда онъ нѣсколько подросъ, то малѣйшее дуновеніе воздуха причиняло ему простуду и дѣлало его больнымъ».

Такое воспитаніе испортило съ первыхъ же дней физическое здоровье Павла. Поправить причиненное зло оказалось впослѣдствіи невозможнымъ; у Павла появились нервность и чрезмѣрная раздражительность, принесшія со временемъ горькіе плоды.

Екатерина могла только украдкой узнавать о положеніи своего ребенка, потому что всякіе вопросы о немъ могли быть истолкованы въ смыслѣ сомнѣнія въ заботливости императрицы. Для полной характеристики этой безотрадной семейной картины достаточно упомянуть, что только въ концѣ царствованія Елисаветы Петровны Екатерина получила возможность видѣть сына разъ въ недѣлю. При подобныхъ условіяхъ едва ли возможно упрекать Екатерину въ отсутствіи родительскихъ чувствъ. Всту-

пивъ на престолъ, она неоднократно дѣлала попытки къ сближенію съ сыномъ, но каждая ея попытка роковымъ образомъ приближала ихъ отношенія ко все болѣе непоправимому разладу. Пропасть между матерью и сыномъ въ продолженіе 34-хъ лѣтъ становится все глубже, и въ этой непрерывающейся трагедіи являются моменты, поражающіе своимъ высокимъ драматизмомъ. Однимъ изъ выдающихся моментовъ является событіе 1762 года, событіе, которому суждено было имѣть огромное вліяніе въ отношеніяхъ сына и матери.

Павелъ Петровичъ, лишенный всякой родительской ласки, былъ окруженъ огромнымъ штатомъ нянюшекъ и бабушекъ. Однако, уходъ за нимъ оставлялъ желать многаго лучшаго. Достаточно, напримѣръ, такого случая: однажды Павелъ выпалъ изъ колыбели, и никто не замѣтилъ этого; только утромъ увидѣли, что великій князь лежитъ на полу и крѣпко почиваетъ.

Его младенческіе годы изобиловали болѣзненными припадками, которые настоятельно требовали разумнаго ухода, а его-то именно и не было. Павелъ страдалъ частымъ разстройствомъ пищеварительныхъ органовъ, но никто не думалъ серьезно лечить его; напротивъ того, продолжали даже разстраивать здоровье будущаго императора несоблюденіемъ самыхъ основныхъ діэтическихъ правилъ. На бумагѣ, правда, все обстояло болѣе чѣмъ благополучно, и лейбъ-медикъ Кондоиди доносилъ императрицѣ, что «Благовѣрнаго Государя Великаго Князя Павла Петровича вседражайшее здоровье, Господу споспѣшествующему за молитвами вашего Императорскаго Величества, продолжается саможелательно и во всемъ благополучно».

Когда Павлу минуло 4 года, къ нему былъ приставленъ въ качествѣ воспитателя Бехтѣевъ, быв-

щій повѣренный при Версальскомъ дворѣ. Няньки и бабки, чувствуя, что пришелъ конецъ ихъ самовластію, старались всячески запугать ребенка, и Павломъ было пролито не мало слезъ изъ страха передъ воспитателями и изъ любви къ мамушкамъ, съ которыми онъ долженъ былъ разстаться.

Императрица не удовольствовалась назначеніемъ Бехтѣева и въ 1760 году назначила новаго руководителя, Никиту Ивановича Панина. Этотъ выборъ былъ изъ удачныхъ. „По образованію Панинъ стоялъ выше многихъ современниковъ, многолѣтнее пребываніе за границей и служба среди иноземныхъ людей, къ тому же дипломатовъ, обогатили его многими познаніями, особенно драгоцѣнными для русскаго человѣка того времени... Придворная сфера, какъ извѣстно, не вырабатываетъ характеровъ, а Никита Ивановичъ и по природѣ своей былъ скорѣе податливаго, чѣмъ твердаго нрава... Какъ царедворецъ, предпочиталъ плыть по теченію и примиряться съ дѣйствительностью. Инціативой онъ не отличался и великихъ идей не провозглашалъ и оставилъ по себѣ добрую память высокообразованнаго совѣтника и безукоризненнаго честнаго человѣка». Екатерина также была довольна назначеніемъ Панина, но ея радость была преждевременна. При разговорахъ ея съ Панинымъ, касавшихся будущаго Русскаго престола выяснилось, что онъ противъ Петра Θеодоровича, но не за Екатерину, а за Павла Петровича.

II.

Съ 1761 года здоровье императрицы Елисаветы Петровны сильно пошатнулось; болѣзненные припадки все учащались, повергая царедворцевъ въ

уныніе и страхъ. Развязка послѣдовала скорѣе, чѣмъ ожидали: 25-го декабря 1761 года (5-го января 1762 года), въ половинѣ четвертаго часа пополудни, «Богу угодная ея душа отъ тѣла разлучилась»,—извѣщали «С.-Петербургскія Вѣдомости» о кончинѣ Елисаветы Петровны.

О царственномъ узникѣ, несчастномъ Іоаннѣ Антоновичѣ, конечно, никто изъ современниковъ кончины Елисаветы Петровны не вспомнилъ. Однако можно предположить, что судьба его не разъ тревожила духъ умирающей императрицы. Ея тревога становилась тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше императрица убѣждалась, въ чьи руки долженъ былъ перейти русскій престолъ. Она знала, что онъ долженъ достаться—Петру Ѳеодоровичу. «Насчетъ племянника своего она была совершенно одинаковыхъ со мною мыслей,—пишетъ Екатерина,—она такъ хорошо знала его, что нигдѣ не могла провести съ нимъ четверти часа безъ отвращенія, или гнѣва, или огорченія. У себя въ комнатѣ, когда заходила о немъ рѣчь, она, говоря о немъ, заливалась слезами по поводу несчастія имѣть такого наслѣдника, отзываясь же о немъ, обнаруживала лишь презрѣніе и часто надѣляла его эпитетами, которыхъ онъ вполнѣ заслужилъ».

Однако при отсутствіи какихъ-либо указаній со стороны Елисаветы Петровны всѣ споры должны были разрѣшиться на законномъ основаніи,[1] хотя несомнѣнно, что никогда еще наслѣдникъ престола не пользовался меньшею любовью народа. Петръ III

---

[1]) Екатерина убѣждала своего супруга, чтобы не гвардейскіе полки провозглашали его, а взойти на престолъ при помощи сената. Петръ, было, согласился; но, едва скончалась Елисавета, императоръ, въ восторгѣ радости, немедленно явился къ гвардіи и деспотически провозгласилъ себя императоромъ.

былъ провозглашенъ императоромъ, и началось кратковременное, но едва ли не самое оригинальное царствованіе въ русской исторіи. Въ манифестѣ Павелъ не былъ названъ наслѣдникомъ, но это не мѣшало его считать таковымъ и молиться на эктеніяхъ «о Благовѣрномъ Государѣ Цесаревичѣ и Великомъ Князѣ Павлѣ Петровичѣ».

Положеніе Екатерины сдѣлалось еще хуже прежняго, и соглашеніе между царственными супругами на какихъ-либо основаніяхъ сдѣлалось окончательно невозможнымъ. Семейная драма, длившаяся уже много лѣтъ, приняла теперь трагическій оборотъ и, благодаря невмѣняемости Петра, приближалась къ печальной для него развязкѣ.

Поведеніе Петра III дѣйствительно нельзя не признать невмѣняемымъ. Во время перваго же молебна въ придворной церкви и присяги оно превзошло всякое вѣроятіе. По словамъ Екатерины, «сей былъ внѣ себя отъ радости и оной нимало не скрывалъ и имѣлъ совершенно позорное поведеніе, кривляясь всячески и не произнося, окромѣ вздорныхъ рѣчей, не соотвѣтствующихъ ни сану, ни обстоятельствамъ, представляя болѣе смѣшного арлекина, нежели иного чего, требуя, однако, всякаго почтенія». Въ тотъ же вечеръ состоялся веселый ужинъ «въ куртажной галереѣ персонъ на полтораста». Онъ послужилъ началомъ нескончаемыхъ пирушекъ во дворцѣ или у знатныхъ особъ. Но хуже всего было на похоронахъ императрицы. «Императоръ, пишетъ Екатерина, былъ въ этотъ день чрезмѣрно веселъ и посреди траурной церемоніи сдѣлалъ себѣ забаву: нарочно отстанетъ отъ везущаго тѣло одра, пустя онаго впередъ саженъ тридцать, потомъ изо всей силы добѣжитъ; старшіе камергеры, носящіе шлейфъ епанчи его черной, паче же оберъ-камергеръ Шереметевъ, носящій конецъ

епанчи, не могши бѣжать за нимъ, принуждены были епанчу пустить, и какъ вѣтромъ ее раздувало, то сіе Петру пуще забавно стало. Онъ повторялъ нѣсколько разъ сію штуку, отъ чего сдѣлалось, что я и всѣ идущіе за мною отстали отъ гроба и наконецъ принуждены были послать остановить всю церемонію, доидеже отставшіе дошли».

Послѣдовавшія реформы отличались не меньшими крайностями и странностями; въ нихъ на каждомъ шагу бросались въ глаза поспѣшность, неполнота, необдуманность. И въ то время какъ одни преобразованія носили отпечатокъ задабриванія и угожденія (въ одномъ случаѣ Петръ заслужилъ такую признательность, что ему желали соорудить золотую статую, на что онъ имѣлъ счастливое вдохновеніе отказаться), другія, напротивъ, возбуждали противъ себя общественное мнѣніе. Наконецъ, какъ бы для того, чтобы окончательно возбудить противъ себя русское общество, Петръ III, съ свойственной ему проницательностью, придумалъ еще одно средство внѣшнюю политику Россіи сдѣлать антинаціональною.

Здѣсь не мѣсто входить въ разборъ краткаго царствованія Петра III, поэтому мы прямо перейдемъ къ развязкѣ.

А ее ускорило одно неожиданное событіе. 9-го іюня за обѣдомъ, гдѣ присутствовало 400 высшихъ чиновъ и иностранныхъ министровъ, Петръ громогласно назвалъ Екатерину «дурой», затѣмъ приказалъ ее арестовать и лишь заступничество принца Георга спасло Екатерину.

Теперь Екатерина перемѣнила свое рѣшеніе, сводившееся къ полному невмѣшательству въ окружающее. Съ этого дня она начала склоняться на предложенія, которыя ей дѣлались со времени кон-

чины Елисаветы Петровны[1]) Екатерина, оскорбленная какъ женщина и тревожимая за будущность имперіи, рѣшилась стать во главѣ движенія, направленнаго противъ Петра III. Императоръ же, нисколько не заботясь о своей участи и оставляя все то же пренебрежительное отношеніе къ женѣ и сыну, переѣхалъ въ Ораніенбаумъ. Здѣсь онъ продолжалъ прежнюю петербургскую разгульную жизнь. По утрамъ происходили вахтпарады голштинскихъ войскъ и всякіе экзерциціи и смотры, прерываемые вспышками неразумнаго гнѣва, а затѣмъ начинались шумные обѣды, пьяные ужины, невоздержанныя рѣчи, невозможныя распоряженія. О поведеніи Петра этого времени сохранилось много свидѣтельствъ, и вотъ какъ объясняетъ его историкъ Екатерины: «Тупой, упрямый, невоздержанный, онъ, ставъ самодержцемъ, искренно былъ убѣжденъ, что весь міръ существуетъ единственно для удовлетворенія его желаній, капризовъ, прихотей; онъ потерялъ способность правильно мыслить, сталъ дѣйствовать, какъ самодуръ, и до послѣдней минуты былъ ослѣпленъ своей властью, ей только довѣрялъ, на нее только опирался».

Въ воздухѣ чувствовалось что-то недоброе; всѣми сознавалось, что они живутъ наканунѣ переворота. А изъ Ораніенбаума все получались разныя распоряженія, продолжавшія волновать населеніе и возбуждавшія, по меньшей мѣрѣ, изумленіе; что же касается слуховъ, то всякая нелѣпость принималась на вѣру и ставилась на счетъ Петру III.

Его стараніями общее недовольствіе созрѣло, наконецъ, настолько, что наступило время для неудержимаго ничѣмъ проявленія общественнаго мнѣ-

[1]) Вѣрнѣе, она теперь пустила въ ходъ тѣ мѣры, которыя ею были заготовлены «на всякій случай».

нія. «Большая ошибка думать, что въ Россіи нѣтъ общественнаго мнѣнія», пишетъ историкъ Екатерины II. «Вслѣдствіе того, что въ Россіи нѣтъ правильныхъ формъ для его выраженія, оно проявляется неправильно, скачками, урывками, только въ важные историческіе моменты, но проявляется тѣмъ съ большею силою и въ формахъ тѣмъ болѣе своеобразныхъ. Петръ III презиралъ русское общественное мнѣніе, глумился надъ нимъ и имѣлъ несчастіе испытать на себѣ его страшную силу со всѣми его роковыми послѣдствіями».

Глава вторая.

I.

28-го іюня 1762 года, въ часъ пополудни, Петръ съ многочисленной свитой отправился изъ Ораніенбаума въ Петергофъ, къ государынѣ. Однако ихъ никто не встрѣтилъ—Екатерина въ 5 часовъ утра уѣхала въ Петербургъ. Между тѣмъ въ столицѣ совершилось событіе великой важности: Екатерина провозглашена была гвардіей самодержавною императрицею. Благодаря предусмотрительности Екатерины Павелъ находился въ Петербургѣ и принималъ непосредственное, хотя и пассивное участіе въ переворотѣ. Выступая вечеромъ съ войскомъ въ Петергофъ, Екатерина оставила сына на попеченіе сената. Воинственное шествіе Екатерины окончилось безкровною побѣдою. Петръ III, по словамъ Фридриха Великаго, допустилъ свергнуть себя съ престола, какъ ребенокъ, котораго отсылаютъ спать. Императоръ въ Ораніенбаумѣ отказался отъ престола и, по прибытіи въ Петергофъ, былъ отвезенъ

въ Ропшу. 30-го Екатерина уже возвратилась въ столицу и направилась прямо въ Лѣтній дворецъ, гдѣ ее ожидали цесаревичъ и многочисленное собраніе: сенатъ, синодъ и всѣ имѣющіе входъ ко двору.

Въ особомъ «обстоятельномъ» манифестѣ по поводу событій 28 и 29-го іюня Екатерина заявила, что она не имѣла «никогда ни намѣренія, ни желанія такимъ образомъ воцариться, каковымъ Богъ по невѣдомымъ Его судьбамъ промысломъ своимъ намъ опредѣлилъ престолъ отечества россійскаго воспріять... Таковымъ, Богу благодареніе, дѣйствіемъ престолъ самодержавный нашего любезнаго отечества приняли мы на себя безъ всякаго кровопролитія, но Богъ единъ и любезное наше отечество черезъ избранныхъ своихъ намъ помогали».

Этотъ безкровный переворотъ скоро омрачился тяжелымъ событіемъ. 6-го іюня, т.-е. на седьмой день царствованія, Екатерина получила извѣстіе о насильственной смерти бывшаго императора Петра III, послѣдовавшей въ Ропшѣ. Неожиданность событія и подробности самаго происшествія причинили императрицѣ немало заботъ и тревогъ какъ въ то время, такъ и въ будущемъ.

7-го іюля былъ обнародованъ манифестъ, гдѣ между прочимъ писалось: «Въ седьмой день послѣ принятія нашего престола всероссійскаго получили мы извѣстіе, что бывшій Императоръ Петръ III, обыкновеннымъ и прежде часто случавшимся ему припадкомъ геморроидическимъ, впалъ въ прежестокую колику[1])... Но, къ крайнему нашему прискорбію и

[1]) 6-го іюля, вечеромъ, Екатерина получила слѣдующее письмо отъ Орлова изъ Ропши:

«Матушка, милосердная государыня! Какъ мнѣ изъяснить, описать, что случилось: не повѣришь вѣрному рабу своему. Но какъ передъ Богомъ скажу истину. Матушка! готовъ

смущенію сердца, вчерашняго вечера получили мы другое, что онъ волею Всевышняго Бога скончался. Чего ради мы повелѣли тѣло его привезти въ монастырь Невскій, для погребленія въ томъ же монастырѣ, а между тѣмъ всѣхъ вѣрноподданныхъ возбуждаемъ и увѣщаваемъ нашимъ Императорскимъ и матернимъ словомъ, дабы, безъ злопамятства всего прешедшаго, съ тѣломъ его послѣднее учинили прощеніе и о спасеніи души его усердныя къ Богу приносили молитвы. Сіе же бы нечаянное въ смерти его Божіе опредѣленіе принимали за промыселъ Его Божественный, который онъ судьбами своими неисповѣдимыми намъ, престолу нашему и всему отечеству строитъ путемъ, Его только святой волѣ извѣстнымъ».

II.

Какъ же отнесся къ перевороту Павелъ?

У насъ нѣтъ точныхъ и обстоятельныхъ данныхъ, однако, можно догадываться, какое впечатлѣніе должны были произвести на ребенка, нервнаго и одареннаго болѣзненнымъ воображеніемъ, уличныя событія 28-го іюня и послѣдовавшихъ дней; къ

итти на смерть, но самъ не знаю, какъ эта бѣда случилась. Погибли мы, когда ты не помилуешь. Матушка! его нѣтъ на свѣтѣ... Но никто сего не думалъ, и какъ намъ задумать поднять руку на государя. Но, государыня, совершилась бѣда. Онъ заспорилъ за столомъ съ княземъ Барятинскимъ. Не успѣли мы разнять, а его уже и не стало. Сами не помнимъ, что дѣлали, но всѣ до единаго виноваты, достойны казни. Помилуй меня, хоть для брата. Повинную тебѣ принесъ, нечего и разыскивать. Прости или прикажи скорѣе кончить. Свѣтъ не милъ: прогнѣвили тебя и погубили свои души». Рюльеръ, современникъ событія, пишетъ, что Петра отравили, и подробно разсказываетъ это ужасное событіе.

тому же его напугали, что его жизни угрожаетъ опасность.

А злое дѣло, которое хотя и въ сокращенномъ видѣ, не могло быть скрыто отъ сына, должно было лишь увеличить тяжелое впечатлѣніе, произведенное тревожными днями; оно было настолько велико, что оставило слѣды на всю послѣдующую жизнь Павла Петровича.

Ко всему этому надо прибавить вліяніе услужливыхъ или же опрометчивыхъ нашептываній со стороны разныхъ лицъ. Весьма естественно поэтому, что отнынѣ въ умѣ маленькаго Павла прочно засѣло предубѣжденіе противъ матери, смѣшанное съ какимъ-то подозрительнымъ страхомъ. Между матерью и сыномъ появилась тѣнь, наложившая неизгладимую печать на отношенія императрицы къ своему сыну; между ними мало-по-малу создалась глубокая пропасть, надъ которою цесаревичъ много лѣтъ предавался пагубнымъ размышленіямъ. Къ чему привели эти размышленія, — отвѣтомъ послужило впослѣдствіи четырехлѣтнее правленіе Павла Перваго.

Отношенія эти тѣмъ менѣе могли улучшиться, чѣмъ менѣе могла Екатерина заниматься непосредственно воспитаніемъ сына; а этому мѣшали государственныя дѣла и та зависимость отъ извѣстныхъ лицъ, которая не позволила удалить отъ Павла графа Панина. Недаромъ императрица признавалась Храповицкому въ 1793 году: «Тамъ не было мнѣ воли сначала, а послѣ, по политическимъ причинамъ, не брала отъ Панина. Всѣ думали, что, ежели не у Панина, такъ онъ пропалъ».

Изъ Москвы Екатериной сдѣлана была попытка привлечь къ воспитанію Павла европейскую знаменитость — Даламбера. 13 ноября 1762 года императрица лично писала о томъ философу. Но Далам-

беръ не внялъ обращеннымъ къ нему просьбамъ, объясняя свой отказъ въ шуточной формѣ въ письмѣ къ Вольтеру — «Я очень подверженъ геморою, а онъ слишкомъ опасенъ въ этой странѣ», дѣлая этимъ намекъ на смерть Петра III.

Послѣ этого Панинъ остался уже до совершеннолѣтія Павла Петровича единственнымъ полноправнымъ распорядителемъ воспитанія цесаревича. И Екатерина вполнѣ могла не безпокоиться за себя. «По свойству своего характера Панинъ не обладалъ ни энергіей замысла, ни рѣшительностью воли, такъ что ему никогда не могла притти мысль воспользоваться своимъ питомцемъ для произведенія переворота [1])... Брату Панина, Петру Ивановичу, императрица никогда не довѣрила бы своего сына». Однако, въ воспитаніи Павла находился такого рода оттѣнокъ, который мы назвали бы предательскимъ. Безъ всякаго сомнѣнія, никто изъ современниковъ 1762 года не зналъ и не понималъ лучше его всѣхъ прелестей кратковременнаго правленія Петра III, и что же сдѣлалъ Панинъ? Будучи самъ однимъ изъ выдающихся дѣятелей въ дѣлѣ сверженія Петра III, Панинъ тѣмъ не менѣе не призналъ нужнымъ выяснить своему воспитаннику истинный смыслъ переворота 1762 года и историческое значеніе воцаренія Екатерины, сравнительно съ правленіемъ ея предшественниковъ. Напротивъ того, восхваляя отца и вселяя въ сынѣ снисходительное отношеніе къ его заблужденіямъ и увлеченіямъ, онъ ни слова не сказалъ о томъ, чѣмъ Россія обязана Екатеринѣ, а подобное слово, услы-

---

[1]) Правда, Панинъ долго не соглашался со сторонниками Екатерины на ея царствованіе, но какъ не уступить... царедворцу!..

шанное изъ устъ Панина, имѣло бы громадное значеніе для Павла и не прошло бы для него безслѣдно.

Панинъ же, напротивъ того, не устоялъ противъ искушенія подготовить себѣ въ наслѣдникѣ мстителя за непризнаніе его, панинской, политической мудрости; расходясь во взглядахъ съ императрицею, онъ задумалъ создать себѣ въ лицѣ своего воспитанника болѣе покорнаго слушателя и послѣдователя. Очевидно, что Павлу разсказали исторію его отца, какъ человѣка, желавшаго добра Россіи и ею непонятаго, неоцѣненнаго; отсюда явилось въ цесаревичѣ желаніе подражать отцу. Объ одномъ только можно пожалѣть, что Панинъ не вкусилъ плодовъ своихъ внушеній.

Однако, съ одной стороны Панинъ заслуживаетъ признательности — это умѣніе подобрать педагогическій персоналъ Павла изъ лучшихъ силъ. Среди учителей Павла выдающимся значеніемъ пользовался Порошинъ, который оставилъ по себѣ весьма цѣнный дневникъ, но который, къ сожалѣнію, не могъ долго оставаться при наслѣдникѣ; онъ сдѣлался жертвою придворныхъ интригъ. Недоброжелатели Порошина воспользовались его дневникомъ и увѣрили Павла, что записки со временемъ будутъ служить только «къ его стыду и посрамленію». Въ этихъ запискахъ Павелъ намъ рисуется уже очень своенравнымъ и вспыльчивымъ ребенкомъ, на котораго, впрочемъ, скорѣе дѣйствовали усовѣщеванія, чѣмъ суровыя наказанія, которымъ нерѣдко подвергалъ его Панинъ. Отношеніе Екатерины къ десятилѣтнему сыну было самое нѣжное и предупредительное. Однако, Порошинъ подмѣтилъ холодность и недовѣрчивость къ матери, скуку и нетерпѣніе въ ея присутствіи и, вообще, зародыши тѣхъ свойствъ, которыя онъ обнаруживалъ, какъ императоръ.

Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ больше становилось это охлажденіе между сыномъ и матерью, хотя оно и прикрывалось наружнымъ видомъ благопристойности. Въ послѣднюю же эпоху великій князь, уже достигшій тридцатилѣтняго возраста, зажилъ совершенно самостоятельною жизнью. Уединившись въ Гатчинѣ и Павловскѣ, онъ пріѣзжалъ въ мѣстопребываніе императрицы только тогда, когда этого требовала крайность. Несмотря на это, Екатерина продолжала относиться къ Павлу, какъ къ наслѣднику ея престола. Нельзя сказать, чтобы она держала его въ совершенномъ невѣдѣніи о дѣлахъ управленія; напротивъ того, изъ дневника Храповицкаго (1782 — 1793 г.г.) видно, что по ея приказанію ему докладывались дѣла какъ внѣшнія, такъ и внутреннія и что лица служащія попрежнему считали своею обязанностью являться къ нему при каждой служебной перемѣнѣ.

«Такимъ образомъ протекали послѣднія 13 лѣтъ царствованія Екатерины. А между тѣмъ въ продолженіе этого времени подросли дѣти Павла, — и Екатерина, вполнѣ разочарованная насчетъ своего сына, перенесла всѣ свои надежды и ожиданія на внука своего, великаго князя Александра Павловича».

III.

Лѣтомъ 1764 года Екатерина вздумала путешествовать по Прибалтійскому краю. Еще до отъѣзда императрицы въ Петербургъ стали распространяться неясные толки о какой-то ожидаемой катастрофѣ, и появились подметныя письма съ упоминаніемъ о Шлиссельбургѣ и Іоаннѣ III. Слухъ скоро сдѣлался фактомъ. Въ ночь съ 4-го на 5-е іюля разыгралась

кровавая «Шлюссельбургская нелѣпа», состоявшая въ томъ, что подпоручикъ Смоленскаго пѣхотнаго полка Мировичъ затѣялъ въ крѣпости бунтъ съ цѣлью освобожденія содержавшагося въ ней «безыменнаго колодника». Но Екатерина давно уже предусмотрѣла возможность такой «нелѣпы», и въ инструкціи, данной приставленнымъ къ царственному узнику капитану Власьеву и поручику Чекину, за подписью Н. И. Панина, сказано было, что, если силою кто-либо пожелаетъ его отнять, «то арестанта умертвить, а живого никому его въ руки не отдавать». Когда же во время бунта Власьевъ и Чекинъ убѣдились въ безвыходности своего положенія, они въ точности исполнили данную имъ инструкцію, и ворвавшемуся въ казематъ Мировичу суждено было увидѣть одинъ бездыханный трупъ. Убитый «безыменный колодникъ» былъ бывшій императоръ Іоаннъ III. Такимъ образомъ кровавая развязка завершила собою беззаконіе 1741 года. Невольно припоминаются слова великаго поэта, имѣющія столь вѣрный, глубокій смыслъ: «Въ томъ именно проклятіе злого дѣла, что оно безпрерывно рождаетъ новое зло».

Узнавъ о случившемся, Екатерина проявила необыкновенное спокойствіе, присутствуя всюду на пиршествахъ. 9-го іюля она писала Панину: «Я съ великимъ удивленіемъ читала ваши репорты и всѣ дивы, происшествія въ Шлюссельбургѣ: руководство Божіе чудное и неиспытанное есть».

Въ свою очередь, Панинъ также видѣлъ въ исчезновеніи царственнаго узника «чудный Божій промыселъ».

Теперь только надо было поскорѣе расправиться съ участниками Шлиссельбургской нелѣпы и пресѣчь «дурацкія разглашенія». 17 августа, по окончаніи слѣдствія, появился манифестъ о кончинѣ

принца Іоанна Антоновича и о назначеніи верховнаго суда надъ бунтовщиками. Въ семнадцать дней собраніе окончило порученное ему дѣло, и 15-го сентября совершилась казнь Мировича на Петербургской сторонѣ; мятежнику была отсѣчена голова, и тѣло его сожжено «купно съ эшафотомъ [1])».

[1]) Судъ надъ Мировичемъ,—пишетъ Герценъ,—одно изъ замѣчательнѣйшихъ дѣлъ Екатерины II, по наглости лицемѣрія. Никто не сомнѣвается, что подпоручикъ Мировичъ былъ подкупленъ взбунтоваться, чтобъ дать поводъ къ убійству принца Іоанна, за что Екатерина обѣщала Мировичу не казнь, а награжденіе; Мировичъ польстился на награжденіе, а императрица велѣла его казнить. Манифестомъ 17-го августа 1764 года она учредила надъ нимъ верховный уголовный судъ изъ сената, синода и первыхъ трехъ классовъ персонъ съ президентами всѣхъ коллегій! (Соб. зак., т. XVI, № 72,228). Въ этомъ манифестѣ Екатерина объясняетъ нить престолонаслѣдія: «Когда всего нашего вѣрноподданнаго народа единодушнымъ желаніемъ (?!) Богъ благоволилъ вступить намъ на престолъ Всероссійскій, и мы вѣдая въ живыхъ еще находящагося тогда принца Іоанна, который былъ на нѣкоторое время (какъ всему свѣту извѣстно) незаконно въ младенчествѣ опредѣленъ къ Всероссійскому престолу Императоромъ, и въ томъ же еще сущемъ младенчествѣ совѣтомъ Божіимъ низложено на вѣки, а Скипетръ законнонаслѣдный получила Петра Великаго дочь Наша вселюбезная тетка, въ Бозѣ почивающая Императрица Елизавета Петровна; то первое наше было, по принесеніи хвалы Богу Всемогущему, желаніе и мысль, по природному Нашему человѣколюбію, чтобъ сему, судьбою Божіею (!) низложенному, человѣку сдѣлать жребій, облегченный въ стѣсненной его отъ младенчества жизни. Мы тогда же положили сего Принца сами видѣть, дабы, узнавъ его душевныя свойства, и жизнь ему, по природнымъ его качествамъ и по воспитанію, которое онъ до того времени имѣлъ, опредѣлить спокойную. (Это заключеніе-то въ сырыхъ казематахъ Шлиссельбургской крѣпости!) Но съ чувствительностью Нашею увидѣли въ немъ, кромѣ весьма ему тягостнаго и другимъ почти невразумительнаго косноязычества, лишенія разума и смысла человѣческаго. Всѣ бывшіе тогда съ нами видѣли, сколько Наше сердце сострадало жалостью человѣчеству».

Какъ видите, здѣсь все есть: и совѣтъ Божій, и состраданіе, и жалость человѣчеству, нѣтъ лишь одного—обмана, а все кон-

На Павла Шлюссельбургская исторія и послѣдствія ея, какъ и слѣдовало ожидать, произвели сильное впечатлѣніе. «Когда о совершившейся 15-го числа сего мѣсяца надъ бунтовщикомъ Мировичемъ

чается назначеніемъ офицеровъ Власьева и Чекина, которымъ дается приказъ прикончить съ прицемъ при малѣйшей попыткѣ его освободить. (Какова предусмотрительность.)

Однако, объ этой предусмотрительности въ манифестѣ нѣтъ ни слова; напротивъ, тамъ говорится, что «симъ двумъ офицерамъ Мы повелѣли его также призирать и соблюдать. Но не могли, однакожъ, избѣгнуть зла и коварства, такого въ родѣ человѣческомъ чудовища (!), каковый нынѣ въ Шлиссельбургѣ съ покаяніемъ живота своего въ ужасномъ своемъ дѣйствіи явился. Нѣкто подпоручикъ Смоленскаго пѣхотнаго полка, малороссіянецъ Василій Мировичъ, *перваго измѣнника съ Мазепою Мировича внукъ*, по крови своей, какъ видно, отечеству вѣроломный, провожая свою жизнь въ мотовствѣ и распутствѣ, и тѣмъ лишась всѣхъ способовъ къ законному достиженію чести и счастья, наконецъ, отступилъ отъ закона Божія и присяги своей, Намъ учиненной, и не зная, какъ только по единому слуху о имени Принца Іоанна, а тѣмъ меньше о душевныхъ его качествахъ и тѣлесномъ сложеніи (!), сдѣлалъ себѣ предметъ, чрезъ какое бы то ни было въ народѣ кровопролитное смятеніе, счастіе для себя возвысить». Вѣрные присягѣ, Власьевъ и Чекинъ, «*увидя передъ собою силу непреодолимую*» (*одинъ взводъ* караула!), рѣшились убить Іоанна.

15-го сентября состоялась сентенція о Мировичѣ. Въ докладѣ верховнаго суда Екатеринѣ читаемъ: ...«собраніе, принявъ въ разсужденіе важность Мировичева злодѣйства, и чтобъ частными по сему дѣлу быть могущими представленіями не нанести нѣжному, человѣколюбивому и милосердному Ея Императорскаго Величества сердцу прискорбія и безпокойства, всеподданнѣйше просило Ея Императорское Величество, чтобъ только на сей случай соизволила уполномочить собраніе въ рѣшеніи дѣла и въ надлежащемъ по тому исполненіи для будущаго потомковъ спокойствія и безопасности государства поступить по законамъ и чтобъ при томъ же Всемилостивѣйше дозволено было собранію поступить по сему дѣлу во всемъ по большинству голосовъ». Въ конфирмаціи Екатерина отвѣчала: «что принадлежитъ до Ея Императорскаго Величества *собственнаго оскорбленія*, въ томъ сего судимаго Всемилостивѣйше прощаетъ; въ касающихся же дѣлахъ *до цѣлости государственной* общаго благополучія и тишины, въ силу

казни изволили его высочество услышать, также опочивалъ ночью весьма худо», —пишетъ Порошинъ.

Глава третья.

I.

Обратимся теперь къ разъясненію вопроса, имѣвшаго столь роковое значеніе въ жизни Павла Петровича, а именно: какимъ образомъ проявилась въ цесаревичѣ неудержимая страсть къ экзерцирмейстерству, къ парадоманіи,—однимъ словомъ, къ «мелкостямъ» военной службы.

Трудно объяснить это странное явленіе иначе, какъ наслѣдственнымъ даромъ, перешедшимъ отъ отца къ сыну; дѣйствительно, въ цесаревичѣ всецѣло воскресла манія Петра III, а манія проглядывала очень рано, несмотря на всѣ старанія воспитателей воспрепятствовать этому [1]). Конечно, не Панину, хорошо знавшему несчастный опытъ предыдущаго царствованія, развивать было эту наклонность наслѣдника. Съ нимъ вполнѣ былъ солидаренъ и Порошинъ и другіе. Однако не всѣ. Порошинъ замѣчаетъ, что другіе, случалось, указывали Павлу на прусскіе порядки, какъ на «примѣръ для подраженія его высочеству». Вообще въ присутствіи цесаревича свободно высказывались мнѣнія, идущія даже совершенно въ разрѣзъ со взглядами Панина.

поднесеннаго доклада на сего дѣла случай, отдаетъ въ полную власть сему вѣрноподданному собранію».

Мы нарочно выписали эти мѣста изъ дѣла Мировича, такъ какъ оно мало знакомо «широкой публикѣ».

[1]) Въ дальнѣйшихъ строкахъ Шильдеръ, думается намъ, противорѣчитъ только что имъ же самимъ написанному.

Всего болѣе пользовался этой свободою его родной братъ, генералъ Петръ Ивановичъ Панинъ; онъ постоянно посѣщалъ великаго князя до отъѣзда въ армію въ 1769 году и содѣйствовалъ въ немалой степени развитію военныхъ наклонностей въ юномъ наслѣдникѣ. Въ своихъ бесѣдахъ Петръ Ивановичъ охотно касался также современныхъ военныхъ порядковъ и критически, по выраженію Порошина, «нѣсколько сатиритически», относился къ военнымъ порядкамъ и мѣропріятіямъ императрицы Екатерины. Имъ противополагались порядки въ прусскомъ государствѣ, гдѣ особенно цѣнилась дисциплина не только въ войскахъ, но и въ частной жизни.

Подобныя сужденія не прошли даромъ, а легли въ основу всѣхъ дѣйствій Павла Петровича, когда онъ впослѣдствіи принялся водворять всюду дисциплину, къ общему горю своихъ вѣрноподданныхъ.

Къ числу единомышленниковъ Петра Панина надо отнести совершенную бездарность, полковника М. Ѳ. Каменскаго. Онъ поднесъ цесаревичу въ 1765 году описаніе прусскаго лагеря, при этомъ Каменскій, между прочимъ, писалъ: «Хотя правнуку Петра Великаго меньше всѣхъ нужны примѣры иностранныхъ государей, однако оное (т.-е. описаніе Бреславльскаго лагеря) напомнитъ, по крайней мѣрѣ, вашему императорскому высочеству недавно прошедшее счастливое время для россійскаго войска, когда оно удостоено было видѣть лицо своего государя послѣ сорока лѣтъ терпѣнія».

Въ дневникѣ Порошина мы находимъ интересныя наблюденія надъ дѣтскими увлеченіями Павла военными упражненіями и фантазіями изъ военной жизни. По этимъ весьма цѣннымъ запискамъ Порошина довольно ясно обрисовывается тотъ особенный, созданный воображеніемъ цесаревича военный міръ, въ которомъ безпрерывно витали его мысли.

Все это свидѣтельствуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ о крайне возбужденномъ, ненормальномъ состояніи духа великаго князя, начиная съ десятилѣтняго возраста. Съ годами свои дѣтскія грезы Павелъ мечталъ провести въ дѣйствительную жизнь. Долго онъ готовился къ роли преобразователя, призваннаго поддерживать расшатанное, по его мнѣнію, правительственное зданіе, — роли, къ которой онъ неуклонно стремился, а воображеніе тѣмъ временемъ продолжало работать съ усиленной дѣятельностью, страсти разыгрывались, разсудокъ затемнялся; когда же для Павла насталъ, наконецъ, этотъ радостный, давно желанный день, то онъ въ самое короткое время привелъ своими дѣйствіями въ изумленіе Россію, а за нею и всю Европу.

II.

Въ 1767 году Екатерина совершила поѣздку по Волгѣ и посѣтила Москву. Ее долженъ былъ сопровождать Павелъ, но въ Москвѣ онъ тяжело заболѣлъ и не могъ дальше слѣдовать. Во время пребыванія двора въ Москвѣ рѣшенъ былъ весьма важный для цесаревича вопросъ относительно его Голштинскаго наслѣдства. Императрица Екатерина именемъ несовершеннолѣтняго сына отказалась отъ правъ на Шлезвигъ и уступила Даніи герцогство Голштинское въ обмѣнъ на графства Ольденбургское и Дельменгорстское, предназначенныя въ пользу младшей линіи Голштейнъ-Готторпскаго дома. Въ это же время въ Москвѣ произошло крупное событіе во внутренней жизни Россіи. 30 іюля послѣдовало открытіе собравшейся къ тому времени въ Москвѣ комиссіи для составленія новаго уложенія. Императрица выѣхала изъ Головинскаго дворца

въ Успенскій соборъ въ парадной каретѣ съ большою торжественностью. За кавалергардами ѣхалъ въ каретѣ цесаревичъ Павелъ Петровичъ. При открытіи комиссіи великій князь стоялъ по лѣвую сторону трона съ правительственными лицами, придворными и иностранными министрами. Такимъ образомъ цесаревичъ былъ свидѣтелемъ одного изъ наиболѣе необычайныхъ явленій въ русской исторіи, не получившаго однако, какъ и большинство прогрессивныхъ замысловъ нашего правительства, дальнѣйшаго развитія. Къ сожалѣнію, исторія не сохранила никакого свидѣтельства о томъ, какое впечатлѣніе московское торжество произвело на наслѣдника и какія мысли оно возбудило въ его умѣ.

Въ началѣ 1768 года дворъ возвратился въ Петербургъ.

Распространившаяся въ этомъ году оспенная эпидемія не пощадила и лицъ высшаго петербургскаго общества. Возникъ вопросъ о томъ, чтобы ввести въ Россіи оспопрививаніе. Екатерина рѣшилась собственнымъ примѣромъ доказать пользу этого спасительнаго средства, а затѣмъ воспользоваться имъ также для цесаревича. Прививка оспы наслѣднику была нѣсколько задержана тѣмъ, что Павелъ Петровичъ заболѣлъ 22 октября летучею оспой. Когда же болѣзнь кончилась, ему тотчасъ привили оспу.

Лѣтомъ 1771 года Павелъ подтвердилъ взглядъ, высказанный врачомъ Димсдалемъ, дѣлавшимъ ему прививку, относительно его здоровья, а именно, что, несмотря на нѣжное тѣлосложеніе, наслѣдникъ, все-таки, силенъ и крѣпокъ, не страдая при этомъ никакимъ природнымъ недугомъ. Находясь въ городѣ, цесаревичъ въ началѣ іюня мѣсяца внезапно заболѣлъ горячкою, и нѣкоторое время положеніе его внушало окружавшимъ его врачамъ сильнѣйшія опа-

сенія. Они отразились сильнѣйшей тревогой при дворѣ и въ народѣ. По словамъ современниковъ, «слухъ о Павловой болѣзни, еще въ самомъ началѣ ея, подобно пламени лютаго пожара, изъ единаго дома въ другой пронесся мгновенно. Въ единый часъ ощутили всѣ душевное уныніе». Когда опасность миновала, восторгъ во всѣхъ сословіяхъ былъ искренній и неподдѣльный: выздоровленіе наслѣдника дѣйствительно служило залогомъ спокойствія Россіи. Такое отношеніе тронуло Павла, и онъ, терпѣливо перенеся свою болѣзнь, говорилъ: «мнѣ то мучительно, что народъ безпокоится моею болѣзнью».

Пять недѣль цесаревичъ провелъ въ постели, и только 15 іюля графъ Панинъ могъ сообщить Румянцеву, что «всѣ критическіе дни уже прошли, и опасность миновала».

Глава четвертая.

I.

Начиная съ исхода 1768 года, Екатерина была озабочена цѣлымъ рядомъ внѣшнихъ и внутреннихъ тревогъ, продолжавшихся семь лѣтъ.

Манифестомъ 18 ноября 1768 года была объявлена война Турціи, въ то время какъ уже началась борьба съ польскими конфедератами; затѣмъ, въ 1770 году, въ Москвѣ появилась моровая язва, вызвавшая въ слѣдующемъ году открытый мятежъ. Въ 1772 году совершился первый раздѣлъ Польши, и, въ заключеніе, съ 1773 года на юго-восточной окраинѣ Россіи разыгралась пугачевщина.

Несмотря на всѣ эти политическія осложненія, Екатерина не теряла изъ виду вопроса огромной важности для династіи — именно подысканіе невѣсты для наслѣдника. Освѣдомляясь о германскихъ принцессахъ, императрица остановилась на принцессѣ виртембергской Софіи; но она оказалась черезчуръ молода и пришлось искать другую. Въ семьѣ ландграфа Людовика Гессенъ-Дармштадтскаго были три взрослыя дочери. Мать ихъ уговорили пріѣхать съ ними въ Россію для выбора.

Между тѣмъ, пока длились переговоры о бракѣ цесаревича, при дворѣ интриговали безъ конца, и Павлу не разъ приходилось подвергаться искушеніямъ и колебаніямъ. Въ 1772 году Павлу исполнилось 18 лѣтъ. Сторонники его вообразили, что великому князю предстояло отнынѣ дѣятельное участіе въ управленіи государствомъ; что Екатерина, если не сойдетъ съ престола, то поступится частью своей власти въ пользу сына. Однако день 20 сентября 1772 года прошелъ безъ особаго торжества, и никакихъ наградъ и назначеній не послѣдовало. Тѣмъ не менѣе, «безразсудство и дерзость» обуяли многихъ, которые желали насильно провести то, о чемъ Екатерина не помышляла. Даже такое ничтожество, какъ Сальдернъ, мечталъ о какомъ-то переворотѣ и втянулъ въ свои интриги цесаревича, соблазнивъ его планомъ о соучастіи въ управленіи. Сначала это дѣло скрывали отъ Панина, и переговоры велись за спиною Никиты Ивановича, при участіи въ нихъ друга цесаревича, графа Андрея Кирилловича Разумовскаго. Когда же Павелъ Петровичъ посвятилъ Панина въ эту тайну, послѣдній убѣдилъ великаго князя отвергнуть предложенія Сальдерна. Затѣянная имъ интрига сдѣлалась извѣстной императрицѣ въ 1773 году, когда цесаревичъ, опасаясь возвращенія Сальдерна изъ-за границы,

признался матери, что онъ склонилъ его къ преступленію по отношенію къ императрицѣ.

Къ этому же времени произошла перемѣна фаворитовъ Васильчикова и Орлова, перемѣна, къ которой Павелъ не могъ относиться равнодушно. Панину пришлось даже сдерживать порывы гнѣва великаго князя, питавшаго отвращеніе къ Орлову и называвшаго его въ своей перепискѣ «дуралей Орловъ».

Интриги и сопряженныя съ ними нравственыя волненія и огорченія всякаго рода привели къ тому, что разочарованный цесаревичъ еще болѣе сосредоточился въ себя; въ характерѣ его стали проявляться въ ужасающей степени подозрительность и мнительность. Онъ началъ опасаться за свою жизнь, боялся отравы; нѣкоторую долю успокоенія цесаревичъ находилъ въ дружескихъ изліяніяхъ съ близкимъ ему графомъ А. К. Разумовскимъ. Въ моментъ этихъ бесѣдъ онъ сознавалъ всю невозможность своего мрачнаго настроенія и одушевлялся наилучшими намѣреніями. Такъ, въ одномъ письмѣ онъ писалъ, между прочимъ: «Я составилъ себѣ планъ поведенія на будущее время, который изложилъ графу Панину, и который онъ одобрилъ,— это какъ можно чаще искать возможности сближаться съ матерью, пріобрѣтая ея довѣріе какъ для того, чтобы по возможности предохранить ее отъ инсинуацій и интригъ, которыя могли бы затѣять противъ нея, такъ и для того, чтобы имѣть своего рода защиту и поддержку въ случаѣ, если бы захотѣли противодѣйствовать моимъ намѣреніямъ». Однако для осуществленія своихъ желаній не въ мірѣ грезъ, а на дѣлѣ недоставало у него одного — выдержки. Характера хватало только на мгновеніе. Всегда являлось какое-нибудь огорченіе, и оно вызывало вспышку гнѣва, а задуманное хорошее

дѣло отодвигалось на недосягаемую даль и оставалось хорошимъ словомъ.

Ландграфиня Гессенъ-Дармштадтская прибыла въ Россію въ сопровожденіи трехъ дочерей: принцессъ Амаліи, Вильгельмины и Луизы. Императрица предоставила сыну полную свободу выбора, но дала ему на размышленіе три дня. По словамъ Екатерины, цесаревичъ съ первой же встрѣчи полюбилъ принцессу Вильгельмину, которая въ скоромъ времени всецѣло овладѣла пылкою душою Павла Петровича. Императрица на четвертый день обратилась съ предложеніемъ къ ландграфинѣ, которая тоже, какъ и принцесса, не замедлила изъявить свое согласіе. Все было искусно подведено къ тому, чтобы склонить цесаревича къ этому выбору.

Графъ Панинъ, желанія котораго совпали съ намѣреніями Фридриха Великаго, стоявшаго за принцессу Вильгельмину, повелъ дѣло такимъ образомъ, что Павелъ Петровичъ незамѣтно для себя свыкся съ мыслью считать ее своею будущей невѣстой. Слѣдствіемъ этого явилось, что въ рѣшительную минуту цесаревичъ дѣйствительно вручилъ яблоко кому слѣдуетъ; между тѣмъ за кулисами стояли прусскій король и графъ Панинъ. Этимъ закончилась воспитальная дѣятельность Панина. 22 сентября онъ, осыпанный наградами, былъ освобожденъ отъ роли воспитателя. Перечислимъ здѣсь полученныя графомъ награды:

1) Званіе перваго класса въ рангѣ фельдмаршала съ жалованіемъ и столовыми деньгами по чину канцлера.

2) 4,512 душъ въ Смоленской губерніи.

3) 3,900 душъ въ Псковской губерніи.

4) Сто тысячъ рублей на заведеніе дома.

5) Ежегодный пенсіонъ въ 25,000 рублей, сверхъ

получаемаго имъ уже ранѣе пенсіона въ 5,000 рублей.

6) Ежегодное жалованіе по 14,000 рублей.

7) Повелѣно купить для него въ Петербургѣ домъ, который онъ самъ выберетъ въ городѣ.

8) Серебряный сервизъ въ 50,000 рублей.

9) Провизію и вина на цѣлый годъ.

10) Экипажъ и ливреи придворные.

Щедрыя награды императрицы не успокоили, однако, Панина; онъ все-таки остался недовольнымъ [1]). Власть не перешла, согласно сокровенному желанію Никиты Ивановича, въ руки совершеннолѣтняго цесаревича, который даже не былъ допущенъ къ участію въ государственныхъ дѣлахъ. Онъ даже попробовалъ сдѣлать демонстрацію Екатеринѣ, раздавъ значительную часть пожалованныхъ имѣній своимъ секретарямъ. А его братъ Петръ Ивановичъ прямо не стѣснялся высказывать неудовольствіе противъ императрицы, которая, въ свою очередь, называла его первымъ вралемъ и своимъ персональнымъ оскорбителемъ. Въ письмѣ къ московскому главнокомандующему Екатерина писала: «Что же касается до дерзкаго извѣстнаго вамъ болтуна, то я здѣсь кое-кому внушила, чтобъ до него дошло, что, если онъ не уймется, то я принуждена буду его унимать наконецъ».

Лично Екатерина была довольна удаленіемъ Никиты Ивановича Панина отъ непосредственной близости къ цесаревичу и писала по этому поводу г-жѣ Бьельке: «Домъ мой очищенъ или почти очищенъ; всѣ кривлянья произошли, какъ я и предвидѣла,

[1]) Панинымъ была составлена очень любопытная записка какъ введеніе къ конституціи, которую онъ сочинялъ для Павла. См. подробнѣе о ней Записки М. А. Фонвизина, напечатанныя въ IV выпускѣ «Библіотеки Декабристовъ». М. 1907 г.

но, однако жъ, воля Господня совершилась, какъ я также предсказывала».

Бракосочетаніе цесаревича состоялось въ воскресенье 29 сентября 1773 года, въ Казанской церкви. Едва окончились брачныя торжества, которыя продолжались двѣнадцать дней, какъ 14 октября получено было въ Петербургѣ первое извѣстіе о появленіи Пугачева и начавшемся грозномъ мятежѣ. Призракъ Петра III, возставшій тогда неожиданнымъ образомъ въ лицѣ Пугачева, долженъ былъ возбудить во многихъ царедворцахъ непріятное воспоминаніе о переворотѣ 1762 года. На цесаревича же появленіе самозванца и первые успѣхи его, несомнѣнно, произвели тягостное впечатлѣніе. Въ связи со всѣмъ происшедшимъ имя Павла Петровича снова явилось знаменемъ для недовольныхъ.

II.

Бракъ наслѣдника при дворѣ вызвалъ успокоительное настроеніе. Цесаревичъ былъ счастливъ и доволенъ, великая княгиня была почтительна и внимательна къ императрицѣ, явившись въ императорской семьѣ ангеломъ-примирителемъ. Екатерина была довольна наслѣдникомъ и однажды сказала даже: «Я обязана великой княгинѣ возвращеніемъ мнѣ сына и отнынѣ всю жизнь употреблю на то, чтобъ отплатить ей за услугу эту». И въ самомъ дѣлѣ, при каждомъ случаѣ императрица ласкала свою невѣстку, которая, по умственнымъ способностямъ хотя и стояла ниже своего супруга, но имѣла на него большое вліяніе. Такимъ образомъ можно было подумать, что Гамлетъ нашелъ свою Офелію. Но семейное счастье, сразу улыбнувшееся цесаревичу, было кратковременнымъ. Павлу Петровичу не

посчастливилось также и на почвѣ сердечныхъ привязанностей, и, сверхъ того, ему суждено было испытать еще всю горечь, связанную съ предательствомъ самыхъ близкихъ ему лицъ. Измѣна не отходила отъ него и должна была сопутствовать ему до гробовой доски—таковъ былъ приговоръ судьбы.

Взаимное расположеніе и семейныя радости были не чѣмъ инымъ, какъ временнымъ затишьемъ, предвѣщавшимъ новую бурю. Уже въ концѣ 1774 года Екатерина писала Гримму письмо, гдѣ «золотая женщина» успѣла принять менѣе привлекательный образъ. «Великая княгиня постоянно больна,—писала императрица,—да и какъ же ей и не быть больной. Все у этой дамы доведено до крайности. Если она гуляетъ пѣшкомъ, то двадцать верстъ, если танцуетъ, то двадцать контродансовъ и столько же менуэтовъ, не считая аллемандовъ; чтобы избѣгнуть жары въ комнатахъ, ихъ вовсе не топятъ; если кто-либо третъ себѣ лицо льдомъ, то все тѣло становится лицомъ: однимъ словомъ, середина во всемъ очень далека отъ насъ. Опасаясь злыхъ, мы не довѣряемъ цѣлой землѣ и не слушаемъ ни хорошихъ, ни худыхъ совѣтовъ; коротко сказать, до сихъ поръ нѣтъ ни добродушія, ни осторожности, ни благоразумія во всемъ этомъ, и Богъ знаетъ, что изъ этого будетъ, такъ какъ никого не слушаютъ и все хотятъ сдѣлать по-своему».

Но, независимо отъ этой перемѣны, во мнѣніи Екатерины о характерѣ великой княгини, жизнь сама давала много горючаго матеріала, разрушавшаго семейное счастье. Таковымъ было назначеніе къ наслѣднику Салтыкова. Въ немъ Павелъ усмотрѣлъ желаніе императрицы слѣдить за каждымъ его шагомъ. Другое событіе взволновало цесаревича еще больше. Въ январѣ 1774 года въ Петербургъ былъ вызванъ Потемкинъ. Его возвращеніе

для Павла послужило предметомъ все болѣе возраставшаго неудовольствія: это былъ уже не дуралей Орловъ, напротивъ, въ лицѣ новаго фаворита явился даровитый исполнитель мыслей Екатерины, вліяніе котораго скоро почувствовалось въ дѣлахъ, тогда какъ самолюбивый наслѣдникъ оставался въ тѣни и долженъ былъ, подобно тому какъ говорилъ о себѣ Растопчинъ, безъ дѣла и безъ скуки сидѣть, поджавши руки. Такія обиды не прощаются, въ особенности, когда обиженный чувствуетъ за собою законное право быть чѣмъ-то другимъ. Къ тому же цесаревичъ усмотрѣлъ еще въ Потемкинѣ не только врага по убѣжденіямъ, но и соперника, пользовавшагося довѣріемъ императрицы, а это преимущество онъ считалъ своимъ исключительнымъ законнымъ правомъ.

Въ этомъ же году Павелъ рѣшился даже преподнести Екатеринѣ записку, подъ заглавіемъ: «Разсужденіе о государствѣ вообще, относительно числа войскъ, потребнаго для защиты онаго и касательно обороны всѣхъ предѣловъ». Въ этой запискѣ, которая является не чѣмъ инымъ, какъ жестокой критикой царствованія Екатерины, отчетливо отразилась политическая и военная мудрость обоихъ Паниныхъ: въ ней было изложено все то, что потомъ осуществилъ Павелъ по восшествіи на престолъ и что привело къ Аустерлицу. Легко себѣ представить, какія чувства возбудило въ Екатеринѣ чтеніе «разсужденія» цесаревича и, въ особенности, слова его о неустройствахъ въ Россіи. Сочиненіемъ своимъ великій князь окончательно уронилъ себя въ глазахъ матери. Не желая имѣть никакихъ столкновеній въ дѣлахъ государственныхъ, императрица рѣшилась оставить наслѣдника въ сторонѣ отъ дѣлъ, ограничиваясь только самыми необходимыми сообщеніями. Вынужденное бездѣйствіе не могло благо-

творно повліять на дальнѣйшее развитіе характера Павла Петровича; весьма естественно, что онъ продолжалъ все видѣть въ мрачныхъ краскахъ. Все вокругъ него дѣлалось не такъ, какъ ему хотѣлось. Раздражительность и подозрительность усиливались, а минуты просвѣтленія являлись все рѣже. Екатеринѣ оставалось одно утѣшеніе — терпѣливо ждать появленія внука, чтобы воспитать въ немъ пріемника своихъ дѣлъ; но и эти надежды, на первый разъ, кончились трагически и грозили отдалить событіе на долгій срокъ.

Въ 1775 году дворъ посѣтилъ Москву. Но пребываніе его въ Москвѣ не улучшило отношеній Екатерины къ цесаревичу и къ великой княгинѣ; Наталія Алексѣевна, подчинивъ цесаревича своему исключительному вліянію, стала обращаться съ нимъ деспотически; она удалила его отъ всѣхъ, осуждая его на общеніе съ тѣснымъ кругомъ лицъ, во главѣ которыхъ стоялъ графъ А. К. Разумовскій, не устоявшій противъ искушенія завязать политическія интриги. Дошло до того, что императрица предостерегала сына отъ козней его друга, злоупотреблявшаго оказаннымъ ему безграничнымъ довѣріемъ. Но все было напрасно. Великая княгиня со слезами убѣдила мужа въ противномъ, и въ результатѣ у цесаревича явился новый поводъ къ гнѣву и неудовольствію противъ матери, будто бы желавшей рассорить его съ горячо любимой женою. Семейные раздоры, грозившіе принять роковой оборотъ, разрѣшились, наконецъ, событіемъ, котораго Екатерина поджидала съ нетерпѣніемъ: у великой княгини появились несомнѣнные признаки беременности. 18 апрѣля 1776 года великая княгиня почувствовала приближеніе родовъ. Вотъ какъ описываетъ это тяжелое событіе Московскому главнокомандующему, Волконскому: «Въ Ѳоминое воскре-

сенье поутру, въ четвертомъ часу, пришелъ ко мнѣ великій князь и объявилъ мнѣ, что великая княгиня мучится съ полуночи; но какъ муки были не сильныя, то мѣшкали меня будить. Я встала и пошла къ нимъ и нашла ее въ порядочномъ состояніи и пробыла у ней до десяти часовъ утра, и, видя, что она еще имѣетъ не прямыя муки, пошла одѣваться и паки къ ней возвратилась въ двѣнадцать часовъ. Къ вечеру мука была такъ сильна, что всякую минуту ожидали ея разрѣшенія. И тутъ при ней, окромѣ самой лучшей въ городѣ бабки, графини Катерины Михайловны Румянцевой, ея камеръ-фрау, великаго князя и я, никого не было; лекарь и докторъ же ея были въ передней. Ночь вся прошла, и боли были перемѣнныя со сномъ: иногда вставала, иногда ложилась, какъ ей угодно было. Другой день паки проводили мы такимъ же образомъ, но уже призванъ былъ Крузъ и Тоде, коихъ совѣту слѣдовала бабка, но безъ успѣха оставалась наша благая надежда. Во вторникъ доктора требовали Рожерсона и Линдемана, ибо отказались отъ возможности. Въ среду Тоде допущенъ былъ, но ничто не могъ предуспѣть. Дитя уже былъ мертвъ, но кости оставались въ одинаковомъ положеніи. Въ четвергъ великая княгиня была исповѣдана, пріобщена и масломъ соборована, а въ пятницу предала Богу душу. Я и великій князь всѣ пятеры сутки и день и ночь безвыходно у нея были. По кончинѣ, при открытіи тѣла, оказалось, что великая княгиня съ дѣтства была повреждена, что спинная кость не токмо была такова, но часть та, коя должна быть выгнута, была вогнута и лежала дитяти на затылкѣ [1]); что кости имѣли четыре

[1]) Въ иностранныхъ журналахъ напечатано было, что великая княгиня, по неправильному своему сложенію, не могла

дюйма въ окружности и не могли раздвинуться, а дитя въ плечахъ имѣлъ до девяти дюймовъ. Къ сему еще соединялись еще другія обстоятельства, коихъ, чаю, примѣра нѣтъ. Однимъ словомъ, стеченіе таковое не позволяло ни матери, ни дитятѣ оставаться въ живыхъ. Скорбь моя была велика, но, предавшись въ волю Божію, теперь надо помышлять о наградѣ потери».

Глава пятая.

I.

Кончина великой княгини Наталіи Алексѣевны разстроивала всѣ надежды императрицы Екатерины на продолженіе династіи; дѣло приходилось начать сызнова, «помышлять о наградѣ потери», какъ выразилась государыня въ письмѣ къ князю М. Н. Волконскому. Гримму же императрица писала: «Увидѣвъ корабль опрокинутымъ на одинъ бокъ, я, не теряя времени, перетянула его на другой и старалась ковать желѣзо, пока горячо, чтобы вознаградить потерю; этимъ мнѣ удалось разсѣять глубокую скорбь, которая угнетала насъ[1])».

ельности родовъ. Русскій посланникъ при германскомъ сеймѣ, баронъ Ассебургъ, которому три года назадъ поручено было вести переговоры о свадьбѣ великаго князя, пришелъ въ негодованіе и написалъ письмо, въ коемъ объявляетъ, что по всѣмъ, собраннымъ имъ заблаговременно, до помолвки, свѣдѣніямъ у врачей и у приближенныхъ Дармштадтскаго двора, оказалось, что невѣста была хорошаго сложенія и прекраснаго здоровья. Здѣсь невольно припоминается слухъ о неожиданномъ богатствѣ повивальной бабки, бывшей при великой княгинѣ.

[1]) Екатерина быстро излечила Павла отъ припадковъ горя послѣ смерти княгини: она имѣла жестокость послать ему

Рѣшительный образъ дѣйствій императрицы сдѣлалъ открытымъ вопросъ о вторичномъ бракѣ цесаревича. Снова вниманіе Екатерины остановилось на Виртембергской принцессѣ Софіи-Доротеѣ, по поводу которой она нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ искренно сокрушалась, что не можетъ призвать ее въ Россію. На этотъ разъ обстоятельства благопріятствовали намѣреніямъ императрицы; затрудненіе было лишь въ томъ, что къ тому времени принцесса Софія успѣла сдѣлаться невѣстою. Она была помолвлена за брата покойной великой княгини.

Незадолго до несчастныхъ родовъ великой княгини Наталіи Алексѣевны, 4 апрѣля, въ Петербургъ прибылъ братъ Фридриха Великаго, принцъ Генрихъ, посѣтившій уже разъ Россію въ 1771 году. При его содѣйствіи дѣло о вторичномъ бракѣ наслѣдника быстро двинулось впередъ. Фридрихъ II, неизмѣнный сватъ русской императорской семьи, съ предупредительной готовностью взялся устранить возникшее препятствіе, въ чемъ, конечно, успѣлъ какъ нельзя лучше. Женихъ возвратилъ данное ему слово и вознагражденъ былъ пенсіею въ 10,000 рублей; принцесса Софія-Доротея сдѣлалась свободною. Екатерина оставила намъ удивительный пересказъ придворныхъ событій, послѣ смерти великой княгини:

«Я начала съ того, — пишетъ императрица, — что предложила путешествія, перемѣну мѣстъ, а потомъ сказала: мертвыхъ не воскресить, надо думать о живыхъ. Развѣ оттого, что воображали себя

связку писемъ, найденную въ секретномъ ящикѣ письменнаго стола великой княгини. То были любовныя письма графа Андрея Кирилловича Разумовскаго, товарища дѣтства и друга Павла. Изъ этихъ писемъ явно оказывалась любовная связь великой княгини съ Разумовскимъ. Чтеніе писемъ ввергло Павла въ лютый припадокъ сумасшедшаго бѣшенства.

счастливымъ, но потеряли эту увѣренность, слѣдуетъ отчаяваться въ возможности снова возвратить ее? Итакъ, станемъ искать эту другую».

Въ теченіе всего этого путешествія, предпринятаго цесаревичемъ, между нимъ и императрицею происходила самая оживленная переписка, позволяющая слѣдить шагъ за шагомъ за всѣми впечатлѣніями, вынесенными великимъ княземъ на пути къ Прусской столицѣ и во время пребыванія его при дворѣ Фридриха Великаго.

Весь переѣздъ по прусскимъ владѣніямъ является сплошнымъ тріумфальнымъ шествіемъ, которое могло вскружить голову и произвести неизгладимое впечатлѣніе и на болѣе хладнокровнаго путешественника, чѣмъ цесаревичъ, не привыкшій къ такому вниманію.

10 (21) іюля совершился торжественный въѣздъ наслѣдника въ Берлинъ. При встрѣчѣ съ Фридрихомъ Великимъ во дворцѣ Павелъ обратился къ нему съ рѣчью, въ которой, между прочимъ, сказалъ, что онъ достигъ того, чего уже давно желалъ, «видѣть величайшаго героя, удивленіе нашего вѣка и удивленіе потомства».

Торжества шли нескончаемой вереницей. Среди нихъ Павелъ познакомился со своей невѣстой, о которой писалъ Екатеринѣ 13 іюля: «Богъ благословляетъ всѣ намѣренія, ибо благословляетъ онъ всегда добрыя. Вы желали мнѣ жену, которая бы доставила намъ и утвердила домашнее спокойствіе и жизнь благополучную.

«Мой выборъ сдѣланъ и вчера по рукамъ ударили; припадаю съ симъ къ стопамъ вашимъ и съ тою, которая качествами своими и расположеніями пріобрѣтаетъ милость вашу и будетъ новымъ домашнимъ

союзомъ. Препоручаю невѣсту свою въ милость вашу и прошу о сохраненіи ея ко мнѣ».

Наконецъ, исчерпаны были всѣ торжества и увеселенія. Насталъ часъ разлуки, и въ эту трогательную минуту разыгралась заключительная сцена, во время которой союзъ Россіи съ Пруссіей закрѣпленъ былъ клятвою въ вѣчной дружбѣ между двумя наслѣдниками — русскимъ и прусскимъ въ присутствіи самого Фридриха Великаго.

Эта клятва не привела, однако, къ желаемой цѣли. Правда, при жизни императрицы Екатерины, когда она предпочла австрійскій союзъ прусскому, цесаревичъ, не стѣсняясь чувствомъ долга, поддерживалъ тайныя сношенія съ прусскимъ королемъ, дѣйствуя въ этомъ случаѣ наперекоръ матери и подражая отцу. Но затѣмъ, когда Павелъ Петровичъ сдѣлался самодержавнымъ императоромъ, онъ сталъ уже смотрѣть другими глазами на взаимныя отношенія державъ и быстро охладѣлъ къ Пруссіи. Лишь значительно позже сынъ его, Александръ I, воскресилъ забытыя преданія 1776 года и скрѣпилъ новою клятвою вѣчную дружбу съ Пруссіей: на этотъ разъ сцена разыгралась уже надъ гробомъ Фридриха Великаго, въ Потсдамскомъ склепѣ; и произошла она въ 1805 году. Обѣ клятвы олицетворяютъ двѣ различныя между собой эпохи: одна — время Екатерининской славы, другая — канунъ Аустерлица, завершившійся небывалымъ разгромомъ русской арміи; сравненіе этихъ двухъ эпохъ можетъ навести на размышленіе критиковъ Екатерининской политики и сторонниковъ военнаго возрожденія Россіи, произведеннаго Павломъ Петровичемъ.

Пребываніе цесаревича въ Берлинѣ имѣло для него громадное значеніе; дремавшія въ немъ думы, неясныя стремленія оживились и выступили въ его

воображеніи въ живыхъ образахъ; вмѣстѣ съ тѣмъ усилилось пристрастіе великаго князя къ Пруссіи, усилилась страсть къ милитаризму.

По словамъ одного изъ очевидцевъ Павловскаго царствованія, «ничего не могло сравняться съ тѣмъ вредомъ, какой причинили Павлу Петровичу прусская дисциплина, выправка, мундиры и т. п. — словомъ, все, что напоминало о Фридрихѣ Великомъ».

Между тѣмъ Екатерина всегда называла прусскую военную систему «обрядомъ неудобь-носимымъ». Съ подобнымъ взглядомъ цесаревичъ не могъ мириться особенно теперь. Взгляды великаго князя еще болѣе обострились и привели къ еще большему разладу между матерью и сыномъ. Павелъ сдѣлался восторженнымъ поклонникомъ Фридриха II.

II.

Дружественныя отношенія Павла къ императрицѣ несомнѣнно ограничивались на наставленіи, которое онъ писалъ для своей невѣсты. Особенно въ немъ интересны совѣты, касающіеся Екатерины: «Принцесса, — писалъ Павелъ, — пріѣхавъ одна въ эту малоизвѣстную и отдаленную страну, пойметъ, что ея собственная польза требуетъ, чтобы она сблизилась съ ея величествомъ и снискала довѣріе, дабы имѣть въ ней вторую мать и личность, которая будетъ руководить ею во всѣхъ ея поступкахъ, безо всякихъ личныхъ видовъ и цѣлей. Въ отношеніи къ императрицѣ принцессѣ слѣдуетъ быть предупредительной и кроткой, не высказывать досады и не жаловаться на нее кому бы то ни было; объясненіе съ глазу на глазъ всегда будетъ наилучшее. Этимъ она избавитъ себя отъ мно-

гихъ интригъ и происковъ, которые не замедлятъ коснуться ея. Такъ какъ принцесса не можетъ имѣть никакихъ личныхъ цѣлей, то ей не придется что-либо скрывать отъ ея величества. Поэтому она хорошо поступитъ, говоря ей откровенно все то, что у нея будетъ на душѣ; это (не говоря уже объ интригахъ) будетъ гораздо лучше для ея собственнаго спокойствія».

Почти вслѣдъ цесаревичу послѣдовала и его невѣста. 3 (20) августа Павелъ привелъ ее уже въ Царское Село.

Императрица, наконецъ, увидѣла принцессу, которую поджидала съ явнымъ нетерпѣніемъ и о которой писала послѣ перваго свиданія: «признаюсь Вамъ, что я пристрастилась къ этой очаровательной принцессѣ, пристрастилась въ буквальномъ смыслѣ слова: она именно такая, какую можно было желать: стройна, какъ нимфа, цвѣтъ лица — смѣсь лиліи и розы, прелестнѣйшая кожа въ свѣтѣ; высокій ростъ, съ соразмѣрной полнотой, и легкость поступи. Кротость, доброта сердца и искренность выражаются у нея на лицѣ. Всѣ отъ нея въ восторгѣ, и тотъ, кто не любитъ ея, будетъ неправъ, такъ какъ она создана для этого и дѣлаетъ все, чтобы быть любимой».

Въ императорской семьѣ воцарилось полное согласіе, такое, какого прежде никогда не было. Объ этомъ внутреннемъ мірѣ свидѣтельствуетъ, напр., записка принцессы къ Павлу послѣ посѣщенія ея императрицею: «императрица только что вышла отъ меня: я обожаю, до безумія люблю ее; это посѣщеніе доставило мнѣ такое большое удовольствіе, что я захотѣла тотчасъ же увѣдомить Васъ о томъ, такъ какъ хочу раздѣлить съ моимъ дорогимъ княземъ всѣ мои хорошія мгновенія: маленькое слѣдствіе дружбы, которую я испытываю къ нему».

Цесаревичъ препроводилъ эту записочку императрицѣ, сдѣлавъ къ ней приписку: «я посылаю къ Вашему Величеству результатъ посѣщенія, которое вы только что сдѣлали».

Екатерина возвратила записочку сыну, написавъ съ своей стороны на томъ же листѣ слѣдующія строки: «Я тоже сообщу Вамъ о результатахъ посѣщенія и письма — обоихъ васъ я люблю отъ всего сердца».

Наступило счастливое время. Великій князь сіялъ отъ радости, императрица восхищалась, принцесса была въ восторгѣ. Личныя чувства принцессы-невѣсты выразились въ письмѣ къ цесаревичу, проникнутомъ глубокой, самой сердечной къ нему любовью. «Я не могу лечь, мой дорогой и обожаемый князь, — писала Софія-Доротея, — не сказавши вамъ еще разъ, что я до безумія люблю и обожаю васъ: моя дружба къ вамъ, моя любовь, моя привязанность къ вамъ еще болѣе возросла послѣ разговора, который былъ у насъ сегодня вечеромъ. Богу извѣстно, какимъ счастіемъ представляется для меня вскорѣ принадлежать вамъ; и вся моя жизнь будетъ служить вамъ доказательствомъ моихъ нѣжныхъ чувствъ. Да, дорогой, обожаемый, драгоцѣннѣйшій князь, вся моя жизнь будетъ служить лишь для того, чтобы явить вамъ доказательство той нѣжной привязанности и любви, которыя мое сердце будетъ постоянно питать къ вамъ. Покойной ночи, обожаемый и дорогой князь, спите хорошо, не безпокойтесь призраками, но воспоминайте немного о той, которая обожаетъ васъ».

Семейная жизнь Павла, обезпеченная отъ всякихъ случайностей, улыбнулась ему въ полной мѣрѣ.

Слѣдующая записочка князя можетъ служить доказательствомъ, овладѣвшаго имъ счастливаго настроенія.

«Всякое проявленіе твоей дружбы, мой милый другъ, крайне драгоцѣнно для меня, и клянусь тебѣ, что съ каждымъ днемъ все болѣе люблю тебя. Да благословитъ Богъ нашъ союзъ такъ же, какъ Онъ создалъ его».

Не вмѣшиваясь въ политику вообще, великая княгиня Марія Ѳедоровна — такъ назвали принцессу въ Россіи — всегда зорко стояла на сторожѣ интересовъ Пруссіи и не упускала случая воспользоваться своимъ вліяніемъ на цесаревича. Единомысліе между ними въ этомъ вопросѣ было полнѣйшее. Мечтательный взглядъ Маріи Ѳедоровны на политику нашелъ себѣ сочувственный откликъ въ рыцарскихъ мысляхъ ея супруга, воображавшаго, что родственныя чувства могутъ быть переносимы и на политическую почву.

Въ апрѣлѣ 1777 года великая княгиня могла уже сообщить цесаревичу радостное извѣстіе:

«Мой милый мужъ,—писала великая княгиня,—матушка бранитъ меня за то, что я не говорю ей о своемъ здоровьѣ и настойчиво желаетъ, чтобы я что-нибудь сказала ей по этому поводу. Позволяете ли мнѣ сообщить ей объ имѣющихся подозрѣніяхъ, оговоривъ при этомъ, что это еще не навѣрно. Я боюсь, что если отложить сказать ей объ этомъ, она узнаетъ это отъ другихъ. Прощай, дорогой и обожаемый мужъ, я страстно люблю тебя».

Въ ожиданіи семейной радости, цесаревичъ съ супругой мечтали о новыхъ предстоящихъ имъ обязанностяхъ. Судьба готовила однако и въ этомъ цесаревичу глубокое разочарованіе, нанесшее его родительскимъ чувствамъ ничѣмъ неизлечимую рану и болѣзненно отозвавшееся на его душевномъ настроеніи; но пока онъ еще не подозрѣвалъ приближенія новаго горя и радостно ожидалъ приближав-

шейся развязки, продолжая наслаждаться сердечнымъ счастьемъ и семейнымъ миромъ. «Если бы все въ жизни моей соотвѣтствовало пріятностямъ внутренней моей, то-бъ я былъ совершенно счастливъ», признавался цесаревичъ въ письмѣ къ П. И. Панину.

Между тѣмъ родился первенецъ Павла, великій князь Александръ, и тутъ совершилось событіе, котораго совсѣмъ не ожидали родители новорожденнаго. Не считая сына и невѣстку способными воспитать будущаго государя, Екатерина, какъ глава императорскаго дома, считала своимъ правомъ и обязанностью взять на себя заботы по воспитанію внука; она надѣялась увидѣть въ немъ впослѣдствіи воплощеніе лучшихъ своихъ думъ и стремленій. Воспитаніе собственнаго сына не удалось Екатеринѣ въ желаемомъ ею смыслѣ. Теперь же передъ императрицею явилась новая задача, и всѣ ея материнскія нѣжныя чувства были перенесены на внука. Когда же 27 апрѣля 1779 года родился великій князь Константинъ Павловичъ, то и онъ, подобно брату, поступилъ на ближайшее попеченіе бабушки. Родителямъ, правда, позволено было посѣщать дѣтей, но это не могло удовлетворить родителей и было непріятно для бабушки.

Екатерина была убѣждена, что родители портятъ дѣтей, а родители, въ свою очередь, находили, что бабушка портитъ ихъ и берется за дѣло воспитанія не такъ, какъ слѣдуетъ. Она ихъ страстно любила и мечтала о томъ, чтобы воспитать въ нихъ пріемниковъ своимъ планамъ. Особенно была неравнодушна она къ красавцу Александру. При этихъ условіяхъ попытки Павла и его супруги вмѣшиваться въ отношенія ея къ внукамъ только сердили ее.

Подобная обстановка должна была окончательно разрушить установившійся, было, семейный миръ. Такъ и случилось. Павелъ видѣлъ въ рѣшеніи отно-

сительно воспитанія дѣтей, новое нарушеніе своихъ законныхъ правъ.

Чаша терпѣнія его переполнилась.

Послѣ того нельзя удивляться, что идиллія постепенно исчезала. Екатеринѣ вскорѣ пришлось забыть о вскружившей ей голову Психеѣ. Въ перепискѣ Екатерины стали появляться нелестныя для прежней любимицы выраженія. Въ отзывахъ о великокняжеской четѣ начали проскальзывать рѣзкости. Постепенно накоплялся матеріалъ для будущаго полнаго разрыва; добрыя отношенія матери къ сыну испортились въ конецъ и на этотъ разъ безвозвратно.

Изъ Павла стало вырабатываться своеобразное воплощеніе новаго Гамлета, — неумолимый судья за совершившееся нѣкогда злое дѣло и безпощадный противникъ всѣхъ начинаній правительства Екатерины.

Лишенный возможности руководить воспитаніемъ дѣтей, отстраненный отъ непосредственнаго участія въ дѣлахъ имперіи, цесаревичъ снова погрузился въ прежнія свои теоретическія измышленія о необходимости исправленія государственнаго строя Россіи. Великая же княгиня Марія Ѳедоровна занялась созиданіемъ Павловска среди пожалованныхъ ей императрицею болотъ и лѣсовъ.

Сначала Павелъ велъ переписку съ княземъ Николаемъ Васильевичемъ Репнинымъ, а затѣмъ и съ доживавшимъ свой вѣкъ въ Москвѣ гр. Петромъ Ивановичемъ Панинымъ. Въ этой перепискѣ, продолжавшейся въ 1778 и 1779 годахъ, цесаревичъ договорился до чудовищнаго предположенія: завести въ Россіи иностранныя войска — путемъ вербовки солдатъ за границей. По мнѣнію цесаревича, для этого имѣлось два способа: «первый и самый лег-

чайшій, — писалъ цесаревичъ, — Польша, которая снабжаетъ уже своими людьми и другія державы, но его нахожу не лучшимъ по свойству людей сей земли; они не лучшіе солдаты и по характеру націи ненадежные бываютъ. Второй же, — наборъ въ Германіи. Домъ, отъ котораго я происхожу, по природѣ даетъ мнѣ равное право съ прочими германскими князьями» [1]).

Петръ Панинъ вмѣсто того, чтобы остановить болѣзненную фантазію Павла, еще больше ее подогрѣвалъ. Его неудовлетворенному самолюбію нескончаемо льстили мечты Павла о совмѣстномъ устроительствѣ земли русской.

Глава шестая.

I.

Съ 1780 года наступило время для рѣшительнаго измѣненія политической системы, усвоенной императрицей, по необходимости, съ самаго ея вступленія на престолъ. Послѣдняя услуга, оказанная императрицею Фридриху Великому, состояла въ Тешенскомъ договорѣ 1779 года, которымъ была предотвращена возможность новой кровавой распри между Пруссіею и Австріею, изъ-за баварскаго наслѣдства, а затѣмъ уже начала подготовляться новая группировка державъ. Для достиженія цѣлей

[1]) Не нужно забывать, что въ концѣ XVIII вѣка наемныя войска играли довольно замѣтную роль. Какъ разъ въ это время Англія вела войну со своими возставшими американскими колоніями, и большая часть ея арміи была набрана изъ нѣмецкихъ, преимущественно ганноверскихъ солдатъ.

русской политики на Черномъ морѣ и осуществленія греческаго проекта Екатерина должна была искать точку опоры, болѣе соотвѣтствовавшую новому положенію дѣлъ, созданному Кучукъ-Кайнарджійскимъ миромъ, чѣмъ дружба съ Пруссіей, хотя и сладкой на словахъ, но двоедушной по существу. Такимъ образомъ политическіе вѣсы въ Петербургѣ стали постепенно склоняться на сторону Австріи. Для упроченія австрійскаго союза и отвѣта на посѣщеніе австрійскимъ императоромъ Петербурга Екатерина осторожно подняла вопросъ о заграничномъ путешествіи Павла и его супруги. Перспектива путешествія привлекала и зажившагося въ бездѣйствіи цесаревича; но обѣ стороны долго не могли открыто объявить своихъ намѣреній и ощупью пододвигались къ одной и той же цѣли, пока, наконецъ, поѣздка не была рѣшена окончательно. Это характеризуетъ взаимныя отношенія; но они выясняются намъ и по приготовленіямъ.

Передъ отъѣздомъ Марія Ѳедоровна долго сообщалась о своихъ планахъ съ Панинымъ и совѣтовалась съ нимъ обо всемъ. Ею даже были составлены условія, которыми надо было обставить путешествіе. Одно изъ условій было формулировано такимъ образомъ: «Предосторожности, которыя въ виду возможности различныхъ случайностей слѣдуетъ принять передъ отъѣздомъ». Тутъ намекалось на возможность смерти Екатерины. Неудивительно, что въ запискѣ эти строки тщательно зачеркнуты были графомъ Панинымъ; по свойственной ему осторожности, онъ не призналъ возможнымъ отвѣчать на щекотливый вопросъ, такъ прямо поставленный великою княгинею. Существованіе подобной замѣтки въ сокровенной запискѣ рисуетъ, какъ нельзя лучше, какого рода заботы, тревоги и надежды занимали при каждомъ удобномъ случаѣ помыслы це-

саревича, а равно и тщеславіе великой княгини. Опасеніе, что престолъ можетъ ускользнуть изъ ихъ рукъ, въ особенности со времени рожденія Александра Павловича, не давало имъ покоя, терзало ихъ до безконечности и служило мѣриломъ ихъ отношеній къ Екатеринѣ. У Павла зародилась даже мысль, что императрица намѣрена удалить его за границу, для достиженія какихъ-либо тайныхъ цѣлей.

Екатерина съ своей стороны принимала всѣ старанія, чтобы путешествіе миновало Берлинъ, чтобы Павелъ не видался съ Фридрихомъ. Она соглашалась даже на посѣщеніе Парижа, но наотрѣзъ отказала въ свиданіи съ прусскимъ королемъ.

Убѣдившись, что Берлинъ исключенъ изъ маршрута, Панинъ принялся всякими нашептываніями тормозить отъѣздъ Павла Петровича; огорченный новыми вѣяніями русской политики, графъ Никита Ивановичъ желалъ даже совершенно отклонить цесаревича отъ заграничной поѣздки. Самоотверженный защитникъ прусскихъ интересовъ не достигъ, однако, желаемой цѣли. Отъѣздъ цесаревича все-таки состоялся 19 сентября 1781 года, наканунѣ дня его рожденія.

Въ настоящемъ краткомъ очеркѣ жизни Павла Петровича не мѣсто входить въ подробности путешествія графа и графини Сѣверныхъ [1]), продолжавшагося годъ и два мѣсяца. Отмѣтимъ здѣсь только главныя черты этой поѣздки, которая внесла новый элементъ въ причудливое міровоззрѣніе цесаревича: къ прежнему идеалу присоединились теперь еще версальскія воспоминанія.

Особенно интересны отзывы Павла о русскихъ

---

[1]) Подъ такой фамиліей путешествовалъ Павелъ съ своей супругой.

дѣлахъ и правленіи Екатерины, сдѣланныя имъ во время путешествія. Они быстро подхватывались окружающими и быстро расходились въ дипломатическихъ сферахъ. Такъ, въ бесѣдахъ съ герцогомъ тосканскимъ цесаревичъ, не стѣсняясь, въ рѣзкихъ выраженіяхъ осуждалъ завоевательную политику своей матери, находя, что Россія достаточно велика и не нуждается въ новыхъ пріобрѣтеніяхъ, но требуетъ заботливаго отношенія къ внутреннимъ дѣламъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, великій князь выразилъ величайшее презрѣніе къ ближайшимъ сотрудникамъ императрицы, считая ихъ подкупленными вѣнскимъ дворомъ. Великій герцогъ возразилъ, что ему объ этомъ ничего неизвѣстно. «А я ихъ знаю, и я вамъ назову ихъ»,—отвѣтилъ Павелъ Петровичъ:—«это князь Потемкинъ, секретарь императрицы Безбородко, Бакунинъ, графы Семенъ и Александръ Воронцовы и Марковъ, который теперь посланникомъ въ Голландіи. Я вамъ называю ихъ, потому что я очень радъ, если узнаютъ, что мнѣ извѣстно, кто они такіе, и лишь только я буду имѣть власть, я ихъ высѣку, разжалую и выгоню».

Кажется, трудно было выразить порицаніе въ болѣе рѣзкой и безпощадной формѣ. Но Павелъ Петровичъ не удовольствовался осужденіемъ существовавшаго въ Россіи порядка и вмѣстѣ съ тѣмъ, въ припадкѣ откровенности, развернулъ передъ своимъ изумленнымъ слушателемъ безотрадную картину порядковъ будущаго царствованія. Права была Екатерина, когда она, нѣсколько позже, въ предчувствіи угрожавшихъ Россіи бѣдъ, сказала: «Вижу, въ какія руки попадетъ имперія послѣ моей смерти».

Во Франціи русскихъ путешественниковъ ожидалъ самый сочувственный и предупредительный пріемъ, какъ въ Версалѣ, такъ и въ самой столицѣ. «Я сдѣлаю все возможное и даже невозможное,

чтобы сдѣлать имъ здѣшнее пребываніе пріятнымъ», — сказала королева Марія-Антуанетта, готовясь встрѣтить русскихъ гостей. Дѣйствительно, старая французская монархія представилась цесаревичу во всемъ блескѣ своего отжившаго величія. Пріемы, празднества, балы быстро слѣдовали одинъ за другимъ. И здѣсь Павелъ не упустилъ случая уколоть и прямо оскорбить Екатерину. На вопросъ, сдѣланный Людовикомъ XVI, правда ли, что въ его свитѣ нѣтъ лица, на которое онъ могъ бы положиться, отвѣчалъ королю: «Я былъ бы очень недоволенъ, если бы возлѣ меня находился даже какой-нибудь привязанный ко мнѣ пудель: прежде, чѣмъ мы оставили бы Парижъ, мать моя велѣла бы бросить его въ Сену съ камнемъ на шеѣ». Достовѣрность этихъ жестокихъ словъ, сказанныхъ въ присутствіи довольно большого числа лицъ и оскорбившихъ Екатерину, какъ императрицу и мать, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Въ Брюсселѣ Павелъ разсказалъ собравшемуся у него вечеромъ обществу одинъ фантастическій эпизодъ изъ своей жизни, который слѣдуетъ привести въ нашемъ повѣствованіи, какъ превосходную характеристику ненормальной, нервной натуры Павла Петровича.

Потребовавъ отъ всѣхъ сохраненія «дипломатической тайны» его разсказа, Павелъ сказалъ слѣдующее:

«Однажды вечеромъ я, въ сопровожденіи Куракина и двухъ слугъ, шелъ по улицамъ Петербурга. Погода не была холодная. Мы были веселы; не думали о чемъ-либо религіозномъ или даже серьезномъ. Я шелъ впереди, предшествуемый, однако, слугою, за мною, въ нѣсколькихъ шагахъ, слѣдовалъ Куракинъ, а сзади въ нѣкоторомъ разстояніи шелъ другой слуга.

При поворотѣ въ одну изъ улицъ я замѣтилъ въ углубленіи однѣхъ дверей высокаго и худого человѣка, завернутаго въ плащъ, въ родѣ испанскаго, и въ военной, надвинутой на глаза шляпѣ. Онъ, казалось, поджидалъ кого-то, и, какъ только мы миновали его, онъ вышелъ изъ своего убѣжища и подошелъ ко мнѣ съ лѣвой стороны, ни говоря ни слова. Я почувствовалъ охватившую меня всего дрожь и, обернувшись къ Куракину, сказалъ:

— Мы имѣемъ страннаго спутника.

Но Куракинъ никого не видѣлъ и разубѣждалъ меня. Вдругъ глухой и грустный голосъ раздался изъ-подъ плаща закрывавшаго ротъ моего спутника и назвалъ меня моимъ именемъ:

— Павелъ!

Я невольно отвѣчалъ:

— Что тебѣ нужно?

— Павелъ! — повторилъ онъ.

Я ничего не отвѣчалъ и ждалъ; онъ снова назвалъ меня по имени, а затѣмъ вдругъ остановился. Я вынужденъ былъ сдѣлать то же самое.

— Павелъ, бѣдный Павелъ, бѣдный князь!

Я обратился къ Куракину, который также остановился.

— Слышишь? — сказалъ я Куракину.

— Ничего, государь, рѣшительно ничего. А вы?

Что касается до меня, то я слышалъ: этотъ плачевный голосъ еще раздавался въ моихъ ушахъ. Я сдѣлалъ отчаянное усиліе надъ собою и спросилъ таинственнаго незнакомца, кто онъ и чего онъ отъ меня желаетъ.

— Бѣдный Павелъ. Кто я? Я тотъ, кто принимаетъ въ тебѣ участіе. Чего я желаю? Я желаю, чтобы ты не особенно привязывался къ этому міру, потому что ты не останешься въ немъ долго. Живи, какъ слѣдуетъ, если желаешь умереть спокойно, и

не презирай укоровъ совѣсти: это величайшая мука для великой души.

Я шелъ за нимъ, потому что теперь онъ давалъ направленіе нашему пути; это продолжалось еще болѣе часу, въ молчаніи, и я не могу вспомнить, по какимъ мѣстамъ мы проходили.

— Наконецъ, — продолжалъ далѣе Павелъ Петровичъ, — мы подошли къ большой площади между мостомъ черезъ Неву и зданіемъ сената.

— Павелъ, прощай, ты меня снова увидишь здѣсь и еще въ другомъ мѣстѣ. — Затѣмъ его шляпа сама собою приподнялась, какъ будто бы онъ прикоснулся къ ней; тогда мнѣ удалось свободно разглядѣть его лицо. Я невольно отодвинулся, увидѣвъ орлиный взоръ, смуглый лобъ и строгую улыбку моего прадѣда Петра Великаго. Ранѣе чѣмъ я пришелъ въ себя отъ удивленія и страха, онъ уже исчезъ. На этомъ самомъ мѣстѣ императрица сооружаетъ знаменитый памятникъ, который изображаетъ Петра на конѣ и вскорѣ сдѣлается удивленіемъ всей Европы».

II.

Во время путешествія Екатерина писала своимъ «милымъ дѣтямъ» и передъ возвращеніемъ ихъ въ Россію дѣлала дружественныя предостереженія Маріи Ѳедоровнѣ.

«Но въ одномъ отношеніи я буду просить васъ быть сдержанною — это въ проявленіи великой радости, которую доставитъ вамъ свиданіе съ вашими дѣтьми; не испугайте мнѣ ихъ выраженіемъ слишкомъ восторженной радости; пусть моя любезная дочь обнимаетъ ихъ съ умѣренностью, а главное,

пусть не падаетъ въ обморокъ, ибо въ этомъ мы ничего не понимаемъ и это внушитъ намъ страхъ и боязнь».

Императрица въ письмахъ передавала иногда и нѣсколько игривыя просьбы; такъ, напримѣръ, она писала 19 января 1782 года:

«Александръ Павловичъ третьяго дня просилъ меня, чтобъ я ему достала еще брата; я его съ просьбою отослала къ вамъ, любезныя дѣти, но онъ весьма просилъ, чтобъ я отписала къ вамъ его просьбу, чтобъ вы ему привезли третьяго брата. Я спросила, на что ему третій братъ? На сіе я получила въ отвѣтъ, что ему необходимо нужно брата одного еще для той важной причины, что онъ, когда сидитъ кучеромъ, тогда у него одинъ ѣздовой, а надобно, чтобъ было два. Видя справедливость его требованій, сообщаю вамъ, съ подкрѣпленіемъ съ моей стороны просьбы друга моего сердечнаго. Онъ прибавилъ еще другія доказательства такого характера, черезчуръ длиннаго для изложенія, я думаю достаточно того, чтобы вы знали самое изъ нихъ важное».

Какой же былъ результатъ путешествія, совершеннаго цесаревичемъ, лично для него? Оно не произвело въ воззрѣніяхъ его никакой перемѣны. Заграничное путешествіе повліяло развѣ только въ одномъ отношеніи, о которомъ было уже выше сказано. Къ воспринятому имъ потсдамскому идеалу присоединились еще версальскія воспоминанія; вмѣстѣ съ тѣмъ цесаревичъ пропитался еще въ высшей степени аристократическими идеями и вкусами какъ разъ тогда, когда они стали отживать свое время въ Европѣ. На этой почвѣ разрослись впослѣдствіи рыцарскія, мальтійскія идеи.

Глава седьмая.

I.

Возвращеніе цесаревича и великой княгини въ Петербургъ не сопровождалось проявленіемъ особенно нѣжныхъ чувствъ или радости ни со стороны императрицы, ни со стороны ея «дорогихъ дѣтей». Видно, легче было расточать нѣжныя чувства въ перепискѣ, чѣмъ перенести хоть каплю этой нѣжности въ ежедневныя, будничныя сношенія. Первое свиданіе между императрицею и прибывшими произошло безъ постороннихъ свидѣтелей и продолжалось не болѣе нѣсколькихъ минутъ. Англійскій посланникъ Гаррисъ нашелъ, «что ихъ высочества также недовольны пріемомъ, имъ оказаннымъ, какъ императрица сожалѣетъ объ ихъ возвращеніи, и что взаимное неудовольствіе, преобладающее съ обѣихъ сторонъ, вѣроятно, вызоветъ непріятныя сцены»; онъ же писалъ объ отношеніяхъ при дворѣ слѣдующее:

«Поведеніе великаго князя и великой княгини съ самаго ихъ возвращенія было гораздо сдержаннѣе, чѣмъ можно было предполагать. Они ведутъ почти уединенный образъ жизни, исключили изъ своего общества всѣхъ своихъ прежнихъ любимцевъ и, повидимому, хотятъ впередъ руководиться въ своихъ поступкахъ одной только волей императрицы».

«Трудно опредѣлить, къ чему слѣдуетъ отнести эту неожиданную перемѣну. Мнѣ кажется, она объясняется тѣмъ, что они нашли графа Панина слишкомъ ослабѣвшимъ для того, чтобы оказать имъ поддержку или подать совѣтъ. Отчасти также это можетъ быть приписано тому, что они убѣдились, что почти всѣ лица, сопровождавшія ихъ во время путешествія, ихъ выдали, и, наконецъ, тѣмъ страшнымъ слухамъ, которые дошли до нихъ, будто бы императрица на-

мѣревается, по возвращеніи ихъ, устранить великаго князя отъ наслѣдства и по смерти передать престолъ своему старшему внуку.

«Какими бы причинами оно ни было вызвано, во всякомъ случаѣ ихъ настоящее поведеніе благоразумно и основательно. Но, къ несчастію, императрица такъ сильно предубѣждена противъ ихъ, что ихъ поведеніе нисколько не встрѣчаетъ съ ея стороны того одобренія, котораго бы оно заслуживало. Теперь она называетъ ихъ сдержанными, молчаливыми и разсерженными, говоритъ, что ихъ испортили заграничныя связи и что теперь они уже не могутъ вернуться къ обычаямъ своей страны».

По наружности, однако, все шло своимъ нормальнымъ порядкомъ. Такъ, между прочимъ, сейчасъ же по возвращеніи Павла, ему былъ пожалованъ орденъ св. Владиміра первой степени. Однако, все ограничивалось обоюдными внѣшними знаками вниманія, но внутренній, душевный миръ отсутствовалъ. 1783 годъ ознаменованъ былъ кончиною двухъ выдающихся дѣятелей Екатерининской эпохи, имя которыхъ тѣсно связано съ воцареніемъ императрицы: 31 марта скончался въ Петербургѣ графъ Никита Ивановичъ Панинъ, а въ ночь съ 12 на 13 апрѣля въ мрачномъ умопомѣшательствѣ умеръ въ Москвѣ князь Григорій Григорьевичъ Орловъ.

«Хотя я и очень была подготовлена къ этому горестному для меня событію, — писала Екатерина Гримму о смерти Орлова, — увѣряю васъ, что я испытываю живѣйшую печаль; я теряю въ немъ друга и человѣка, которому обязана величайшею признательностью, такъ какъ онъ оказалъ мнѣ существенныя услуги. Что бы мнѣ ни говорили и что бы я сама ни говорила себѣ въ подобномъ случаѣ, одни рыданія мои служатъ отвѣтомъ на все это, и я жестоко страдаю съ той минуты,

какъ пришло это роковое извѣстіе; только работа развлекаетъ меня, а такъ какъ со мною нѣтъ еще моихъ бумагъ, то я пишу вамъ, чтобы облегчить себя... Есть что-то странное въ этой смерти князя Орлова, именно: что гр. Панинъ умеръ недѣли двѣ ранѣе его и что одинъ не зналъ, а другой не могъ знать о смерти другого. Эти два человѣка, постоянно противоположныхъ мнѣній, не любившіе другъ друга, очень удивятся, свидясь на томъ свѣтѣ. Правда, что вода и огонь не столь представляютъ различія, какъ эти люди. Я долгіе годы жила съ этими двумя совѣтниками, напѣвавшими мнѣ съ двухъ сторонъ, каждый свое, и, однако, дѣла шли и шли большимъ ходомъ. Зато часто я была вынуждена поступать такъ, какъ Александръ съ Гордіевымъ узломъ, и тогда они приходили къ соглашенію. Смѣлость ума одного и умѣренная осторожность другого и ваша покорная слуга, выступающая курцъ-галопомъ между ними, придавали изящество и мягкость дѣламъ величайшей важности».

Смерть графа Никиты Ивановича Панина чрезвычайно опечалила цесаревича.

Въ письмахъ къ Салтыкову онъ писалъ о Панинѣ: «Мы лишились 31 прошедшаго мѣсяца гр. Никиты Ивановича. Судите, любезный другъ, о моемъ чувствѣ за два дни, разговаривая межъ себя о немъ, пришли въ несказанную чувствительность и положили ѣхать къ нему въ тотъ вечеръ; онъ веселъ и свѣжъ былъ такъ, какъ я уже его года съ три не видалъ; на другой день сказываютъ, онъ таковъ же былъ и не хотѣлъ итти спать. Я у себя, сидя за картами и будучи веселъ, говорилъ, что я примѣтилъ за собою, что, когда сей родъ веселости на меня найдетъ, всегда передъ печалью, чтобъ они вспомнили мои слова. Въ пятницу, проснувшись, меня тѣмъ встрѣтили, что сказали о болѣзни графа

Никиты Ивановича; мы, одѣвшись, и поѣхали, но уже не нашли его въ памяти».

Панинъ всегда относился съ особеннымъ сочувствіемъ къ началу законности и стремился связать форму государственнаго управленія съ основными законами; поэтому, желая оставить своему воспитаннику нѣчто въ родѣ политическаго завѣщанія, онъ, уже больной, началъ диктовать Фонвизину сводъ своихъ мыслей о правительствѣ. Трудъ Панина остался неоконченнымъ. О характерѣ этого произведенія если не пера, то мысли графа Никиты Ивановича можно судить по слѣдующимъ немногимъ, приводимымъ здѣсь строкамъ: «Верховная власть ввѣряется государю для единаго блага его подданныхъ», — такъ начинаетъ графъ Панинъ свое разсужденіе. «Государь, подобіе Бога, преемникъ на землѣ высшей Его власти, не можетъ равнымъ образомъ ознаменовать ни могущества, ни достоинства своего иначе, какъ постановя въ государствѣ правила непреложныя, основанныя на благѣ общемъ, и которыхъ не могъ бы нарушить самъ, не переставъ быть достойнымъ государемъ... Онъ долженъ знать, что нація, жертвуя частью естественной своей вольности, вручила свое благо его попеченію, его правосудію, его достоинству, что онъ отвѣчаетъ за поведеніе тѣхъ, кому вручаетъ дѣла правленія и что, слѣдственно, ихъ преступленія, имъ терпимыя, становятся его преступленіями» [1]).

II.

29 іюля 1783 года, Марія Θедоровна разрѣшилась отъ бремени дочерью, нареченною въ честь стар-

---

[1]) См. подробно о томъ же „Общественное движеніе въ Россіи въ пер. половину XIX" т. I, Декабристы, стр. 6—13. Цѣна 5 р. и IV выпускъ *Библіотеки Декабристовъ*, подъ ред. Балицкаго. М. 1907 г. Цѣна 90 коп.

шаго брата Александрой. Императрица ожидала съ нетерпѣніемъ появленія третьяго внука, о которомъ она мечтала еще во время заграничнаго путешествія цесаревича, и потому, извѣщая Гримма о рожденіи великой княжны, прибавила: «По правдѣ сказать, я несравненно болѣе люблю мальчиковъ, чѣмъ дѣвочекъ».

Для цесаревича семейная радость сопровождалась драгоцѣнною для него милостью со стороны императрицы. Въ самый день подписанія манифеста о рожденіи великой княжны, 1 августа, Екатерина пожаловала сыну «мызу Гатчино съ тамошнимъ домомъ, со всѣми мебелями, мраморными вещами и пр.». Въ своемъ новомъ помѣстьѣ Павелъ создалъ постепенно въ маломъ видѣ ту своеобразную, Гатчинскую, Россію, которая представлялась ему въ будущемъ единственнымъ достойнымъ образцомъ для всей Имперіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ съ этого времени съ каждымъ годомъ стало возрастать все болѣе отчужденіе великокняжескаго дома отъ двора императрицы. Въ Гатчинѣ наступилъ послѣдній періодъ жизни Павла, какъ великаго князя, продолжавшійся тринадцать лѣтъ. Здѣсь Павелъ Петровичъ провелъ самые тяжелые годы своей жизни, предаваясь пагубнымъ размышленіямъ о прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ, ожидая съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ минуты воцаренія и опасаясь ежедневно, чтобы эта власть не ускользнула изъ его рукъ. Это, какъ онъ любилъ выражаться, упражненіе въ терпѣніи, или, лучше сказать, въ нетерпѣніи, могло подточить и исказить даже болѣе крѣпкую натуру, чѣмъ та, которою обладалъ нервный, воспріимчивый Павелъ Петровичъ; при этомъ нужно еще принять во вниманіе, что мысли цесаревича вращались все около одного и того же рокового предмета.

«Вотъ я тридцать лѣтъ безъ всякаго дѣла», — жаловался онъ графу Н. П. Румянцеву.

И здѣсь, въ Гатчинѣ, Павелъ нашелъ себѣ дѣло. Онъ задумалъ создать свою особую, собственную маленькую армію, которая могла бы служить образцомъ для правительственной, Екатерининской арміи, начиная отъ одежды и кончая обученіемъ и организаціей.

По какому-то необъяснимому недоразумѣнію, по снисходительности или же упущенію со стороны императрицы, она, которая обыкновенно слѣдила столь зоркимъ окомъ за всѣми дѣйствіями Павла, не мѣшала ему сформировать и усиливать особый отрядъ войскъ сначала въ Павловскѣ, а затѣмъ и въ Гатчинѣ. На первый разъ званіе генералъ-адмирала, которое носилъ цесаревичъ, дало возможность приступить къ дѣлу безъ шума и безъ особой огласки. Для намѣченной цѣли взяты были въ 1782 году 60 человѣкъ изъ флотскихъ экипажей, и изъ нихъ были составлены двѣ команды по тридцати человѣкъ каждая. Постепенно эта армія увеличивалась и, обладая всѣми своими своеобразными свойствами, являлась какъ бы молчаливымъ протестомъ противъ военной системы, заведенной Екатериной. Среди русской арміи появились какимъ-то чудомъ, какъ бы съ дозволенія правительства, какія-то особыя войска, устроенныя по прусскому образцу и походившія на живую карикатуру. Дѣйствительно, въ Гатчинѣ всецѣло возродились «обряды неудобь носимые», которые, будучи введены Петромъ III, «не толико храбрости военной не умножали, но паче растравляли сердца болѣзненныя всѣхъ вѣрноподданныхъ его войскъ», по выраженію манифеста Екатерины II.

Она желала посѣтить вновь пріобрѣтенныя земли на югѣ, и дѣлались уже всѣ приготовленія къ даль-

нему путешествію. Императрица желала взять и обоихъ внуковъ, Александра и Константина. О своемъ намѣреніи она ничего не сказала родителямъ и тѣ крайне оскорбились этимъ молчаніемъ; въ почтительномъ письмѣ они оба, однако, умоляли государыню оставить ихъ дѣтей. Екатерина на это письмо, между прочимъ, отвѣчала:

«Дорогія дѣти мои. Мать, видящая, что дѣти ея огорчены, можетъ только совѣтовать имъ умѣрить свою печаль, не питать черныхъ мыслей, могущихъ вызвать печаль, не поддаваться скорби подъ вліяніемъ разстроеннаго воображенія, а прибѣгать къ доводамъ, могущимъ умѣрить подобнаго рода огорченія и успокоить тревоги. Дѣти ваши принадлежатъ вамъ, но въ то же время они принадлежатъ и мнѣ, принадлежатъ и государству».

Нечего и говорить, что просьба Павла и его супруги была рѣшительно отклонена.

Тогда цесаревичъ и Марія Θедоровна прямо предложили поѣхать самимъ съ императрицей, чтобы не разлучаться съ дѣтьми. Но въ расчетъ Екатерины вовсе не входило имѣть съ собою непрошенныхъ спутниковъ, и потому и на эту просьбу великокняжеской четы послѣдовалъ самый рѣшительный отказъ. Екатерина писала:

«Чистосердечно я вамъ должна сказать, что новое ваше предложеніе есть такого рода, что оно причинило бы во всемъ величайшее разстройство, не упоминая и о томъ, что меньшія ваши дѣти остались бы безо всякаго призрѣнія; одни они брошены».

Неизвѣстно, чѣмъ бы кончился этотъ своеобразный обмѣнъ мыслей между матерью и сыномъ, но на этотъ разъ судьба благопріятствовала желаніямъ Павла. Великій князь Константинъ Павловичъ заболѣлъ сыпью, и Екатерина вынуждена была начать свое путешествіе, не имѣя съ собой внуковъ.

Лишь послѣ болѣзни они встрѣтились съ бабушкой 23 іюня, въ имѣніи князя Трубецкаго, подъ Москвой.

Глава восьмая.

I

Едва императрица Екатерина успѣла возвратиться изъ своего знаменитаго таврическаго путешествія, какъ вспыхнула новая война съ Турціей. Русскій посолъ Булгаковъ былъ заключенъ въ Семибашенный замокъ, и 9 сентября 1787 года война была объявлена. Это событіе вызвало большую переписку между Павломъ и Екатериной. — Павелъ во что бы то ни стало хотѣлъ ѣхать на войну волонтеромъ. Императрица же, признавая пребываніе великаго князя въ арміи несвоевременнымъ и вообще нежелательнымъ, отказала въ его просьбѣ. Но великій князь настаивалъ, и Екатерина принуждена была уступить ему. Однако семейный споръ усложнился тѣмъ, что съ Павломъ желала ѣхать и великая княгиня. На это Екатерина писала: «отдавая полную справедливость вашимъ чувствамъ, прошу позволенія сказать вамъ, что мужу вашему нѣтъ никакой необходимости, ни обязанности ѣхать въ армію; что онъ самъ добровольно заявилъ о своемъ желаніи отправиться въ качествѣ волонтера, на что я и согласилась, хотя въ томъ не предстоитъ никакой надобности или обязанности, но единственно изъ снисходительности, и если бы онъ не ѣхалъ или же не выражалъ своего желанія ѣхать, то поступилъ бы такъ, какъ поступаютъ тысячи лицъ

одинакаго съ нимъ происхожденія, а противъ турокъ и татаръ даже не бывало тому и примѣру».

Поѣздка Павла въ армію къ общему удовольствію была неожиданно отсрочена вслѣдствіе беременности Маріи Ѳеодоровны. Это была, конечно, лишь придирка, которой воспользовалась императрица, чтобы удержать сына — и нельзя не признать, что поводъ былъ выбранъ искусно.

Принимая во вниманіе характеръ и взгляды цесаревича, а также чувство глубокой ненависти, питаемыя имъ Потемкину, слѣдуетъ признать, что императрицѣ трудно было относиться иначе къ желаніямъ своего сына, чѣмъ она это сдѣлала въ данномъ случаѣ. «Все еще лишнее затрудненіе для Васъ, которое, я была бы счастлива, если бы могла устранить»,— писала Екатерина къ Потемкину, и въ этихъ немногихъ словахъ отразилась истинная подкладка всего дѣла. Военныя дѣйствія, начавшіяся въ 1788 году, противъ турокъ, не отличались особеннымъ блескомъ и успѣхомъ; появленіе Павла на театрѣ войны, конечно, не поправило бы дѣла; напротивъ, оно вызвало бы только различныя замѣшательства и интриги, которыя отнюдь не могли бы упрочить славы русскаго оружія. Екатерина это отлично понимала, и потому понятно, что она всѣми силами старалась не создавать для своихъ полководцевъ новыхъ затрудненій.

Когда отъѣздъ Павла былъ рѣшенъ, онъ занялся составленіемъ духовнаго завѣщанія и различныхъ письменныхъ наставленій супругѣ и дѣтямъ на случай своей смерти. Свои права на престолъ Павелъ желалъ передать своему старшему сыну. Съ этой цѣлью онъ считалъ необходимымъ, чтобы Марія Ѳеодоровна отстранила отъ себя всякую мысль о восшествіи на престолъ послѣ его смерти, предоставивъ престолъ Александру. Съ согласія великой княгини, они

вмѣстѣ подписали актъ, составленный въ этомъ смыслѣ и установлявшій порядокъ престолонаслѣдія на самыхъ незыблемыхъ основахъ.

По странной случайности, въ то самое время, когда Павелъ устанавливалъ основанія будущаго закона о порядкѣ престолонаслѣдія, Екатерина занималась совершенно противоположными мыслями; она намѣревалась совершенно отстранить сына отъ наслѣдованія престола и замѣнить его великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ. Такимъ образомъ обѣ враждовавшія между собою стороны тайно работали надъ рѣшеніемъ одного и того же вопроса, но въ разномъ смыслѣ.

Каковы мысли Екатерины были при обсужденіи этого вопроса, можно видѣть изъ ея замѣчаній на удаленіе отъ престола цесаревича Алексѣя Петромъ Первымъ.

«Признаться должна, писала она, что несчастливъ тотъ родитель, который себя видѣть принужденъ для спасенія общаго дѣла отрѣшить своего отродія. Тутъ уже совокупляется или совокуплено есть власть самодержавная и родительская. Итакъ, я почитаю, что премудрый государь Петръ Первый, несомнѣнно, величайшія имѣлъ причины отрѣшить своего неблагодарнаго, непослушнаго и неспособнаго сына. Сей наполненъ былъ противъ него ненавистью, злобою, ехидною завистью; изыскивалъ въ отцовскихъ дѣлахъ и поступкахъ въ корзинѣ добра въ пылинки худого, слушалъ ласкателей, отдалялъ отъ ушей своихъ истину, и ничѣмъ на него не можно было такъ угодить, какъ понося и говоря худо о преславномъ его родителѣ. Онъ же самъ былъ лѣнтяй, малодушенъ, двоякъ, нетвердъ, суровъ, робокъ, пьянъ, горячъ, упрямъ, ханжа, невѣжа, весьма посредственнаго ума и слабаго здоровья».

Зная взаимныя отношенія матери съ сыномъ, нельзя не признать, что Екатерина останавливалась на мысли, что польза государства требуетъ устраненія отъ престола Павла и замѣны его великимъ княземъ Александромъ.

Цесаревичъ, съ своей стороны, ясно сознавалъ грозившую правамъ его опасность. Это видно изъ словъ, въ которыхъ предусматривалась возможность существованія секретнаго распоряженія Екатерины на этотъ счетъ. Цесаревичъ писалъ: «Воображаю возможность происшествій, могущихъ случиться въ мое отсутствіе, ничего для меня горестнѣе, а для отечества чувствительнѣе себѣ представить не могу, какъ если бы вышнимъ Провидѣніемъ суждено было въ самое сіе время лишиться мнѣ матери, а ему государыни. Таковое происшествіе было бы истинное на насъ посѣщеніе Божіе». Затѣмъ Павелъ Петровичъ переходитъ къ мѣрамъ, которыя поручаетъ принять Маріи Ѳедоровнѣ, какъ уже правительницѣ, и въ заключеніе пишетъ: «Тебѣ, любезная жена, препоручаю въ самый моментъ предполагаемаго несчастія, отъ котораго удали насъ Боже, весь собственный кабинетъ и бумаги государынины, собравъ при себѣ въ одно мѣсто, запечатать государственною печатью, приставить къ нимъ надежную стражу и сказать волю мою, чтобы наложенныя печати оставались въ цѣлости до моего возвращенія. Буде бы въ какомъ-нибудь правительствѣ или въ рукахъ частнаго какого человѣка оставались мнѣ неизвѣстные, какіе бы то ни было повелѣнія, указы или распоряженія, въ свѣтъ не изданные, онымъ до моего возвращенія остаться безъ всякаго и малѣйшаго дѣйствія, но и въ той же непроницаемой тайнѣ, въ какой по тотъ часъ сохранились. Со всякимъ же тѣмъ, кто отважится нарушить или подастъ на себя справедливыя подо-

зрѣнія въ готовности преступить сію волю мою, имѣешь поступить по обстоятельствамъ, какъ съ сущимъ или какъ съ подозрѣваемымъ государственнымъ злодѣемъ, представляя конечное судьбы его рѣшеніе самому мнѣ по моемъ возвращеніи».

Яснѣе и опредѣленнѣе, кажется, трудно выразить, чѣмъ это было сдѣлано наслѣдникомъ въ ожиданіи извѣстныхъ случайностей.

II.

Непреклонная воля императрицы Екатерины принудила цесаревича смиренно ожидать новаго приращенія своей семьи. Событіе это совершилось 10 мая 1788 года: родилась великая княжна Екатерина Павловна. Теперь цесаревичъ снова собрался на югъ, въ армію, но политическія событія направили его не на югъ, а на сѣверъ, въ Финляндію. Густавъ III, безъ всякаго къ тому повода, внезапно объявилъ войну Россіи въ то самое время, когда всѣ силы ея были обращены противъ Турціи, и Петербургъ былъ почти беззащитенъ.

Отсутствіе войскъ на сѣверѣ имперіи заставило даже привлечь къ войнѣ противъ шведовъ гатчинскія войска Павла, состоявшія въ то время изъ одного батальона (въ пятиротномъ составѣ), которымъ начальствовалъ баронъ Штейнверъ. Эти злосчастныя войска послужили поводомъ къ новому неудовольствію цесаревича противъ императрицы. По свидѣтельству Гарновскаго: «батальонъ морской, находившійся въ Павловскѣ, велѣно отдать во флотъ. Просили, чтобъ оной употребленъ былъ въ дѣло на сухомъ пути, и чтобъ позволено было представить его государынѣ въ Царскомъ Селѣ, но отказано. Какая досада! Стараніями графа Александра

Матвѣевича (Мамонова) велѣно, однако же, людей сего батальона такъ употребить, чтобъ его опять, со временемъ, собрать можно было».

Цесаревичъ крайне огорчился нежеланіемъ императрицы видѣть гатчинскія войска. Этимъ обстоятельствомъ воспользовался Штейнверъ, чтобы выставить передъ великимъ княземъ виновникомъ всего случившагося графа Мусина-Пушкина, и своими внушеніями съ самаго начала кампаніи разстроилъ добрыя между ними отношенія.

Пріѣздъ цесаревича въ армію сопровождался немедленною ссорою съ графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ. Легко себѣ представить, что̀ произошло бы при появленіи наслѣдника среди войскъ, предводительствуемыхъ княземъ Потемкинымъ-Таврическимъ. Недаромъ императрица отклоняла отъ себя подобное испытаніе.

Подъ огнемъ непріятеля Павелъ Петровичъ находился только одинъ разъ, 22 августа, во время рекогносцировки шведской укрѣпленной позиціи въ Гекфорсѣ, и съ окончаніемъ на сухомъ пути кампаніи въ 1788 году возвратился въ Петербургъ. Когда же въ слѣдующемъ году возобновились снова военныя дѣйствія, Павелъ снова просился на театръ войны. На это Екатерина отвѣтила рѣшительнымъ отказомъ, въ которомъ замѣтнымъ образомъ проглядывалъ ироническій оттѣнокъ, задѣвавшій нѣсколько великую княгиню Марію Ѳеодоровну. Императрица писала:

«Вотъ мой дорогой сынъ, мнѣніе, котораго вы спрашиваете относительно предстоящей кампаніи; она будетъ оборонительная, малой войной, и еще скучнѣе прошлогодней; вотъ почему, по совѣсти, могу вамъ только посовѣтовать, чтобы вы, вмѣсто того, чтобы вызывать слезы и печаль, раздѣляли бы въ средѣ вашей дорогой и прекрасной семьи

радость отъ успѣховъ, которыми Всемогущему, какъ я надѣюсь, угодно будетъ благословить наше правое дѣло. Прощайте. Обнимаю васъ отъ всего сердца, тронутая вашимъ образомъ дѣйствій».

Здѣсь не мѣсто излагать всѣхъ быстро смѣнявшихся событій, слѣдовавшихъ одно за другимъ, пока присоединеніемъ Курляндіи не завершился циклъ Екатерининскихъ завоеваній.

Среди быстро смѣнявшихся событій запада, одно оставило особенно глубокій слѣдъ въ мысляхъ и въ будущихъ начинаніяхъ цесаревича Павла Петровича — это французская революція.

Князь Ф. Н. Голицынъ, пишетъ, что въ Россіи все было спокойно: «хотя большая часть Европы отъ французскаго переворота всколебалась, у насъ непримѣтно было никакой наклонности къ перемѣнамъ. Государыня спокойно царствовала, не страшилась якобинцевъ и ихъ пагубоносныхъ правилъ».

Одинъ изъ дѣятелей екатерининскаго вѣка замѣтилъ: «Я такой невѣрующій Ѳома, что, противъ всѣхъ и общихъ пугливыхъ мнѣній, не боюсь, чтобъ въ нашъ вѣкъ на холодный сѣверъ перевалилась умственная горячка».

Такъ разсуждали люди, близко знавшіе и понимавшіе Россію.

Глава девятая.

I.

Послѣ возвращенія Павла изъ финляндскаго похода онъ оставался попрежнему въ сторонѣ отъ дѣлъ, продолжая быть пассивнымъ свидѣтелемъ всего совершающагося вокругъ него; онъ все болѣе

сталъ уединяться въ своихъ загородныхъ дворцахъ въ Павловскѣ и Гатчинѣ. Въ это время Павелъ Петровичъ обратилъ свою дѣятельность главнымъ образомъ на дальнѣйшее развитіе созданныхъ имъ гатчинскихъ войскъ, пришедшихъ въ нѣкоторое разстройство по случаю привлеченія ихъ къ участію въ шведской войнѣ. Всего въ этихъ войскахъ числилось 2399 человѣкъ, «въ томъ числѣ 19 штабъ и 109 оберъ-офицеровъ». Съ этими войсками, по выраженію Ф. В. Ростопчина, цесаревичъ думалъ изобразить собою покойнаго прусскаго короля.

Одинъ современникъ этихъ затѣй Павла объясняетъ существованіе ихъ тѣмъ, что «толикія проказы позволялись наслѣднику ради того, чтобы онъ былъ чѣмъ-нибудь занятъ и не помышлялъ бы о правленіи государства, по его мнѣнію, по всѣмъ правамъ ему принадлежащимъ, чего нѣкоторые изъ россіянъ желали, невѣдая сами ради чего».

Императрица должна была слышать пальбу, сопровождавшую маневры войскъ цесаревича, когда они производились близъ Царскаго Села; но она безмолвствовала и не нарушала военныхъ забавъ сына, нисколько не опасаясь какого-либо «дѣйства» съ его стороны. Екатерина только жаловалась, что цесаревичъ ни свѣтъ, ни заря производитъ экзерцицію и продолжаетъ почти во весь день; «разстучалъ мнѣ голову своею пальбой», прибавила государыня.

Здѣсь нельзя не сказать также нѣсколько словъ и о личномъ составѣ гатчинскихъ войскъ. Онъ былъ незавидный. Одинъ изъ современниковъ отзывается о гатчинскихъ офицерахъ, этихъ будущихъ опричникахъ Павловскаго царствованія, далеко нелестно: «это были, по большей части, люди грубые, совсѣмъ не образованные, соръ нашей арміи; выгнанные изъ полковъ за дурное поведеніе, пьян-

ство или трусость, эти люди находили убѣжище въ гатчинскихъ батальонахъ, и тамъ, добровольно обратясь въ машины, безъ всякаго неудовольствія переносили всякій день отъ наслѣдника брань, а, можетъ быть, иногда и побои. Между сими подлыми людьми были и чрезвычайно злые. Изъ гатчинскихъ болотъ своихъ они смотрѣли съ завистью на счастливцевъ, кои смѣло и гордо шли по дорогѣ почести. Когда, наконецъ, счастье имъ также улыбнулось, они закипѣли местью: разъѣзжая по полкамъ, вездѣ искали жертвъ, дѣлали непріятности всѣмъ, кто отличался богатствомъ, пріятною наружностью или воспитаніемъ, а потомъ на нихъ доносили».

Изъ этой гатчинской школы самовластья и рабolѣбства выдѣлился болѣе всѣхъ Алексѣй Аракчеевъ. Вотъ какъ рисуетъ портретъ Аракчеева современникъ Саблуковъ: «по наружности онъ походилъ на большую обезьяну въ мундирѣ. Онъ былъ высокъ ростомъ, худощавъ и жилистъ; въ его складѣ не было ничего стройнаго, такъ какъ онъ былъ очень сутоловатъ и имѣлъ длинную тонкую шею, на которой можно было изучить анатомію жилъ и мышцъ. Сверхъ того, онъ страннымъ образомъ морщилъ подбородокъ. У него были большія мясистыя уши, толстая безобразная голова, всегда наклоненная въ сторону. Цвѣтъ лица его былъ не чистъ, щеки впалыя, носъ широкій и угловатый, ноздри вздутыя, ротъ огромный, лобъ нависшій». Назначенный преподавателемъ геометріи, онъ оказался такимъ тираномъ въ обращеніи съ кадетами, что вскорѣ былъ переведенъ въ артиллерійскій полкъ, а затѣмъ попалъ въ Гатчину.

Что касается цесаревича, то онъ былъ постоянно не въ духѣ и, къ тому же, съ головою, наполненною призраками. Сегюръ, посѣтившій цесаревича въ это

время въ Гатчинѣ, записалъ слѣдующее: «Къ сожалѣнію, съ большими умомъ и познаніями великій князь Павелъ соединялъ самое безпокойное, самое недовѣрчивое настроеніе духа и въ высшей степени подвижной характеръ; часто любезный до фамильярности, онъ болѣе часто былъ высокомѣренъ, деспотиченъ и суровъ; быть можетъ, никогда еще не являлся человѣкъ болѣе легкомысленный, болѣе боязливый, болѣе своенравный, однимъ словомъ, человѣкъ, менѣе способный составить счастіе другимъ или свое собственное.

«Его царствованіе доказало это: онъ совершилъ столько несправедливостей и подвергъ опалѣ или ссылкѣ такое множество людей, вовсе не подъ вліяніемъ злости, а вслѣдствіе своего рода умственнаго разстройства. Онъ мучилъ всѣхъ тѣхъ, которые были къ нему близки, потому что онъ безпрестанно мучилъ самого себя. Престолъ постоянно казался ему окруженнымъ пропастями. Страхъ смутилъ его разумъ: путемъ боязни воображаемыхъ опасностей онъ создалъ дѣйствительныя опасности, потому что монархъ рано или поздно возбуждаетъ недовѣріе, вызываемое имъ самимъ, и страхъ, который онъ самъ испытываетъ».

Нечего удивляться, что отношеніе къ императрицѣ обострялись и натягивались все болѣе и болѣе. При всемъ внѣшнемъ почтеніи и благополучіи и даже сердечныхъ изліяніяхъ въ письмахъ со стороны цесаревича и его супруги, Екатерина не менѣе Павла радовалась, когда необходимость не заставляла ихъ встрѣчаться и проводить время вмѣстѣ.

Однако поведеніе Павла было таково, что давало поводъ написать самому преданному ему человѣку слѣдующее: «Невозможно безъ содроганія и жалости видѣть все, что дѣлаетъ великій князь-

отецъ, онъ какъ будто бы изобрѣтаетъ способы внушить къ себѣ нелюбовь. Онъ задался мыслью, что ему оказываютъ неуваженіе и хотятъ пренебречь имъ. Исходя отсюда, онъ привязывается ко всему и наказываетъ безъ разбора».

II.

Укажемъ здѣсь на главнѣйшія причины, которыя упрочили подозрительность въ характерѣ цесаревича, со всѣми ея дурными послѣдствіями, отражавшимися на пылкости его впечатлительнаго, нервнаго темперамента. Это были: французская революція, массонская исторія, семейный разладъ и возможность назначенія Александра Павловича наслѣдникомъ престола. Все это вмѣстѣ взятое привело также къ окончательному безповоротному разладу между императрицей и цесаревичемъ.

Взгляды цесаревича на французскую революцію не согласовались съ убѣжденіями и намѣреніями Екатерины; въ этомъ вопросѣ, какъ и во всемъ остальномъ, они въ своихъ воззрѣніяхъ совершенно расходились.

Нѣтъ сомнѣнія, что Екатерина искренно ненавидѣла французскую революцію со всѣми ея послѣдствіями, но она желала извлечь изъ нея пользу для себя. Екатерина старалась занять революціей Австрію и Пруссію, чтобы онѣ не мѣшали ей въ ея сокровенныхъ дѣлахъ, и, пользуясь общей запутанностью, довершить свои задушевные планы.

Въ результатѣ екатерининской политики сказалось, что къ 1796 г. предѣлы имперіи были отодвинуты до Нѣмана, Днѣстра и Чернаго моря.

Преслѣдованіе подобныхъ реальныхъ цѣлей не мѣшало, однако, Екатеринѣ вести переговоры о суб-

спдіяхъ, о союзѣ и о поддержкѣ коалиціи русскими войсками.

Политика императрицы подвергалась со стороны цесаревича самой безпощадной критикѣ; мысли его витали въ совершенно иной сферѣ.

Однажды Павелъ Петровичъ читалъ газеты въ кабинетѣ у императрицы и выходилъ изъ себя:

— Что они все тамъ толкуютъ,—воскликнулъ онъ.—Я тотчасъ все бы прекратилъ пушками.

Екатерина отвѣтила сыну: —Или ты не понимаешь, что пушки не могутъ воевать съ идеями? Если ты такъ будешь царствовать, то недолго продлится твое царствованіе.

Но дѣло не ограничивалось одиѣми вспышками гнѣва. Нахлынувшіе въ Россію съ той поры эмигранты окончательно сбили съ толку цесаревича; онъ, не стѣсняясь, сталъ говорить о необходимости править желѣзною лозою. «Каждый день,—пишетъ Ростопчинъ,—только и слышно, что о насильствахъ, о мелочныхъ придиркахъ, которыхъ постыдился бы всякій честный человѣкъ. Онъ ежеминутно воображаетъ, что хотятъ ему досадить, что намѣрены осуждать его дѣйствія... Великій князь всюду видитъ вѣтви революціи. Онъ всюду находитъ якобинцевъ». Сыновьямъ своимъ Павелъ Петровичъ говорилъ, при полученіи извѣстія о какихъ-либо новыхъ ужасахъ, совершившихся во Франціи: «Вы видите, мои дѣти, что съ людьми слѣдуетъ обращаться, какъ съ собаками».

Марія Θеодоровна не могла умѣрить всѣ эти явленія; она сама жила подъ тяжелымъ гнетомъ совершившихся на западѣ событій, лишившихъ ея родителей родного крова. Несчастья, постигшія французскую королевскую семью, не менѣе возмущали чувствительное сердце великой княгини, не позабывшей радушнаго гостепріимства версальскаго

двора 1782 года. Раздраженный Павелъ не могъ такимъ образомъ найти себѣ успокоеніе въ бесѣдахъ съ своею супругою.

Не менѣе французской революціи должно было волновать и раздражать цесаревича дѣло Новикова, возникшее въ 1792 году, и связанная съ нимъ масонская исторія. Ко всѣмъ душевнымъ страданіямъ Павла присоединились еще семейныя невзгоды. Было время, когда цесаревичъ признавался графу Н. И. Панину, что «если бы все прочее въ жизни моей соотвѣтствовало пріятностямъ внутренней моей, то я былъ бы совершенно счастливъ». Но и оно оказалось непрочнымъ. Вниманіе Павла скоро начала привлекать фрейлина великой княгини, Екатерина Ивановна Нелидова.

Благодаря остроумію и блеску разговора Нелидовой, отличавшимъ ее среди тоскливаго гатчинскаго общества, она, несмотря на некрасивую наружность, завоевала себѣ безграничную дружбу цесаревича. Платоническое ухаживаніе Павла сопровождалось изгнаніемъ всѣхъ сторонниковъ великой княгини. Наконецъ Маріи Θеодоровнѣ измѣнило ея обычное спокойствіе. Она совершенно потеряла голову и, увлекаясь внѣшними признаками, раздутыми ревнивымъ воображеніемъ, писала передъ рожденіемъ великой княжны Ольги, 11 іюля 1792 года, своему испытанному другу С. И. Плещееву:

«Вы будете смѣяться надъ моею мыслію, но мнѣ кажется, что при каждыхъ моихъ родахъ Нелидова, зная, какъ они бываютъ у меня трудны и что они могутъ быть для меня гибельны, всякій разъ надѣется, что она сдѣлается вслѣдъ затѣмъ второй м-мъ де-Ментенонъ. Поэтому, другъ мой, приготовьтесь почтительно цѣловать у нея руку и особенно займитесь вашей физіономіей, чтобы она не нашла въ этомъ почтеніи насмѣшки или злобы. Я думаю,

что вы будете смѣяться надъ моимъ предсказаніемъ, которое, впрочемъ, вовсе не такъ глупо».

Но этого было мало; семейный разладъ обострился до того, что Марія Θеодоровна рѣшилась даже повѣдать свои горести императрицѣ и жаловаться на мужа и на Нелидову. Екатерина, какъ разсказываютъ, подвела великую княгиню къ зеркалу и замѣтила: «Посмотри, какая ты красавица, а соперница твоя «уродъ», перестань кручиниться и будь увѣрена въ своихъ прелестяхъ».

Среди полнаго разгара семейныхъ недоразумѣній состоялось обрученіе, а затѣмъ бракосочетаніе великаго князя Александра Павловича съ великой княжной Елисаветой Алексѣевной, рожденной принцессой Баденской.

Между тѣмъ разсудокъ цесаревича все болѣе затемнялся. Онъ даже отказался отъ присутствія при бракосочетаніи сына. Не помогли никакіе уговоры великой княгини и уже пришлось обратиться къ содѣйствію Нелидовой, которая и уговорила Павла не дѣлать скандала.

Это событіе повело къ еще болѣе мрачнымъ мыслямъ Павла въ связи съ неотвязчивымъ вопросомъ о престолонаслѣдіи, къ разрѣшенію котораго Екатерина собиралась приступить.

II.

Возможность измѣненія порядка престолонаслѣдія въ пользу великаго князя Александра Павловича волновала цесаревича болѣе всѣхъ прочихъ обрушившихся на него въ ту пору заботъ и огорченій; мысль утратить престолъ окончательно лишила Павла всякой способности спокойно обсуждать какое бы то ни было дѣло. Какія же были намѣренія

Екатерины въ вопросѣ, имѣвшемъ столь важное значеніе для будущаго благополучія Россіи? Императрица отлично сознавала, кого она имѣетъ передъ собой въ лицѣ Павла, и она совершенно не желала передать свой престолъ ему. Напротивъ, она уже давно намѣтила себѣ преемника въ лицѣ Александра Павловича. Послѣ бракосочетанія императрица обратилась къ рѣшительному средству для осуществленія задуманнаго переворота. Екатерина объявила Совѣту намѣреніе «устранить сына своего Павла отъ престола, ссылаясь на его нравъ и неспособность». Весь Совѣтъ готовъ былъ покориться, но ему воспротивился по однимъ свидѣтельствамъ Мусинъ-Пушкинъ, а по другимъ — Безбородко. Это сопротивленіе, конечно, не могло бы остановить Екатерину, но ей еще не доставало самаго важнаго — она не знала, какъ отнесется къ нему самъ Александръ. Нужно было заручиться согласіемъ великаго князя, не возмущая его сыновнихъ чувствъ; а это составляло едва ли не самую трудную часть задачи, взятой на себя Екатериной. Зная любовь и довѣріе, съ которыми Александръ относился къ Лагарпу, императрица еще ранѣе обращенія къ Совѣту рѣшилась испробовать вліяніе наставника. Однако Лагарпъ не оправдалъ ожидаемыхъ отъ него надеждъ. Онъ отклонилъ всякія попытки вовлечь его въ это дѣло. Въ разговорѣ съ Екатериной, по словамъ самого Лагарпа, онъ, «догадавшись въ чемъ дѣло, употребилъ всѣ усилія, чтобы воспрепятствовать государынѣ открыть мнѣ задуманный планъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отклонить отъ нея всякое подозрѣніе въ томъ, что я проникъ въ ея тайну. Къ счастью, мнѣ удалось и то и другое. Но часа два, проведенные въ этой нравственной пыткѣ, принадлежатъ къ числу самыхъ тяжелыхъ въ моей жизни, и воспоминаніе о нихъ

отравляло все остальное пребываніе мое въ Россіи». Свое поведеніе Лагарпъ объясняетъ несочувствіемъ къ средствамъ переворота. «Составители заговора надѣялись вовлечь меня въ предпріятіе, имѣвшее цѣлью избавить Россію отъ новаго Тиверія. Цѣль, по ихъ мнѣнію, оправдывала средства. Втягивая меня въ свои сѣти, зачинщики весьма удобно могли, въ случаѣ надобности, взвалить всю бѣду на меня. Если бы тайна открылась, вся отвѣтственность пала бы на беззащитнаго иностранца, лишеннаго довѣрія и ославленнаго буйнымъ якобинцемъ, и — кто знаетъ—быть можетъ, съ воцареніемъ Павла я былъ бы осужденъ на изгнаніе и пытку за участіе въ заговорѣ, отъ котораго я уклонился съ ужасомъ и негодованіемъ». Но онъ не ограничился однимъ пассивнымъ сопротивленіемъ намѣреніямъ императрицы, напротивъ того, онъ постарался всячески примирить цесаревича съ его сыновьями. Добившись свиданія съ Павломъ, онъ торжественно заклиналъ Павла имѣть къ молодымъ великимъ князьямъ полное довѣріе, сдѣлаться другомъ ихъ и всегда обращаться къ нимъ прямо, а отнюдь не черезъ третье лицо.

Послѣ этого Лагарпъ былъ удаленъ за границу, и Екатерина должна была примириться съ неудачею. Она не могла себѣ представить, до какой степени чувства и политическіе взгляды любимаго внука расходились съ ея намѣреніями и надеждами. Въ дѣйствительности оказывалось, что она не только не могла расчитывать на согласіе внука принять помимо отца то бремя, которое она ему готовила, но что любимецъ ея мечталъ о томъ, чтобы совершенно отказаться отъ носимаго имъ званія и жить частнымъ человѣкомъ въ мирѣ и спокойствіи въ Швейцаріи или на берегахъ Рейна.

Независимо отъ военныхъ ученій, полюбившихся

Александру и сблизившихъ его съ отцомъ, установившееся между ними довѣріе увеличило другое существовавшее уже зло: Александръ окончательно научился во всемъ осуждать Екатерину и порицать основныя начала ея политики, какъ внутренней, такъ и внѣшней; въ то же время Павелъ возстанавливалъ сына противъ всѣхъ Екатерининскихъ дѣятелей. Замѣчательно, что гатчинское міровоззрѣніе уживалось въ головѣ Александра съ самымъ крайнимъ мечтательнымъ либерализмомъ, приводившимъ даже въ изумленіе князя Адама Чарторижскаго и, конечно, не имѣвшимъ ничего общаго со взглядами Павла на необходимость править при помощи желѣзной лозы.

Убѣжденія и взгляды Александра съ достаточною ясностью обрисовались въ письмѣ его къ Виктору Павловичу Кочубею отъ 10-го мая 1796 года.

...«Я отнюдь недоволенъ своимъ положеніемъ», пишетъ великій князь, 18 лѣтъ отъ роду. «Я чрезвычайно радъ, что рѣчь объ этомъ зашла сама собою, безъ чего очень затруднился бы завести ее. Да, милый другъ, повторю снова: мое положеніе меня вовсе не удовлетворяетъ. Оно слишкомъ блистательно для моего характера, которому нравятся исключительно тишина и спокойствіе. Придворная жизнь не для меня создана. Я всякій разъ страдаю, когда долженъ являться на придворную сцену, и кровь портится во мнѣ при видѣ низостей, совершаемыхъ другими на каждомъ шагу для полученія внѣшнихъ отличій, не стоящихъ, въ моихъ глазахъ, мѣднаго гроша. Я чувствую себя несчастнымъ въ обществѣ такихъ людей, которыхъ не желалъ бы имѣть у себя лакеями; а между тѣмъ, они занимаютъ здѣсь высшія мѣста, какъ напр. З......, П...., Б...., оба С.., М....

и множество другихъ, которыхъ не стоитъ даже называть и которые, будучи надменны съ низшими, пресмыкаются передъ тѣмъ, кого боятся. Однимъ словомъ, мой любезный другъ, я сознаю, что не рожденъ для того высокаго сана, который ношу теперь, и еще менѣе для предназначеннаго мнѣ въ будущемъ, отъ котораго я далъ себѣ клятву отказаться тѣмъ или другимъ образомъ.

«Вотъ, любезный другъ, важная тайна, которую я уже давно хотѣлъ передать вамъ: считаю излишнимъ просить васъ не сообщать о ней никому, потому что вы сами поймете, какъ дорого я могъ бы за нее поплатиться. Я просилъ Г. Гаррика сжечь это письмо, если бы ему не удалось лично вамъ его вручить, и никому не передавать для доставленія его къ вамъ.

«Я обсудилъ этотъ предметъ со всѣхъ сторонъ. Надобно вамъ сказать, что первая мысль о немъ родилась у меня еще прежде, чѣмъ я съ вами познакомился, и что я не замедлилъ притти къ настоящему моему рѣшенію.

«Въ нашихъ дѣлахъ господствуетъ неимовѣрный безпорядокъ: грабятъ со всѣхъ сторонъ; всѣ части управляются дурно; порядокъ, кажется, изгнанъ отовсюду — а Имперія, несмотря на то, стремится лишь къ расширенію своихъ предѣловъ. При такомъ ходѣ вещей возможно ли одному человѣку управлять государствомъ, а тѣмъ болѣе исправлять укоренившіяся въ немъ злоупотребленія. Это выше силъ не только человѣка, одареннаго, подобно мнѣ, обыкновенными способностями, но даже и генія, а я постоянно держался правила, что лучше совсѣмъ не браться за дѣло, чѣмъ исполнять его дурно. Слѣдуя этому правилу, я и принялъ то рѣшеніе, о которомъ сказалъ вамъ выше. Мой планъ состоитъ въ томъ, чтобы, по отреченіи отъ этого труд-

наго поприща (я не могу еще положительно назначить срокъ сего отреченія), поселиться съ женою на берегахъ Рейна, гдѣ буду жить спокойно частнымъ человѣкомъ, полагая мое счастье въ обществѣ друзей и въ изученіи природы.

«Вы вольны смѣяться надо мною и говорить, что это намѣреніе несбыточное; но подождите исполненія и уже тогда произнесите приговоръ. Знаю, что вы осудите меня, но не могу поступить иначе, потому что покой совѣсти ставлю первымъ для себя закономъ, а могла ли бы она оставаться спокойною, если бы я взялся за дѣло не по моимъ силамъ. Вотъ, мой милый другъ, что я такъ давно желалъ сообщить вамъ. Теперь, когда все высказано, мнѣ только остается увѣрить васъ, что гдѣ бы я ни былъ, счастливымъ или несчастливымъ, богатымъ или бѣднымъ, ваша дружба ко мнѣ будетъ всегда однимъ изъ величайшихъ для меня утѣшеній; моя же къ вамъ, вѣрьте, кончится только съ жизнію» [1]).

Вотъ къ какому трагическому исходу привели всѣ просвѣщенныя попеченія, вся безграничная любовь и заботливость Екатерины о своемъ внукѣ, котораго она готовила себѣ въ преемники. Ненормальная семейная обстановка вызвала полное крушеніе всѣхъ ея надеждъ; оказалось, что Александръ не желалъ быть продолжателемъ ея великихъ дѣлъ и во многомъ сталъ на точку зрѣнія Павла Петровича.

---

[1]) Историческіе документы изъ времени царствованія Александра I-го изд. второе, Лейпцигъ. Стр. 78—80. Шильдеръ приводитъ только выдержки изъ этого замѣчательнаго и крайне интереснаго письма, мы же нарочно его приводимъ цѣликомъ.

Глава десятая.

I.

Не довольствуясь ранней женитьбою своего старшаго внука, Екатерина поспѣшила пріискать невѣсту и великому князю Константину Павловичу. 15-го февраля 1796 года Константинъ Павловичъ вступилъ въ супружество съ пятнадцатилѣтнею принцессою Юліею, нареченною Анною Ѳедоровною.

«Теперь у меня жениховъ больше нѣтъ», писала Екатерина Гримму послѣ свадьбы Константина Павловича, «но зато остается пять дѣвицъ, изъ которыхъ младшей только годъ, но старшей пора замужъ. Жениховъ имъ придется поискать днемъ съ фонаремъ. Безобразныхъ мы исключимъ, дураковъ тоже; бѣдность же не порокъ. Но внутреннее содержаніе должно соотвѣтствовать очень красивой наружности. Если попадетъ такой товаръ на рынкѣ, сообщите мнѣ о находкѣ».

Въ томъ же году произошло другое радостное для императрицы семейное событіе. Въ три и три четверти часа утра Марія Ѳедоровна разрѣшилась въ Царскомъ Селѣ отъ бремени сыномъ. Наконецъ, Екатерина дождалась нетерпѣливо ожидавшагося третьяго внука. Новорожденнаго назвали Николаемъ.

Объ этой радости императрица писала Гримму: «Сегодня въ три часа утра мамаша родила громаднаго мальчика, котораго назвали Николаемъ. Голосъ у него басъ, и кричитъ онъ удивительно; длиною онъ аршинъ безъ двухъ вершковъ, а руки немного поменьше моихъ. Въ жизнь свою въ первый разъ вижу такого рыцаря... Если онъ будетъ про-

должать, какъ началъ, то братья окажутся карликами передъ этимъ колоссомъ».

Рожденіе «рыцаря Николая» сопровождалась событіемъ, которое доказываетъ, съ какою настойчивостью императрица, по обыкновенію своему, преслѣдовала разъ намѣченную цѣль: отстранить цесаревича Павла Петровича отъ престола. Однако на этотъ разъ надо удивляться тому средству, къ которому она прибѣгла. Императрица передала Маріи Ѳедоровнѣ бумагу, гдѣ предлагала потребовать отъ Павла отреченія отъ его правъ на престолъ. То же самое въ ней требовалось и отъ великой княгини. Однако послѣдняя нисколько не раздѣляла желанія Екатерины и потому отказалась наотрѣзъ съ чувствомъ искренняго негодованія. Объ этомъ случаѣ Марія Ѳедоровна ни словомъ ни обмолвилась Павлу, и тотъ узналъ о немъ лишь послѣ смерти Екатерины.

Между тѣмъ мысли ея снова обратились къ ускоренію измѣненія порядка престолонаслѣдія. Она рѣшилась сама поговорить съ Александромъ, и этотъ разговоръ, какъ можно предполагать, произошелъ 16 сентября. Въ этомъ случаѣ Александръ проявилъ обычную свою тактику — уклончивость: онъ не отвергнулъ предложенія бабки, но и не выразилъ опредѣленнаго согласія на него. Съ одной стороны, Александръ твердо рѣшился сохранить за отцомъ право наслѣдства, а съ другой — онъ жаждалъ только мира и спокойствія, стремился къ уединенной жизни и желалъ для себя лишь избавленія отъ предназначеннаго ему высокаго положенія, одна мысль о коемъ, какъ онъ выражался, приводила его въ содроганіе.

При тѣхъ взглядахъ, какіе имѣлъ Александръ въ эту эпоху, конечно, нельзя быть участникомъ

въ государственномъ переворотѣ. Болѣе того, можно предположить, что Александръ сообщилъ о переговорахъ съ императрицею если не Павлу, то ужe, навѣрное, матери, и съ ея вѣдома написалъ письмо отъ 24-го сентября. Объ этомъ свидѣтельствуетъ письмо Маріи Θедоровны къ сыну, въ которомъ встрѣчаются слѣдующія строки:

«Во имя Бога держитесь установленнаго плана, больше твердости и мужества, дитя мое. Богъ никогда не оставляетъ невинности и добродѣтели».

Въ заключеніе прибавлены обычныя въ подобныхъ случаяхъ наставленія:

«Сжигайте мои записки; я сжигаю ваши».

Но, какъ бы то ни было, одно достовѣрно, что Александръ не сочувствовалъ планамъ Екатерины и что мечты его увлекали совершенно на иной путь, чѣмъ тотъ, который готовила своему любимцу державная бабка. Одно лицо слышало отъ него слѣдующія достопамятныя слова: «Если вѣрно, что хотятъ посягнуть на права отца моего, то я сумѣю уклониться отъ такой несправедливости. Мы съ женою спасемся въ Америку, будемъ тамъ свободны и счастливы, и про насъ больше не услышатъ».

Между тѣмъ Екатерина, увѣренная въ согласіи внука на новый порядокъ престолонаслѣдія, готовилась всенародно его объявить.

Намѣренія государыни, преслѣдовавшей въ этомъ дѣлѣ одну цѣль — благо Россіи, не были приведены въ исполненіе. Провидѣніе разсудило иначе, и на имперію обрушились страшныя испытанія. Что же касается Александра Павловича, то на этотъ разъ милостивая судьба избавила его отъ печальной необходимости выбирать между государственною пользою и сыновнимъ чувствомъ.

II.

Утромъ, 5-го ноября, Александръ Павловичъ по обыкновенію гулялъ по набережной и встрѣтилъ дорогою князя Константина Чарторижскаго. Скоро къ нимъ присоединился князь Адамъ, и они втроемъ бесѣдовали на улицѣ; вдругъ прибѣгаетъ скороходъ и проситъ великаго князя къ графу Салтыкову. Ничего не подозрѣвая, Александръ поспѣшилъ въ Зимній дворецъ. Оказалось, что императрица Екатерина была смертельно поражена апоплексическимъ ударомъ и была уже въ безчувственномъ состояніи. Произошло кровоизліяніе въ мозгъ. Всѣ старанія докторовъ привести въ чувство императрицу оказались напрасными. Велико было смятеніе между довѣренными царедворцами; въ виду извѣстной имъ воли императрицы предстояло рѣшить вопросъ, какой принять образъ дѣйствій въ случаѣ смерти.Произошла минута колебанія, пока, наконецъ, по совѣту Растопчина не былъ посланъ къ цесаревичу графъ Зубовъ.

Въ это самое время Павелъ проводилъ день обычнымъ образомъ. Лишь сонъ, который онъ видѣлъ, нѣсколько смущалъ его. За обѣдомъ Павелъ разсказывалъ, что онъ чувствовалъ во снѣ, что нѣкая невидимая и сверхъ-естественная сила возносила его къ небу. Онъ часто отъ этого просыпался, потомъ засыпалъ и опять былъ разбуженъ повтореніемъ того же самаго сновидѣнія; наконецъ, замѣтивъ, что великая княгиня не спала, сообщилъ ей о своемъ сновидѣніи и узналъ, къ взаимному ихъ удивленію, что и она то же самое видѣла во снѣ и тѣмъ же самымъ была нѣсколько разъ разбужена.

Разсказываютъ, что, когда Павелъ услыхалъ, что къ нему пріѣхалъ Зубовъ, онъ обратился къ императрицѣ со словами: «мой другъ, мы погибли». Онъ

думалъ, что Зубовъ пріѣхалъ арестовать его и отвезти въ замокъ Лоде, о чемъ давно ходили слухи. Когда же онъ узналъ настоящую причину появленія его въ Гатчинѣ, цесаревичъ испыталъ страшное душевное потрясеніе; внезапный переходъ отъ страха къ противоположному чувству, къ удовлетворенію видѣть себя, наконецъ, самодержцемъ, подѣйствовало пагубнымъ образомъ на нервы и самый мозгъ Павла. Сѣвъ моментально въ карету, Павелъ съ супругой отправились въ Петербургъ. Дорогою онъ безпрерывно встрѣчалъ посланныхъ изъ Петербурга разными лицами курьеровъ, которые составили предлинную свиту саней.

Растопчинъ пишетъ: «Не было ни одной души изъ тѣхъ, кои, дѣйствительно или мнительно имѣя какія-либо сношенія съ окружавшими наслѣдника, не отправили бы нарочнаго въ Гатчину съ извѣстіемъ: между прочимъ, одинъ изъ придворныхъ поваровъ и рыбный подрядчикъ наняли и послали курьера».

Вечеромъ, около девяти часовъ, Павелъ съ супругою прибыли въ Зимній дворецъ, наполненный людьми всякаго званія, объятыми страхомъ и любопытствомъ и ожидавшими съ трепетомъ кончины Екатерины. У всѣхъ была дума на умѣ, замѣчаетъ современникъ и очевидецъ, что теперь настанетъ пора, когда и подышать свободно не удастся. Великіе князья Александръ и Константинъ встрѣтили родителя въ мундирахъ своихъ гатчинскихъ батальоновъ. По словамъ Ростопчина, «пріемъ, ему сдѣланный, былъ уже въ лицѣ государя, а не наслѣдника». Хотя Екатерина еще дышала, но уже чувствовалась близость новой злополучной эры.

Павелъ тотчасъ посѣтилъ умиравшую императрицу. Ихъ высочества всю ночь провели безвыходно во внутреннихъ покояхъ императрицы. Цесаревичъ не считалъ предосудительнымъ распо-

ложиться въ угольномъ кабинетѣ, прилегавшемъ къ спальнѣ Екатерины, такъ что всѣ, кого онъ призывалъ къ себѣ, должны были проходить мимо тѣла еще дышавшей императрицы.

Въ этомъ угольномъ кабинетѣ цесаревичъ принималъ Аракчеева, прискакавшаго вслѣдъ за нимъ изъ Гатчины. «Смотри, Алексѣй Андреевичъ», сказалъ ему Павелъ, «служи мнѣ вѣрно, какъ и прежде». Затѣмъ призвалъ великаго князя Александра Павловича и, послѣ лестнаго отзыва объ Аракчеевѣ, сложилъ ихъ руки и прибавилъ: «Будьте друзьями и помогайте мнѣ». Александръ проявилъ здѣсь до-довольно необычную чувствительность — онъ повелъ его къ себѣ и далъ ему переодѣться въ собственную рубашку.

Впослѣдствіи Аракчеевъ разсказывалъ, что Павелъ Петровичъ поручилъ ему наблюдать за Александромъ, какъ за бабушкинымъ баловнемъ, и доносить ему обо всемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ Алексѣй Андреевичъ утверждалъ, что онъ будто бы отказывался отъ этой роли доносчика. Но, какъ бы то ни было, съ этого рокового часа грубая и тусклая фигура Аракчеева получаетъ историческое значеніе и навсегда заслоняетъ собою свѣтлую личность Александра.

Получивъ на разсвѣтѣ отъ докторовъ безнадежныя свѣдѣнія объ императрицѣ, Павелъ почувствовалъ себя, наконецъ, самодержцемъ. Императрица еще дышала, а между тѣмъ началась уже расправа за 1762 годъ. Главной заботой Павла было захватить бумаги императрицы, и еще при ея жизни цесаревичъ приказалъ собрать и запечатать бумаги, находившіяся въ кабинетѣ, «самъ начавъ собирать оныя прежде всѣхъ», какъ записано въ камерфурьерскомъ журналѣ.

Когда Екатерина испустила послѣдній вздохъ, въ

комнатѣ раздался «вопль, плачъ и сѣтованіе». Впрочемъ, слезы и рыданія, по словамъ Ростопчина, «не простирались далѣе той комнаты, въ которой лежало тѣло государыни. Прочія наполнены были людьми знатными и чиновными, которые во всѣхъ происшествіяхъ, и счастливыхъ, и несчастливыхъ, заняты единственно сами собой, а сія минута для нихъ всѣхъ была тѣмъ, что страшный судъ для грѣшныхъ. Графъ Самойловъ, вышедши въ дежурную комнату, натурально съ глупымъ и важнымъ лицомъ, которое онъ тщетно вынуждалъ изъявить сожалѣніе, сказалъ: «Милостивые государи. Императрица Екатерина скончалась, а государь Павелъ Петровичъ изволилъ взойти на всероссійскій престолъ». Тутъ нѣкоторые бросились обнимать Самойлова и всѣхъ предстоящихъ, поздравляя съ императоромъ.

Наступилъ краткій, но незабвенный по жестокости періодъ четырехлѣтняго царствованія императора Павла.

Глава одиннадцатая.

I.

Не теряя ни одной минуты, императоръ Павелъ, призвавъ къ себѣ митрополита Гавріила, объявилъ ему о кончинѣ Екатерины и повелѣлъ, чтобы въ церкви было все приготовлено къ принесенію присяги. Возвратившись послѣ ея въ два часа пополуночи въ собственные покои, императоръ, пока раздѣвался, призвалъ къ себѣ Ростопчина и сказалъ: «Ты усталъ, и мнѣ совѣстно; но потрудись, пожалуйста, съѣзди съ Архаровымъ къ графу Орлову и приведи его къ присягѣ. Его не было во

дворцѣ, а я не хочу, чтобы онъ забывалъ 28-е іюня. Завтра скажи мнѣ, какъ у васъ дѣло сдѣлается».

Въ этихъ немногихъ словахъ, сказанныхъ Ростопчину, открывался основной мотивъ новаго царствованія: возмездіе за 1762 годъ. Ничто не было забыто, и съ каждымъ днемъ тяжелыя воспоминанія давно забытыхъ темныхъ дѣлъ умышленно выводились на свѣтъ Божій, причемъ сынъ являлся какъ бы судьею отношеній, существовавшихъ между отцомъ его и матерью.

Въ эту же ночь Александръ Павловичъ вмѣстѣ съ Аракчеевымъ, Кацевичемъ и Апрѣлевымъ разставлялъ пестрыя будки и часовыхъ. Начались занятія «по-гатчински». И «бабушкинъ баловень» имѣлъ теперь массу занятій, но всѣ они сводились къ исполненію обязанностей унтеръ-офицера, какъ самъ оцѣнилъ ихъ Александръ Павловичъ въ письмѣ къ Лагарпу.

На другое утро, 7-го ноября, императоръ началъ обычное гатчинское препровожденіе времени, перенесенное теперь въ Петербургъ. Въ девятомъ часу Павелъ Петровичъ совершилъ первый верховой выѣздъ по городу въ сопровожденіи цесаревича Александра Павловича, а затѣмъ, въ одиннадцатомъ, присутствовалъ при первомъ вахтъ-парадѣ или разводѣ. Съ этого дня вахтъ-парадъ пріобрѣлъ значеніе важнаго государственнаго дѣла и сдѣлался на многіе годы непремѣннымъ ежедневнымъ занятіемъ русскихъ самодержцевъ.

10-го ноября въ Петербургъ вступили гатчинскія войска, встрѣченныя самимъ императоромъ и всѣ зачисленныя въ гвардію. Обращаясь къ нимъ, Павелъ сказалъ: «Благодарю васъ, мои друзья, за вѣрную ко мнѣ вашу службу, и, въ награду за оную, вы поступаете въ гвардію, а господа офицеры чинъ въ чинъ».

Не надо говорить, какое впечатлѣніе произвели эти слова въ гвардіи столицы и гатчинскихъ войскахъ. Послѣднія сдѣлались образцами, которымъ надо было слѣдовать, что было довольно затруднительно. Для просвѣщенія невѣждъ въ Зимнемъ дворцѣ устроенъ былъ тактическій классъ, за которымъ надзиралъ самъ Аракчеевъ. Хотя онъ устроенъ былъ для штабъ- и оберъ-офицеровъ, но, изъ желанія угодить государю, отчасти же изъ чувства самосохраненія, лекціи посѣщались генералами и даже фельдмаршаломъ княземъ Репнинымъ.

Новое царствованіе съ первыхъ же дней сдѣлалось отрицаніемъ предыдущаго; роскошный, пышный дворъ императрицы преобразился въ огромную кордегардію. Отъ появленія гатчинскихъ любимцевъ въ Зимнемъ дворцѣ, по мѣткому выраженію Державина, «тотчасъ все пріяло другой видъ, загремѣли шпоры, ботфорты, тесаки, и, будто по завоеваніи города, ворвались въ покои вездѣ военные люди съ великимъ шумомъ». Вступивъ на престолъ съ предубѣжденіемъ противъ всѣхъ екатерининскихъ порядковъ, Павелъ Петровичъ, дѣйствительно, съ поразительною поспѣшностью принялся за подвигъ «исцѣленія» Россіи: гатчинское управленіе должно было послужить образцомъ для управленія имперіею. Немедленно всѣ пружины государственнаго строя были вывернуты, столкнуты со всѣхъ мѣстъ, и Россія вскорѣ была приведена въ хаотическое состояніе.

Современникъ эпохи, И. М. Муравьевъ-Апостолъ, говорилъ своимъ сыновьямъ, что они никогда не поймутъ громаднаго переворота, совершившагося въ Россіи по вступленіи императора Павла на престолъ, — переворота, столь рѣзкаго, что его не поймутъ потомки. Наступившую тогда новую эпоху въ русской жизни называли: «торжественно и громо-

гласно — возрожденіемъ; въ пріятельской бесѣдѣ, осторожно, вполголоса — царствомъ власти, силы и страха; втайнѣ, между четырехъ глазъ — затменіемъ свыше».

«Одно понятіе: самодержавіе, одно желаніе: самодержавіе неограниченное,—были двигателями всѣхъ дѣйствій Павла. Въ его царствованіе Россія обратилась почти въ Турцію»,—говоритъ баронъ Корфъ.

«Здѣсь вашъ законъ!» — крикнулъ разъ Павелъ автору народнаго гимна, ударивъ себя въ грудь, и въ этихъ немногихъ словахъ дѣйствительно выражался весь смыслъ правительственной системы Павла.

Стало несносно служить, а въ особенности военнымъ, и болѣе всего въ Петербургѣ или тамъ, гдѣ появлялся государь. Каждое утро, отъ генерала до прапорщика, всѣ отправлялись на неизбѣжный вахтъ-парадъ, какъ на лобное мѣсто. Никто не зналъ, что его тамъ ожидаетъ: быстрое возвышеніе, ссылка въ Сибирь, заточеніе въ крѣпости, позорное выключеніе изъ службы или даже тѣлесное наказаніе. «Всѣ сіи уничтожительныя, несоразмѣрныя и необыкновенныя мѣры, говоритъ Голицынъ, отвратили дворянство совершенно отъ службы. Упалъ духъ, сдѣлалось роптаніе».

Не довольствуясь доносами, получавшимися тогда правительствомъ въ небывалыхъ до того размѣрахъ, Павелъ открылъ еще способъ для ихъ полученія. Въ Зимнемъ дворцѣ установленъ былъ снаружи ящикъ для жалобъ и доносовъ. Павлу представился удобный случай увеличить огромное число существовавшихъ быстрыхъ, необдуманныхъ и безапелляціонныхъ рѣшеній еще новыми образцами въ подобномъ же родѣ, вызывавшими, безъ сомнѣнія, не разъ непоправимое горе. Впрочемъ злосчастный ящикъ просущество-

валъ недолго; вскорѣ въ немъ стали появляться пасквили, карикатуры, вслѣдствіе чего это средство, придуманное Павломъ для импровизированнаго правосудія, было упразднено.

Заключимъ характеристику этой безотрадной эпохи картиной, рисуемой однимъ русскимъ писателемъ: «Часы пробили двѣнадцать, и вмѣсто нелѣпости жирной масленицы наступаетъ суровый постъ. Дворецъ превращается въ кордегардію, вездѣ дребезжитъ барабанъ, вездѣ бьютъ палкой, бьютъ кнутомъ, тройки летятъ въ Сибирь, императоръ маршируетъ, учитъ эспантономъ, все безумно, безчеловѣчно, неблагородно; своеволіе наверху (извѣстны знаменитыя слова Павла: «у меня великъ только тотъ, съ кѣмъ я говорю и пока я съ нимъ говорю»), рабство, дисциплина, молчаніе, рундъ и приказы».

II.

По первымъ же поступкамъ Павла можно было всего ожидать, но онъ сумѣлъ удивить даже своихъ приверженцевъ утонченнымъ проявленіемъ злобы противъ царствованія Екатерины.

Павелъ рѣшился воздать царскія почести бреннымъ останкамъ своего родителя, покоившимся уже тридцать четыре года и четыре мѣсяца въ Александро-Невскомъ монастырѣ. Гробъ былъ вынутъ изъ могилы и поставленъ посреди той же самой церкви.

Трауръ объявленъ былъ одновременно по императорѣ и императрицѣ, и изумленные россіяне могли подумать, что Петръ III и Екатерина II скончались одновременно въ одинъ и тотъ же день. Однимъ почеркомъ пера тридцать четыре года русской исторіи были какъ бы вычеркнуты изъ лѣтописей, и царствованіе Павла I-го являлось законнымъ продолженіемъ правленія его родителя. 25-го ноября

государь короновалъ прахъ Петра III. Дѣло происходило слѣдующимъ образомъ: «Императоръ вошелъ въ царскія врата, взялъ съ престола пріуготовленную корону, возложилъ на себя и потомъ, подойдя къ останкамъ родителя своего, снялъ съ главы своей корону и при возглашеніи вѣчной памяти положилъ ее на гробъ императора. 1-го декабря государь ѣздилъ церемоніально въ Невскій монастырь для отвезенія туда всѣхъ императорскихъ регалій, какъ-то: короны и орденовъ, все, сколько россійскій дворъ имѣетъ». Такимъ образомъ, вокругъ гроба Петра III появились ордена, въ его царствованіе еще не существовавшіе и учрежденные императрицей Екатериной, какъ-то: св. Георгія и св. Владиміра. Въ процессіи участвовалъ также и герой ропшинской драмы, графъ А. Г. Орловъ-Чесменскій; ему повелѣно было нести императорскую корону.

По словамъ Вигеля, «явно преслѣдуя память матери своей, новый императоръ съ особенною торжественностью поклонился праху отца. Извлекая его изъ могилы, вѣнчая во гробѣ, онъ только воскресилъ неуваженіе къ сему давно забытому государю».

Тревожно и грустно взиралъ Александръ на эту церемонію двойныхъ похоронъ. Мечтатель-юноша съ романтическими идеями, одушевленный какой-то неопредѣленной филантропіею, сознательно уклонившійся отъ политической роли, предназначенной ему Екатериною, очутился, подавленный ужасомъ, у подножія трона — безсильнымъ помочь и лишеннымъ возможности отойти. Наступаетъ трагическая пора его истинно нерадостной жизни, и вскорѣ неумолимый рокъ потребуетъ отъ него выбора между государственной пользой и сыновнимъ чувствомъ.

Наградивъ приверженцевъ отца, Павелъ Петро-

вичъ съ тѣмъ большею суровостью отнесся къ участникамъ переворота 1762 года; немилость его коснулась даже женщины, княгини Екатерины Романовны Дашковой, и онъ не замедлилъ поступить съ нею жестокимъ образомъ. Московскому главнокомандующему было приказано объявить «княгинѣ Дашковой, чтобъ она, напамятовавъ происшествія, случившіяся въ 1762 году, выѣхала изъ Москвы въ дальнія свои деревни... Извольте смотрѣть, чтобъ ѣхала немедленно».

Лишь заступничество Нелидовой позволило больной сподвижницѣ Екатерины поселиться въ устроенномъ имѣніи.

За рѣдкимъ исключеніемъ то же самое доставалось каждому, чье имя связывалось съ предыдущимъ царствованіемъ. Начиная съ 6-го ноября 1796 года, по странной прихоти судьбы, на придворной и на политической сценахъ происходитъ небывалое представленіе: примирительныя вѣянія, великодушные порывы идутъ рука объ руку съ бичеваніемъ намѣченныхъ заранѣе жертвъ какъ отдѣльныхъ личностей, такъ и цѣлыхъ учрежденій. Благодаря подобному стеченію изумительныхъ противоположностей, новая эра является передъ нами въ видѣ сплошного, тяжелаго кошмара, напоминающаго порою, по выраженію современника, «зады Іоанна Грознаго».

Истреблялось все, что только могло напоминать о переворотѣ 1762 года. И въ этомъ смыслѣ весьма интересенъ указъ отъ 26-го января 1797 года; въ немъ читаемъ: «Находящіеся въ печатныхъ 1797 года указныхъ книгахъ по порядку нумераціи листы въ форматѣ четверки съ третьяго на десять по двадцать первой и въ формѣ осьмушки съ седьмого на десять по тридесятой, повелѣваемъ во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ бы оныя книги ни находились, означенные листы, изъ нихъ вырвавъ, доставить безъ про-

медленія къ нашему генералъ-прокурору, о чемъ имѣетъ сенатъ учинить свое распоряженіе и куда слѣдуетъ предписать о точномъ и самопоспѣшнѣйшемъ исполненіи сей нашей воли».

Дѣйствительно, послѣ пышныхъ похоронъ Петра III и коронованія «бывшаго императора», неудобно было оставлять въ указныхъ книгахъ обстоятельный манифестъ Екатерины II отъ 6-го іюля 1762 года, въ которомъ безпощаднымъ образомъ осуждены были всѣ дѣйствія кратковременнаго царствованія Петра Өедоровича и помѣщенъ былъ актъ отреченія, въ которомъ онъ признавалъ «тягость и бремя» правленія, не соотвѣтственными съ своими силами.

Между тѣмъ перемѣны продолжали итти съ неимовѣрной быстротой, онѣ совершались не годами, не мѣсяцами, а часами. Всякій могъ почитать себя ежеминутно наканунѣ гибели или быстраго возвышенія. «Блескъ и померцаніе вмигъ — къ восходу и къ заходу текутъ наши свѣтила съ равною скоростью,—говоритъ современникъ. — Вдругъ мы переброшены въ самую глубь Азіи и должны трепетать передъ восточнымъ владыкой, одѣтымъ однако же въ мундиръ прусскаго покроя, съ претензіями на новѣйшую французскую любезность и рыцарскій духъ среднихъ вѣковъ: Версаль, Іерусалимъ и Берлинъ были его девизомъ, и такимъ образомъ всю строгость военной дисциплины и феодальное самоуправленіе умѣлъ онъ соединить въ себѣ съ необузданной властью ханскою и прихотливымъ деспотизмомъ французскаго дореволюціоннаго правительства».

Императоръ Павелъ, ни въ чемъ не раздѣлявшій воззрѣній своей матери, былъ, конечно, всегдашнимъ противникомъ раздѣловъ польскихъ областей. Поэтому, послѣ своего воцаренія, онъ немедленно вспомнилъ о польскихъ плѣнныхъ, содержавшихся

съ 1794 года въ Петербургѣ, и рѣшилъ даровать имъ свободу, распространивъ затѣмъ эту милость и на прочихъ сосланныхъ Екатериною поляковъ. Павелъ лично посѣтилъ заключенныхъ Костюшко и Потоцкаго; послѣднему онъ между прочимъ сказалъ: «Я знаю, что вы много страдали, что васъ долго оскорбляли и преслѣдовали; но въ послѣднее царствованіе всѣ честные люди подвергались подобной участи, и я первый».

Оказавъ милость плѣннымъ полякамъ, воцарившійся государь не позабылъ также и двухъ русскихъ знаменитыхъ политическихъ заключенныхъ. 23-го ноября 1796 года состоялся слѣдующій рескриптъ на имя генералъ-прокурора графа Самойлова:

«Графъ Александръ Николаевичъ. Всемилостивѣйше повелѣваемъ находящагося въ Илимскѣ на житьѣ Александра Радищева оттуда освободить, а жить ему въ своихъ деревняхъ, предписавъ начальнику губерніи, гдѣ онъ пребываніе имѣть будетъ, чтобы наблюдаемо было за его поведеніемъ и перепискою. Павелъ».

Затѣмъ освобожденъ былъ изъ Шлиссельбургской крѣпости Новиковъ и принятъ императоромъ 5-го декабря, въ самый день выноса тѣла императрицы Екатерины въ Петропавловскій соборъ. По словамъ Николая Ивановича, государь встрѣтилъ его «весьма милостиво и такъ, что описать не можетъ». Дѣйствительно, по пріѣздѣ въ Петербургъ, прямо изъ Шлиссельбурга, Новиковъ представлялся императору обросшимъ бородою; на вопросъ государя, чего онъ хочетъ за все имъ претерпѣнное, — Новиковъ отвѣчалъ просьбою объ освобожденіи всѣхъ заключенныхъ по его дѣлу, что и было повелѣно исполнить. Николаю Ивановичу разрѣшено было отправиться къ семейству, въ подмосковную деревню.

Императоръ Павелъ вызвалъ также изъ Москвы массона Ивана Владиміровича Лопухина, подвергшагося въ 1792 году допросамъ и разнымъ непріятностямъ по дѣлу Новикова, пожаловалъ его въ дѣйствительные статскіе совѣтники и назначилъ состоять при себѣ секретаремъ.

Но если были оказаны милости, вызванныя особыми соображеніями, то явленій обратнаго рода было безконечно много. «Корабль не грузится, а выгружается способными людьми», справедливо отмѣтилъ наблюдательный современникъ.

Печальнымъ примѣромъ подобной «выгрузки» служитъ Суворовъ. Можно было предвидѣть отношеніе великаго полководца къ нововведеніямъ Павла. Отношенія эти характеризуются слѣдующими словами Суворова: «Пудра не порохъ, букли не пушки, коса не тесакъ, я не нѣмецъ — природный русакъ». Проповѣдуя подобную ересь противъ гатчинской непогрѣшимости, Суворовъ сознательно готовился къ печальной развязкѣ, которая не заставила себя долго ждать. 6-го февраля 1797 года отданъ былъ послѣ вахтъ-парада слѣдующій приказъ, похоронившій собою представителя русской военной славы:

«Фельдмаршалъ графъ Суворовъ, отнесясь его императорскому величеству, что, такъ какъ войны нѣтъ и ему дѣлать нечего, то за подобный отзывъ отставляется отъ службы».

3-го января 1797 года былъ изданъ указъ, на основаніи котораго провинившихся по уголовнымъ дѣламъ дворянъ начали, сверхъ лишенія дворянства, присуждать къ наказанію кнутомъ съ вырѣзаніемъ ноздрей, заклейменію и ссылкѣ въ тяжелую работу.

Въ этой мѣрѣ дикаго разгула Павла хотятъ видѣть желаніе уничтожить сословныя привилегіи и ввести правду и законность въ государствѣ. Неяснымъ остается только вопросъ, почему для достиженія

этой благой цѣли потребовалось произвести уравненіе сословій не въ хорошемъ, а въ дурномъ смыслѣ, то-есть отчего не старались къ правамъ дворянскаго сословія приблизить права или отсутствіе правъ прочихъ сословій, а наоборотъ. Во всякомъ случаѣ, приписываемый императору Павлу первый шагъ къ какому-то уравненію сословій исполненъ былъ довольно своеобразнымъ способомъ, который по прошествіи ста лѣтъ производитъ такія же «дурныя импрессіи», какъ и на современниковъ 1797 года.

III.

Вѣроятно, подмѣченное въ Павлѣ стремленіе къ уравненію сословій побудило его повелѣть, чтобы крестьяне присягали ему наровнѣ съ прочими сословіями имперіи. Но эта опрометчивая мѣра едва не стоила Россіи страшнаго кровопролитія. Среди крестьянъ распространилась молва, что присяга для того происходитъ, «чтобы впредь не быть за помѣщиками». Начались повсемѣстные толки о томъ, что новый государь освободилъ крестьянъ, но помѣщики и власти скрываютъ это отъ народа. Вспыхнули безпорядки, и для усмиренія ихъ власти вынуждены были прибѣгнуть къ содѣйствію войскъ. Наконецъ, правительству пришлось обратиться къ чрезвычайнымъ мѣрамъ въ виду полученія съ разныхъ сторонъ тревожныхъ извѣстій о крестьянскомъ движеніи. 20-го января 1797 года императоръ Павелъ назначилъ князя Репнина для усмиренія взбунтовавшихся крестьянъ, а 29-го января обнародованъ былъ манифестъ о должномъ послушаніи крестьянъ своимъ помѣщикамъ и объ обязанности губернскихъ начальствъ подвергать ослушниковъ законному наказанію.

Манифестъ не вразумилъ крестьянъ, расчитывавшихъ получить свободу. Самое кровопролитное дѣло по этому мятежу имѣло мѣсто 13-го февраля 1797 года, въ Орловской губерніи, въ селѣ Брасовѣ; крестьяне, не имѣя огнестрѣльнаго оружія, оборонялись цѣпами и дубинами, но дѣйствовали съ такимъ упорствомъ, что, по выраженію князя Репнина, силою пришлось начать ихъ покореніе. Сдѣлано было 33 пушечныхъ выстрѣла и израсходовано 600 патроновъ, при чемъ сгорѣли 16 крестьянскихъ домовъ. Убито въ дѣлѣ 20 крестьянъ, ранено 70 человѣкъ. Послѣ двухчасового дѣла крестьяне пали, наконецъ, на колѣни и стали просить помилованія, покоряясь власти и силѣ.

15-го февраля князь Репнинъ писалъ орловскому губернатору:

«Благоволите, ваше превосходительство, во извѣстіе всѣмъ обывателямъ Орловской губерніи, вамъ ввѣренной, приказать объявить, что села Брасова съ деревнями крестьяне г. генералъ-лейтенанта Апраксина, за ихъ упорное неповиновеніе правительству, отъ высочайшей власти установленному, и ихъ помѣщику, не внемля даже высочайшему манифесту его императорскаго величества, отъ 29-го января сего 1797 года, и за ихъ упорственное сопротивленіе войскамъ его императорскаго величества наказаны силою оружія и преданы, яко изверги, злодѣи и преступники, огню и мечу; что тѣла ихъ, справедливо погибшихъ отъ ихъ богопротивнаго преступленія, недостойныя погребенія общаго съ вѣрными подданными, зарыты въ особую яму, съ надписью, для всегдашняго омерзительнаго презрѣнія всѣмъ вѣрнымъ подданнымъ, что тутъ лежатъ преступники противъ Бога, государя и помѣщика, справедливо наказанные огнемъ и мечомъ, по закону Божію и государеву», и, наконецъ, что домъ ихъ начальника

и перваго начальника въ семъ богомерзкомъ преступленіи, деревни Ивановской крестьянина, Емельяна Черноды́рова, истребленъ до основанія, такъ что и остатковъ онаго не видно. Дабы всѣ, о томъ бывъ извѣстны, въ подобныя погубныя злодѣянія не впадали».

Письмо князя Репнина воспроизводитъ безъ всякихъ прикрасъ ужасную картину всего случившагося 13-го февраля; фельдмаршалъ вынужденъ былъ творить не судъ, а одну кровавую расправу, и она была жестокая, но имѣвшаяся въ виду цѣль была вполнѣ достигнута. Страхъ, возбужденный суровостью наказанія, подѣйствовалъ такимъ отрезвляющимъ образомъ, что бунтъ сразу прервался; князь Репнинъ нашелъ даже возможнымъ вывести черезъ четыре дня войска, расположившіяся въ бунтовавшей мѣстности.

Разсмотрѣвъ поближе политику и мѣропріятія Павла по отношенія къ крестьянамъ, мы увидимъ, что они, какъ и все происходившее при Павлѣ, были направлены противъ политики и мѣропріятій предшествовавшаго царствованія. Извѣстно, что царствованіе Екатерины было расцвѣтомъ всякихъ привилегій дворянъ и разгуломъ власти надъ крестьянами.

Въ силу этого Павелъ является первымъ противодворянскимъ царемъ, который главною цѣлью своею ставилъ борьбу съ сословными привилегіями. Впрочемъ, къ этому было столько же и личнаго самосохраненія, подозрительности и прямо боязни дворянства, которое привыкло распоряжаться русскимъ трономъ.

Лишь этимъ можно объяснить манифестъ о льготахъ, дарованныхъ крестьянамъ, изданный въ день

коронаціи. Въ силу этого манифеста отмѣнялись воскресныя работы и устанавливалась трехдневная барщина. Въ немъ читаемъ:

«Объявляемъ всѣмъ нашимъ вѣрноподданнымъ. Законъ Божій, въ десятословіи намъ преподанный, научаетъ насъ седьмой день посвящать ему; почему въ день настоящій, торжествомъ вѣры христіанской прославленный, и въ который мы удостоилися воспріять священное мира помазаніе и царское на прародительскомъ престолѣ нашемъ вѣнчаніе, почитаемъ долгомъ нашимъ предъ Творцомъ и всѣхъ благъ Подателемъ подтвердить во всей имперіи нашей о точномъ и непремѣнномъ сего закона исполненіи, повелѣвая всѣмъ и каждому наблюдать, дабы никто и ни подъ какимъ видомъ не дерзалъ въ воскресные дни принуждать крестьянъ къ работамъ, тѣмъ болѣе, что для сельскихъ издѣліевъ остающіеся въ недѣлѣ шесть дней, по равному числу оныхъ въ обще раздѣляемые, какъ для крестьянъ собственно, такъ и для работъ ихъ въ пользу помѣщиковъ слѣдующихъ, при добромъ распоряженіи достаточны будутъ на удовлетвореніе всякимъ хозяйственнымъ потребностямъ».

Этотъ манифестъ, имѣвшій въ виду облегчить крѣпостную зависимость сельскаго населенія, тѣмъ не менѣе, представляетъ собою необдуманное и скороспѣлое произведеніе, вполнѣ соотвѣтствовавшее духу тогдашняго времени; манифестъ вызвалъ къ жизни множество недоумѣній и неправильныхъ толкованій. Неудовлетворительность его редакціи позволила помѣщикамъ толковать его въ свою пользу, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій. Въ Малороссіи существовала двухдневная барщина, а потому помѣщикамъ представился удобный случай возвысить лежавшія на крестьянахъ повинности; въ великорусскихъ же губерніяхъ склонны были усмотрѣть

въ манифестѣ не повелѣніе, а совѣтъ, ни для кого не обязательный, данный землевладѣльцамъ.

На ряду съ изданіемъ такого манифеста Павелъ щедрою рукой раздавалъ деревни и самихъ крестьянъ.

Въ тотъ же день коронаціи было роздано болѣе ста тысячъ душъ, почти съ милліономъ десятинъ земли. Львиная доля выпала графу Безбородко. Государь пожаловалъ ему болѣе 10.000 душъ въ Орловской губерніи, съ прибавкою 30.000 десятинъ самой плодородной земли въ Воронежской губерніи. Ко всѣмъ этимъ щедротамъ прибавилось еще 6.000 душъ на выборъ.

Вообще во все царствованіе, говоритъ историкъ, каждая милость выражалась въ пожалованіи населеннаго имѣнія, и, можетъ, при этомъ демократическомъ царѣ раздачи эти производились щедрѣе, чѣмъ прежде. Крестьянами награждали за все, за каждую мелочь, и много гатчинцевъ сдѣлались крупными душевладѣльцами и землевладѣльцами, благодаря счастливому случаю. Разъ на парадѣ императоръ отдалъ какой-то приказъ Каннабиху; Каннабихъ, сломя голову, поскакалъ исполнить приказаніе, на лету у него слетѣла трехуголка. «Каннабихъ, шапку потерялъ».—«Зато голова тутъ!»—отвѣчалъ Каннабихъ и продолжалъ скакать далѣе. «Дать ему 1000 крестьянъ».

Эта щедрая раздача крестьянъ оцѣнена была современниками весьма различно. А. С. Шишковъ пишетъ въ своихъ запискахъ: «Причиною сей раздачи деревень, сказываютъ, былъ больше страхъ, нежели щедрота. Павелъ Первый, напуганный, можетъ быть, примѣромъ Пугачева, думалъ раздачею казенныхъ крестьянъ дворянамъ уменьшить опасность отъ народныхъ смятеній. Сія, можно сказать, несчастная боязнь часто тревожила сердце сего

монарха и была причиною тѣхъ излишнихъ осторожностей и непомѣрныхъ строгостей, какими, муча другихъ, и самъ онъ безпрестанно мучался, и которыя, вмѣсто погашенія мнимыхъ искръ возмущенія, дѣйствительно порождали ихъ и воспламеняли». По мнѣнію Саблукова, «Павелъ не считалъ этого способа распоряжаться государственными землями и крестьянами предосудительнымъ для общаго блага, ибо онъ полагалъ, что крестьяне гораздо счастливѣе подъ управленіемъ частныхъ владѣльцевъ, чѣмъ тѣхъ лицъ, которыя обыкновенно назначаются для завѣдыванія государственными имуществами». Подобныя же мысли были лично высказаны самимъ Павломъ Петровичемъ наканунѣ своего воцаренія. «По-моему, лучше бы и всѣхъ казенныхъ крестьянъ раздать помѣщикамъ,—сказалъ онъ.—Живя въ Гатчинѣ, я насмотрѣлся на ихъ управленіе; помѣщики лучше заботятся о своихъ крестьянахъ, у нихъ своя отеческая полиція». Вникая въ приведенное здѣсь послѣднее мнѣніе, нельзя, однако, забывать, что дѣятельность отеческой полиціи бываетъ весьма разнообразнаго свойства, а оцѣнка ея подвержена не менѣе различнымъ толкованіямъ.

Дѣятельность въ избранномъ направленіи лишена была цѣнности и какой-либо послѣдовательности. Какъ на образчикъ этого, можно привести эксперименты съ тѣми же дворянами.

15-го ноября 1797 года былъ изданъ указъ, въ которомъ говорилось: «При наступающемъ возобновленіи выборовъ дворянскихъ, въ разныя по губерніямъ должности, возлагаемъ на васъ сообщить всѣмъ вообще начальникамъ губерній по гражданской части, дабы дворяне, исключенные изъ воинской службы, не только сами не были ни въ какія должности избираемы и опредѣляемы, но и голосовъ отъ нихъ на выборъ другихъ не принимать». Если

принять въ соображеніе, за какіе маловажные проступки офицеры выкидывались изъ службы, то нельзя не признать за приведеннымъ указомъ болѣе чѣмъ удручающій характеръ. Зло было усилено новымъ указомъ, состоявшимся уже въ слѣдующемъ году, 14-го января, по которому повелѣно было дворянъ, исключенныхъ изъ воинской службы, не принимать и на гражданскую службу.

А 18-го декабря того же года Павелъ даетъ дворянамъ деньги, устраивая имъ вспомогательный банкъ. Генералъ-прокуроръ, князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ, какъ главный виновникъ учрежденія банка, награжденъ былъ андреевскою лентою.

Такъ было во всемъ, и причина всему было накипѣвшее чувство озлобленія противъ всѣхъ во время бездѣйствія цесаревича, въ дни страха за возможность лишенія престола.

Политика Павла выходила не столько изъ сознанія несправедливости и негодности существующаго порядка, сколько изъ антипатіи къ лицамъ, къ матери и ея сотрудникамъ. Эти сотрудники принадлежали къ либеральному дворянству, которое отъ скуки и на досугѣ пропиталось либеральными французскими идеями, потому Павелъ предпринялъ уничтоженіе дворянскихъ привилегій и положилъ опалу на всѣ дворянскія либеральныя идеи, даже на дворянскій либеральный языкъ и костюмы. Это участіе чувства, нервовъ въ государственной дѣятельности сообщило ей характеръ не столько политическій, сколько патологическій; въ ней больше минутныхъ инстинктивныхъ порывовъ, чѣмъ сознательныхъ идей; борьба съ существующимъ порядкомъ превратилась въ безцѣльное гоненіе лицъ, вражда къ сословнымъ привилегіямъ получила характеръ стѣсненія самыхъ простыхъ человѣческихъ правъ. Вся

демократическая программа разбивалась на безсвязныя и капризныя мелочи, перерождалась въ припадки жестокаго или великодушнаго каприза, въ простой анекдотъ, и больше анекдота мы ничего не знаемъ объ этомъ царствованіи.

Не подлежитъ сомнѣнію, что печальныя явленія, сопровождавшія воцареніе императора Павла, были бы несравненно многочисленны, «дурныя импрессіи» были бы еще сильнѣе, если въ столь важный исторический моментъ не явилось бы умиротворяющее начало; оно явилось въ образѣ Екатерины Ивановны Нелидовой, этого добраго генія душевно-страдавшаго ея друга.

6-е ноября 1796 года застало Нелидову въ Смольномъ монастырѣ. Вскорѣ состоялось полное примиреніе Нелидовой со своимъ вѣнценоснымъ другомъ, а, что всего важнѣе, заключенъ былъ дружественный союзъ Екатериной Ивановной съ императрицей Маріей Өеодоровной; союзъ между ними имѣлъ цѣлью оберегать государя отъ послѣдствій неразумныхъ увлеченій и необдуманныхъ распоряженій. По словамъ Лобанова, «въ продолженіе года и шести мѣсяцевъ этого царствованія Нелидова сохранила свое вліяніе на причудливый и измѣнчивый нравъ императора. Конечно, она не могла предотвратить всѣ безумныя мѣры, но ей удавалось отклонить нѣкоторыя изъ нихъ. Словомъ, Нелидова, въ первую половину царствованія Павла, была предметомъ его почитанія и владыкой двора. Такъ какъ не представлялось возможнымъ хвалить красоту ея, то, въ угоду императору, восхищались ея умѣніемъ танцовать, прелестью и миловидностью всѣхъ ея движеній, и, несмотря на то, что ей минуло 40 лѣтъ, она не заставляла себя долго упрашивать и важно высту-

нала въ какомъ-нибудь гавотѣ или менуэтѣ. Она любила зеленый цвѣтъ, и въ угоду ей придворные пѣвчіе получили зеленую одежду. Она одна откровенно объяснялась съ государемъ; иногда обращалась съ нимъ сурово, до такой степени, что однажды кинула въ него свой башмакъ, не возбуждая противъ себя гнѣва Павла.

«О, если бы при царяхъ, а особенно строптивыхъ и пылкихъ, всѣ были Катерины Ивановны!», заканчиваетъ свои воспоминанія Шишковъ.

IV.

Печальное событіе 6-го ноября 1796 года должно было въ значительной степени отразиться и на внѣшней политикѣ Россіи; преобразовательный водоворотъ, ознаменовавшій собою наступившую эпоху павловскаго возрожденія Россіи, исказилъ въ конецъ и эту отрасль государственнаго управленія. Новая политика преслѣдовала только одну цѣль: громогласно заявить и распространить убѣжденіе, что новое царствованіе представляетъ собою отрицаніе предшествовавшаго. По волѣ Павла, политическая система имперіи должна была изъ соображенной на видахъ пріобрѣтеній обратиться въ удаленную совершенно отъ всякаго желанія завоеваній. На этомъ основаніи казалось, что новый государь намѣренъ со всѣми державами сохранить миръ и доброе согласіе, отказываясь въ дальнѣйшемъ будущемъ отъ всякихъ военныхъ предпріятій. Дѣйствительно, все приносилось въ жертву этому рѣшенію. Однако и у него оказалась ахиллесова пята, открывшаяся вскорѣ дверь къ спасенію Европы цѣною русской крови, но безъ всякой пользы для Россіи — это была «неистовая французская республика, угрожав-

шая всей Европѣ совершеннымъ истребленіемъ законовъ, правъ и благонравія». Ей Павелъ рѣшилъ «противиться всевозможными мѣрами». Австрія и Англія приложили всѣ свои старанія къ тому, чтобы втянуть Россію въ войну противъ французскаго «богомерзкаго правленія» и выманить, наконецъ, русскую армію за границу. Эта завѣтная цѣль, тщетно преслѣдуемая монархическою Европою при жизни Екатерины, оказалось болѣе осуществимою при ея миролюбивомъ преемникѣ.

Зловѣщимъ предзнаменованіемъ полнаго искаженія русской политики и вступленія ея на невѣдомые пути, преисполненные чистѣйшей романтики, служила также конвенція, заключенная 4-го января 1797 года съ Мальтійскимъ орденомъ, по которой императоръ принималъ орденъ подъ свое покровительство и устанавливалъ его въ Россіи. Дѣтское сочувствіе цесаревича рыцарскимъ традиціямъ Мальтійскаго ордена воскресло въ самодержавномъ императорѣ и привело вскорѣ къ невиданной доселѣ въ исторіи политической фантасмагоріи.

Глава двѣнадцатая.

I.

Павелъ очень спѣшилъ короноваться, вѣроятно, онъ вспомнилъ совѣтъ Фридриха Великаго, нѣкогда данный Петру III, не откладывать это священнодѣйствіе, чтобы болѣе упрочить себя на престолѣ. Онъ не посмотрѣлъ даже на весеннюю распутицу и 10-го марта отправился съ императрицей въ Москву. За ними двинулись великіе князья и весь дворъ.

28-го марта, въ Вербную субботу, послѣдовалъ

торжественный переѣздъ императора Павла изъ Петровскаго въ Слободскій дворецъ, бывшій домъ графа Безбородко. Погода не благопріятствовала торжеству; улицы еще покрыты были снѣгомъ. Морозъ былъ настолько чувствителенъ, что многихъ изъ придворныхъ чиновъ, ѣхавшихъ согласно церемоніалу верхомъ, приходилось снимать съ лошадей совершенно окоченѣвшими. Впереди кортежа скакали верховые и приказывали снимать шапки и перчатки. Все происходило въ порядкѣ и спокойствіи, но ощущенія толпы были скорѣе похожи на любопытство, чѣмъ на дѣйствительную радость.

Коронація сопровождалась празднествами и безконечными пріемами. Государь съ какой-то, присущею ему, особою страстностью и мелочностью придумывалъ все новыя усовершенствованія для придворнаго этикета; поэтому празднества и даже балы дѣлались такъ же утомительными и скучными, какъ и торжественныя поздравленія. Императрица же очень жалѣла, что ея рука не пухнетъ отъ поцѣлуевъ, какъ то было съ Екатериной II. Оберъ-церемоніймейстеръ Валуевъ, желая помочь горю и сдѣлать угодное ихъ величеству, заставлялъ однихъ и тѣхъ же лицъ представляться подъ разными наименованіями. Церемонія удлинялась, и цѣль, предусмотрѣнная ловкимъ царедворцемъ, была достигнута.

Вообще, по замѣчанію очевидца московскихъ празднествъ, императоръ Павелъ похожъ былъ на тщеславное частное лицо, которому разрѣшили играть роль государя; онъ какъ бы спѣшилъ вдоволь насладиться своимъ новымъ положеніемъ, словно предчувствуя всю кратковременность этого удовольствія. Во время пребыванія двора въ Москвѣ на горизонтѣ семейнаго счастья Маріи Ѳедоровны появилось облачко, грозившее обратиться въ грозную тучу. Развязка послѣдовала только въ слѣдующемъ

году. На балахъ вниманіе Павла привлекла замѣчательная красавица Анна Петровна Лопухина. Императрица и Нелидова пришли въ нѣкоторое волненіе, но на первый разъ встрѣча съ Лопухиной не сопровождалась какими-либо послѣдствіями.

О впечатлѣніи, произведенномъ Павломъ на столицу во время его пребыванія въ Москвѣ, мы можемъ судить по донесенію прусскаго посланника, который писалъ изъ Москвы: «Каковы бы ни были демонстраціи жителей этого города въ пользу ихъ государя, недовольство въ немъ, однако, всеобщее; оно существуетъ даже въ провинціи и арміи. Склонность, которую русскіе проявляли постоянно къ переворотамъ, ихъ привычка быть управляемыми женщинами и безнравственность ихъ принциповъ могли бы заставлять опасаться самыхъ прискорбныхъ послѣдствій, если бы добродѣтели императрицы не стояли выше всякаго соблазна. Однако, все это зданіе, какъ бы великолѣпно оно ни было, крайне непрочно. Императоръ, желая исправить недостатки прежняго правительства, ниспровергаетъ все, вводитъ новые порядки, не нравящіеся народу, слишкомъ мало обдуманные, и осуществленіе которыхъ столь поспѣшно, что никто не можетъ хорошенько узнать ихъ, и что нечего думать, чтобы они могли продержаться. При всемъ томъ императоръ занимается главнымъ образомъ лишь мелкими подробностями, церемоніями и представленіями, часто теряетъ изъ виду важное и не слушаетъ ничьихъ совѣтовъ».

Изъ Москвы императоръ отправился въ путешествіе по Россіи, во время котораго все время былъ доволенъ и веселъ, и которое, за немногими выходками, не имѣло какихъ-либо выдающихся эпизодовъ или выдающагося значенія для Павла и его подчиненныхъ.

По возвращеніи изъ путешествія Павелъ принужденъ былъ сдѣлать уступку общественному мнѣнію и уволилъ двухъ своихъ вѣрныхъ слугъ. Но это не могло измѣнить безотраднаго общаго положенія дѣлъ, являясь лишь временными средствами. Во всемъ этомъ обыкновенно винятъ приближенныхъ Павла, говоритъ біографъ Суворовъ: «Они дѣйствительно не отличались доблестями и усугубляли зло, но существовавшій въ его царствованіе порядокъ вещей нельзя приписать постороннему вліянію. Государь былъ самъ первымъ и злѣйшимъ себѣ врагомъ, въ немъ самомъ заключались дурныя особенности тогдашняго правительства. Отвергать это и всю бѣду возлагать на постороннія ея воздѣйствія и вліянія значитъ дѣлать изъ Павла верховнаго вождя, не имѣвшаго никакой самостоятельности и служившаго послушнымъ орудіемъ въ рукахъ другихъ. А этого не было».

Для характеристики общаго тревожнаго настроенія достаточно упомянуть о неожиданныхъ тревогахъ, происшедшихъ въ Павловскѣ въ августѣ мѣсяцѣ. Два раза во время вечерней прогулки государя среди войскъ неизвѣстно почему раздался сигналъ къ тревогѣ, и они бросились ко дворцу. Описывая происшествіе 2-го августа въ письмѣ къ Нелидовой, императрица Марія Ѳедоровна сообщала ей, что войска думали, что случилась «бѣда во дворцѣ». Черезъ день снова повторилось то же самое явленіе.

Что касается самого Павла, то онъ тоже едва ли находился въ спокойномъ состояніи. Судя по одному случаю, этого никакъ нельзя думать. Шишковъ пишетъ: «Однажды назначаетъ онъ ученіе полку одного изъ генераловъ, къ которому онъ былъ благосклоненъ, но, неизвѣстно почему, на него прогнѣвался. Всѣ накканунѣ того дня говорили: завтра будетъ ему бѣда. Самъ генералъ этотъ былъ въ томъ

увѣренъ. Полкъ собрался. Государь выходитъ гнѣвенъ: начинаетъ учить и, при первыхъ движеніяхъ, бранными и грозными словами изъявляетъ уже свои неудовольствія. Между тѣмъ, при повелѣніи заряжать ружья, генералу сему надлежало кричать: безъ патроновъ, а онъ второпяхъ ошибкою закричалъ: съ патронами. Государь при семъ словѣ измѣнился въ лицѣ и, вмѣсто ожидаемаго гнѣва, сказалъ съ ласковою улыбкой: «Зачѣмъ, сударь, съ патронами. Здѣсь нѣтъ непріятелей». Послѣ сего сдѣлался онъ кротокъ, и ученіе, къ удивленію всѣхъ, кончилось благополучно. Осенью въ Гатчинѣ происходили маневры, которыми Павелъ былъ очень доволенъ. Собравъ всѣхъ офицеровъ, сказалъ: «Я зналъ, господа, что образованіе войскъ по уставу было не всѣмъ пріятно; ожидалъ осени, чтобы сами увидѣли, къ чему все клонилось; вы теперь видѣли плоды общихъ трудовъ въ честь и славу оружія россійскаго».

II.

Какъ же относился теперь Александръ Павловичъ къ правленію своего отца. Это отношеніе мы имѣемъ въ его письмѣ къ бывшему наставнику, Лагарпу.

Воспользовавшись поѣздкой Новосильцева, Александръ послалъ съ нимъ письмо для Лагарпа. Онъ писалъ:

«Вамъ извѣстны различныя злоупотребленія, царившія при покойной императрицѣ, они лишь увеличивались по мѣрѣ того, какъ ея здоровье и силы, нравственныя и физическія, стали слабѣть. Наконецъ, въ минувшемъ ноябрѣ она покончила свое земное поприще. Я не буду распространяться о всеобщей скорби и сожалѣніяхъ, вызванныхъ ея кон-

чиною и которыя, къ несчастію, усиливаются теперь ежедневно. Мой отецъ по вступленіи на престолъ захотѣлъ преобразовать все рѣшительно. Его первые шаги были блестящими, но послѣдующія событія не соотвѣтствовали имъ. Все сразу перевернуто вверхъ дномъ, и потому безпорядокъ, господствовавшій въ дѣлахъ и безъ того въ слишкомъ сильной степени, лишь увеличился еще болѣе.

«Военные почти все свое время теряютъ исключительно на парадахъ. Во всемъ прочемъ рѣшительно нѣтъ никакого строго опредѣленнаго плана. Сегодня приказываютъ то, что черезъ мѣсяцъ будетъ уже отмѣнено. Доводовъ никакихъ не допускается, развѣ уже тогда, когда все зло совершилось. Наконецъ, чтобъ сказать однимъ словомъ — благосостояніе государства не играетъ никакой роли въ управленіи дѣлами: существуетъ только неограниченная власть, которая все творитъ шиворотъ навыворотъ. Невозможно перечислить всѣ тѣ безразсудства, которыя были совершенны; прибавьте къ этому строгость, лишенную малѣйшей справедливости, большую долю пристрастія и полнѣйшую неопытность въ дѣлахъ. Выборъ исполнителей основанъ на фаворитизмѣ; достоинства здѣсь не при чемъ. Однимъ словомъ, мое несчастное отечество находится въ положеніи, не поддающемся описанію. Хлѣбопашецъ обиженъ, торговля стѣснена, свобода и личное благосостояніе уничтожены. Вотъ картина современной Россіи, и судите, насколько должно страдать мое сердце. Я самъ, привлеченный ко всѣмъ мелочамъ военной службы, теряя все свое время на выполненіе обязанностей унтеръ-офицера, рѣшительно не имѣя никакой возможности отдаться занятію науками, являвшемуся моимъ любимымъ занятіемъ, я самъ сдѣлался теперь самымъ несчастнымъ человѣкомъ.

«Вамъ уже давно извѣстны мои мысли, клонив-

шіяся къ тому, чтобы покинуть свою родину. Въ настоящее время я не предвижу ни малѣйшей возможности къ приведенію ихъ въ исполненіе, а затѣмъ и несчастное положеніе моего отечества заставило меня придать своимъ мыслямъ иное направленіе. Мнѣ думалось, что если когда-нибудь придетъ и мой чередъ царствовать, то вмѣсто добровольнаго изгнанія себя я сдѣлаю несравненно лучше, посвятивъ себя задачѣ даровать странѣ свободу и тѣмъ не допустить ея сдѣлаться въ будущемъ игрушкою въ рукахъ какихъ-либо безумцевъ. Это заставило меня передумать о многомъ, и мнѣ кажется, что это было бы лучшимъ образцомъ революціи, такъ какъ она была бы произведена законною властью, которая перестала бы существовать, какъ только конституція была бы закончена, и нація имѣла бы своихъ представителей. Вотъ въ чемъ заключается моя мысль.

«Я подѣлился ею съ людьми просвѣщенными, съ своей стороны много думавшими объ этомъ. Всего-на-всего насъ только четверо, а именно: Новосильцевъ, графъ Строгановъ, молодой князь Чарторижскій, мой адъютантъ, выдающійся молодой человѣкъ, и я.

«Мы намѣреваемся въ теченіе настоящаго царствованія поручить перевести на русскій языкъ столько полезныхъ книгъ, сколько только окажется возможнымъ, но мы выпустимъ лишь тѣ изъ нихъ, печатаніе которыхъ можетъ быть разрѣшено, а остальныя прибережемъ для будущаго, чтобы такимъ образомъ, по мѣрѣ возможности, положить начало распространенія знанія и просвѣщенію умовъ. Но когда же придетъ и мой чередъ, тогда нужно будетъ стараться, само собою разумѣется, постепенно образовать народное представительство, которое, должнымъ образомъ руководимое, составило бы

свободную конституцію, послѣ чего моя власть совершенно прекратилась бы, и я, если бы Провидѣніе благословило нашу работу, удалился бы въ какой-нибудь уголокъ и жилъ бы тамъ счастливый и довольный, видя процвѣтаніе своего отечества и наслаждаясь имъ. Вотъ каковы мои мысли, мой дорогой другъ... Дай только Богъ, чтобы мы когда-либо могли достигнуть нашей цѣли даровать Россіи свободу и предохранить ее отъ поползновеній деспотизма и тираніи. Вотъ мое единственное желаніе, и я охотно посвящаю всѣ свои труды и всю свою жизнь этой цѣли, столь дорогой для меня».

Письмо это не нуждается въ поясненіяхъ; въ этой откровенной политической исповѣди уже всецѣло выступаетъ яркій образъ друга человѣчества, того филантропическаго Александра, убѣжденія котораго впослѣдствіи нерѣдко смущали не одного практическаго государственнаго дѣятеля. Правленіе родителя, очерченное въ приведенномъ письмѣ съ безпощадною правдивостью, побуждаетъ его отрѣшиться отъ высказаннаго имъ нѣкогда намѣренія отказаться отъ предназначеннаго ему въ будущемъ положенія и жить частнымъ человѣкомъ на берегахъ Рейна или въ Швейцаріи. Новая обстановка, вызванная къ жизни смертію императрицы, придала мыслямъ Александра иное направленіе; отнынѣ онъ рѣшается посвятить всѣ свои силы и труды задачѣ — даровать Россіи со временемъ свободу и обезпечить ее тѣмъ въ будущемъ отъ бѣдствій, сопряженныхъ съ деспотизмомъ и тираніей, а затѣмъ уже, любоваться со стороны плодами своей дѣятельности и посѣяннымъ добромъ. А пока Александру приходилось переносить всю тяжесть деспотизма Павла. Великій князь былъ еще молодъ, и характеръ его отличался робостью; поэтому можно себѣ представить, что занимаемая имъ должность

не была синекурою и стоила ему много безсонныхъ ночей. Оба великіе князья смертельно боялись своего отца и, когда онъ смотрѣлъ сколько-нибудь сердито, блѣднѣли, дрожали, какъ осиновый листъ. Вмѣсто того, чтобы покровительствовать другимъ, они искали покровительства у другихъ. Нерѣдко спасалъ Александра Павловича Аракчеевъ, но зато очень дорого обходилось это спасеніе для подчиненныхъ великаго князя. Гатчинскій капралъ, въ пылу ревностнаго исполненія служебныхъ обязанностей, предавался безъ всякаго стѣсненія разнаго рода неистовствамъ; онъ вырывалъ у солдатъ усы, билъ ихъ нещадно, грубилъ офицерамъ и награждалъ пощечинами.

Нелегко было Александру жить и служить среди этой дикой обстановки и постоянно думать объ одномъ, какими бы средствами удовлетворить строгія требованія своего грознаго родителя. Противоположность характеровъ и образа мыслей, существовавшая между отцомъ и сыномъ, должна была привести къ взаимнымъ неудовольствіямъ; они дошли до того, что цесаревичъ въ 1797 году (вѣроятно, осенью, въ августѣ или сентябрѣ) заговорилъ объ отставкѣ и повѣрилъ эту тайну своему другу Аракчееву. Въ письмѣ, относящемся къ этому времени, мы читаемъ: «Еще вчерась мнѣ милостивые отзывы были черезъ мою жену, такъ какъ, напримѣръ, чтобы я не сердился на него и тому подобное. Впрочемъ, сіе не перемѣняетъ моего желанія идтить въ отставку, но, къ несчастію, мудрено, чтобы оно сбылось».

Зимой, уже въ Петербургѣ, жизнь при дворѣ опять была нарушена новою фальшивою тревогою. Войска петербургскаго гарнизона поспѣшно бросились къ Зимнему дворцу, и солдаты опять говорили, какъ и въ Павловскѣ: бѣда сдѣлалась во дворцѣ. Императоръ Павелъ, находившійся на прогулкѣ

немедленно возвратился во дворецъ и благодарилъ войска.

Глава тринадцатая.

I.

Наступившій 1798 годъ принесъ съ собою великое множество самыхъ разнообразныхъ событій при дворѣ.

1-го февраля скончался отъ апоплексическаго удара король польскій Станиславъ-Августъ. Павелъ устроилъ ему пышныя похороны. Въ этомъ же мѣсяцѣ произошла попытка примиренія императора съ Суворовымъ. Состоявшееся свиданіе, однако, не привело къ миру. Павелъ дѣлалъ фельдмаршалу намеки, чтобы онъ просился снова на службу, но тщетно; Суворовъ въ отвѣтъ заводилъ длинный разсказъ про Измаилъ, Прагу и всячески испытывалъ терпѣніе своего царственнаго собесѣдника. Суворовъ, конечно, не могъ принять службы на немыслимыхъ, по его мнѣнію, условіяхъ и потому уклонялся отъ этой чести, прикрываясь обычными чудачествами. Въ пріемной, въ ожиданіи аудепціи, фельдмаршалъ подшучивалъ надъ царедворцами, а съ Кутайсовымъ заговорилъ по-турецки. Во время вахтъ-парада дѣло пошло еще хуже: Суворовъ подсмѣивался надъ окружавшими, проявлялъ умышленное невниманіе; онъ отворачивался отъ проходившихъ взводовъ и не замѣчалъ, что государь, желая сдѣлать ему пріятное, производилъ баталіону ученіе не такъ, какъ обыкновенно, а водилъ его скорымъ шагомъ въ атаку.

Наконецъ, Суворовъ сказалъ князю Горчакову: «Не могу, брюхо болитъ», и уѣхалъ до конца развода, не стѣсняясь присутствіемъ государя.

Въ слѣдующіе дни своего пребыванія въ Петербургѣ Суворовъ не переставалъ «блажить», не упуская случая подшутить и осмѣять новыя правила службы, обмундированіе, снаряженіе, даже и въ присутствіи государя. Садясь въ карету, онъ находилъ большое препятствіе въ прицѣпленной сзади наискось шпагѣ, которая якобы не позволяла пролѣзть ему въ каретную дверцу, старался въ нее протискаться, но опять безуспѣшно. Цѣлая четверть часа иногда у него уходила на усаживаніе въ экипажъ, и все это дѣлалось съ серьезнымъ, даже озабоченнымъ видомъ, что усиливало комичность положенія и возвышало ѣдкость выходки. На разводѣ онъ дѣлалъ видъ, что не можетъ справиться со своей плоской шляпой: снимая ее, хватался за поля то одной рукой, то другой — все мимо, и наконецъ ронялъ ее къ ногамъ сумрачно смотрѣвшаго на него государя. Наконецъ, онъ рѣшилъ вернуться опять въ деревню и, спросивъ разрѣшеніе у Павла, въ тотъ же день выѣхалъ изъ Петербурга.

Около этого времени постигла опала и Аракчеева. Имъ былъ обруганъ позорнѣйшими словами полковникъ Линдъ, который сейчасъ же застрѣлился. Объ этомъ дошло до государя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и другіе его подвиги, достойные капрала; на этотъ разъ Павелъ внялъ общему воплю и разстался со своимъ любимцемъ. Въ своемъ изгнаніи Аракчеевъ получилъ утѣшеніе «отъ вѣрнаго друга»... Александра Павловича. «Прощай другъ мой, — писалъ онъ въ концѣ своего нѣжнаго посланія, — не забудь меня и пиши ко мнѣ, чѣмъ ты меня крайне одолжишь. Такъ же поболѣе смотри за своимъ здоровьемъ, которое, я надѣюсь, поправится; по крайней мѣрѣ, желаю онаго

отъ всего сердца и остаюсь навѣкъ твой вѣрный другъ».

Весной государь снова путешествовалъ по Россіи, и заѣзжалъ въ Москву. Этой поѣздкой воспользовались Ростопчинъ, Кутайсовъ и другіе, чтобы свергнуть партію и величіе Маріи Ѳеодоровны и Нелидовой и захватить Павла въ свои руки. Императрица должна была остаться въ Петербургѣ, и ея отсутствіе принесло не мало вреда.

Увлеченный радостнымъ пріемомъ въ Москвѣ, Павелъ сказалъ Кутайсову: — Какъ отрадно было сегодня моему сердцу. Московскій народъ любитъ меня болѣе, чѣмъ петербургскій; мнѣ кажется, что тамъ меня гораздо болѣе боятся, чѣмъ любятъ.

— Это меня не удивляетъ, — вставилъ ловкій царедворецъ.

— Почему же?

— Не смѣю выразиться яснѣе.

— Я приказываю.

— Обѣщайте мнѣ, государь, не передавать ни императрицѣ, ни фрейлинѣ Нелидовой.

— Обѣщаю!

— Государь, дѣло въ томъ, что здѣсь васъ видятъ таковымъ, каковы вы въ дѣйствительности добрымъ, великодушнымъ и чувствительнымъ, между тѣмъ какъ въ Петербургѣ, если вы оказываете какую-нибудь милость, то говорятъ, что у васъ ее выпросили или императрица, или фрейлина Нелидова, или же Куракины. Такимъ образомъ оказывается, что когда вы дѣлаете добро, то его дѣлаютъ они; если же вы караете, то это исходитъ отъ васъ.

— Но... ты правъ... стало быть, говорятъ, что я даю управлять собою этимъ двумъ женщинамъ?

— Такъ точно, государь.

— Ну, мои дамы, я покажу вамъ, какъ мною управлять!

Здѣсь же въ Москвѣ Павелъ встрѣтилъ Лопухину, которая произвела и раньше на него впечатлѣніе; теперь же она неотлучно слѣдовала за нимъ и не спускала съ него глазъ; одинъ изъ присутствовавшихъ сказалъ государю: «Она, ваше величество, изъ-за васъ голову потеряла». Семья Лопухиныхъ была приглашена въ Петербургъ, и въ этихъ переговорахъ участвовалъ также Кутайсовъ. Императоръ не раньше уѣхалъ изъ Москвы, пока не узналъ, что его предложеніе принято. Счастливый, онъ поѣхалъ во Владиміръ, Нижній-Новгородъ, Казань и Ярославль.

Истинное настроеніе императора Павла и значеніе лопухинской интриги не сразу обнаружились; государь до поры до времени скрывалъ свои тайныя намѣренія. Гроза разразилась только послѣ переѣзда двора 9-го іюля въ Петергофъ.

Закулисные интриганы чувствовали, что ихъ коалиція можетъ держаться и привести къ желанной цѣли лишь въ томъ случаѣ, если должности генералъ-прокурора и петербургскаго военнаго губернатора будутъ въ ихъ рукахъ.

Этотъ планъ, какъ его ни скрывали, однако, не могъ ускользнуть отъ проницательности многихъ заинтересованныхъ лицъ; наконецъ, внезапное повелѣніе Лопухину, который былъ сенаторомъ въ Москвѣ, прибыть въ Петербургъ ясно указывало на быстрое развитіе плана. При этомъ государыня сдѣлала неосторожный шагъ, который совершенно отдалилъ ее отъ Павла. Узнавъ, что Анна Петровна Лопухина пріѣдетъ въ Петербургъ, она написала ей угрожающее письмо, чтобы воспрепятствовать этому. Письмо это пришлось тайнымъ интриганамъ какъ разъ на руку. Оно было доставлено Павлу, который пришелъ въ неописуемый гнѣвъ. Онъ наговорилъ

императрицѣ невѣроятныхъ вещей, а когда хотѣла оправдываться Нелидова, то и ея не пощадили.

Всѣ эти интриги отразились самымъ плачевнымъ образомъ на состояніи духа императора Павла и вызвали полнѣйшій семейный разладъ; для государя лично подобная обстановка создавала неисчислимыя душевныя муки.

Роковой шагъ въ новомъ направленіи Павелъ сдѣлалъ 28-го іюля 1798 года. Въ этотъ день баронъ фонъ-деръ-Паленъ назначенъ былъ петербургскимъ военнымъ губернаторомъ.

1-го августа сенаторъ Петръ Васильевичъ Лопухинъ въ первый разъ обѣдалъ при дворѣ въ Петергофѣ, а затѣмъ, 8-го августа, когда дворъ находился въ Павловскѣ, послѣдовало назначеніе его генералъ-прокуроромъ. Анна Петровна была пожалована въ камеръ-фрейлины. Съ этой минуты на Лопухина посыпались разнообразныя награды и отличія съ неимовѣрною, сказочною быстротою.

Нелидова поняла, что ей невозможно бороться съ молодою соперницею; не желая сохранять при дворѣ положеніе второстепенное и умаленное, она предпочла удалиться... Паденіе Нелидовой было столь же важнымъ событіемъ, какимъ является перемѣна министерства; оно повлекло за собою смѣщеніе всѣхъ близкихъ къ ней людей или же державшихся, благодаря ея вліянію. Недруги Нелидовой могли торжествовать, нисколько не подозрѣвая, къ какому роковому исходу приведетъ все случившееся въ 1798 году... Двери всевозможнымъ новымъ интригамъ широко раскрылись, и стоявшіе въ нихъ царедворцы принялись усердно топить другъ друга. Среди этой толпы, счастливой исчезновеніемъ Нелидовой, одинъ баронъ Паленъ зналъ, чего онъ хотѣлъ, зналъ, къ чему онъ стремился; остальные, обуреваемые своими

мелкими эгоистическими расчетами, не вѣдали даже, что творятъ.

II.

Съ новымъ періодомъ царствованія Павла неминуемо слѣдовали и новыя вѣянія во внѣшней политикѣ Россіи, которыя совершенно утратили свой миролюбивый характеръ. Къ тому же международныя отношенія усложнялись фантасмагоріей Мальтійскаго магистерства.

Генералъ Бонапартъ захватилъ островъ Мальту. Павелъ былъ возмущенъ этимъ поступкомъ и 29-го ноября 1798 года принялъ на себя достоинство великаго магистра державнаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго. Этотъ титулъ былъ присоединенъ даже къ императорскому. Дипломаты не сразу оцѣнили послѣдствія, связанныя съ этимъ событіемъ.

Если принятіе русскимъ императоромъ званія великаго магистра ордена, утратившаго всякое политическое значеніе, могло удивить Европу, то она не менѣе удивлена была еще другимъ небывалымъ дотолѣ событіемъ: 23-го декабря 1798 года заключенъ былъ Россіею союзный и оборонительный договоръ съ Турціею. Черноморскій флотъ вступилъ въ Босфоръ и проходилъ подъ стѣнами сераля въ качествѣ союзника падишаха. Такъ къ европейской коалиціи, образовавшейся противъ республиканской Франціи, присоединилась Турція, чтобы совмѣстными силами покарать державу, въ которой, какъ выразился императоръ Павелъ, «развратныя правила и буйственное воспаленіе разсудка» попрали законъ Божій и повиновеніе установленнымъ властямъ.

4-го февраля 1799 года императоръ Павелъ писалъ Суворову:

«Сейчасъ получилъ я, графъ Александръ Васильевичъ, извѣстіе о настоятельномъ желаніи вѣнскаго двора, чтобы вы предводительствовали арміями его въ Италіи, куда и мои корпусы Розенберга и Германа идутъ. Итакъ, посему и при теперешнихъ обстоятельствахъ долгомъ почитаю не отъ своего только лица, но отъ лица и другихъ, предложить вамъ взять дѣло и команду на себя и прибыть сюда для отъѣзда въ Вѣну».

Въ концѣ февраля Суворовъ выѣхалъ уже изъ Петербурга въ Вѣну.

Не оправдала ожиданій Павла лишь Пруссія. Она упорно держала нейтралитетъ и не выступала противъ Франціи. «Уступая ея внушеніямъ, Павелъ, -говоритъ Лобановъ, даже почти рѣшился вступить въ переговоры съ Французскою республикою, но настойчивыя представленія кабинетовъ лондонскаго и вѣнскаго, ходатайство и убѣжденія французскихъ эмигрантовъ, которымъ императоръ оказалъ великодушное гостепріимство, быстрое распространеніе революціонныхъ идей, угрожавшее спокойствію всѣхъ европейскихъ монархій и, наконецъ, личный горячій и неудержимый характеръ Павла придали его дѣйствіямъ совершенно противоположное направленіе. Онъ вообразилъ, что призваніе его состоитъ въ томъ, чтобы возстановить все то, что было разрушено французскою революціею, и возвести низверженныхъ ею вѣнценосцевъ опять на ихъ престолы.

«18-го декабря 1798 года былъ заключенъ союзъ между Россіей и Англіей. Обѣ державы взаимно обязывались употребить все свое вліяніе на то, чтобы убѣдить Пруссію возстать вмѣстѣ съ ними противъ Французской республики».

Упорство прусскаго кабинета, однако, продолжалось и почти до бѣшенства раздражало Павла. Все

это принимало особое значеніе, благодаря неустойчивости убѣжденій Павла.

Датскій посланникъ жалуется, что трудно имѣть успѣхъ при дворѣ, при которомъ слѣпой случай, прихоть государя дѣлаютъ невозможнымъ что-либо разсчитать, что-либо предвидѣть и подвергаютъ насъ самымъ непріятнымъ случайностямъ. Тѣ же мысли высказываетъ Тугутъ въ своей перепискѣ. Въ началѣ 1800 года онъ пишетъ, что нельзя придавать большого значенія минутной дружбѣ, которая на другой день, можетъ быть, измѣнится въ ярость.

Наконецъ, самъ графъ Ростопчинъ произнесъ впослѣдствіи рѣшительный приговоръ надъ ненормальными порядками разсматриваемой эпохи и сознавался, что никакая политическая система не была мыслима при государѣ, «который все хотѣлъ дѣлать самъ, который требовалъ, чтобы повелѣнія его исполнялись немедленно, и не допускалъ никакого противорѣчія своей волѣ. Приходилось наблюдать крайнюю осторожность, ловить благопріятныя мгновенія и пользоваться добрымъ расположеніемъ его духа, чтобы достигнуть отмѣны отданнаго приказанія, разубѣдить его въ чемъ-либо и склонить его къ мнѣнію, которое казалось мнѣ тогда лучшимъ».

Все это какъ нельзя лучше доказалось скоро на дѣлѣ. Очень быстро политика рѣзко перемѣнилась. Коалиція, вызванная съ такимъ трудомъ къ жизни, распалась; готовился полный разрывъ союза Россіи съ Австріей и съ Англіей. Къ довершенію же общаго недоумѣнія замѣчались признаки предстоявшаго въ близкомъ будущемъ сближенія Россіи съ Франціею.

Взгляды Павла лучше всего видны изъ письма датскаго посланника Розенкранца, который писалъ: «Государь сказалъ, что политика его остается неизмѣнною и связана съ справедливостью тамъ, гдѣ

его величество полагаетъ видѣть справедливость; долгое время онъ былъ того мнѣнія, что она находится на сторонѣ противниковъ Франціи, правительство которой угрожало всѣмъ державамъ; теперь же въ этой странѣ въ скоромъ времени водворится король, если не по имени, то, по крайней мѣрѣ, по существу, что измѣняетъ положеніе дѣла; онъ бросилъ сторонниковъ этой партіи, партіи австрійской, когда обнаружилось, что справедливость не на ея сторонѣ; то же самое онъ испытывалъ относительно англичанъ; онъ склоняется единственно въ сторону справедливости, а не къ тому или къ другому правительству, къ той или къ другой націи, и тѣ, которые иначе судятъ о его политикѣ, положительно ошибаются».

Но прежде всего поперекъ всякой разумной политики стояла Мальта. Этотъ злополучный островъ внезапно пріобрѣлъ для Россіи такое значеніе, что всякая держава, которая осмѣлилась бы присвоить себѣ орденское достояніе, въ ущербъ правамъ новаго великаго магистра, могла расчитывать на непримиримую вражду со стороны императора Павла.

Когда Англія заняла Мальту, то во всѣхъ портахъ было наложено амбарго на англійскіе суда и товары. Вмѣстѣ съ этимъ Ростопчину было поручено изложить мысли о политическомъ состояніи Европы. Ростопчинъ немедленно исполнилъ волю государя и представилъ меморіалъ, не полагая нимало, какъ пишетъ графъ, что онъ произведетъ столь важную перемѣну въ политикѣ и будетъ служить основаніемъ новой системѣ. Продержавъ записку два дня, императоръ возвратилъ ее Ростопчину со слѣдующею высочайшею конфирмаціей отъ 2-го октября 1800 года: «Апробую планъ вашъ во всемъ, желаю, чтобы

вы приступили къ исполненію онаго: дай Богъ, чтобъ по сему было».

Сущность записки графа Ростопчина заключалась въ предложеніи тѣснаго союза съ представителемъ мятежной, но теперь успокоенной Франціи и связаннаго съ нимъ раздѣла Турціи, которую онъ признавалъ безнадежнымъ больнымъ, коему медики не хотятъ объявить о грозящей ему опасности. Центромъ сего плана долженъ былъ быть Бонапартъ. Онъ увидитъ, какъ сказано въ меморіалѣ, и найдетъ въ предпринимаемомъ раздѣлѣ вѣрнѣйшій способъ къ уничтоженію Великобританіи и утвержденію при общемъ мирѣ всѣхъ завоеваній, Франціей сдѣланныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Ростопчинъ полагалъ привлечь къ раздѣлу Оттоманской Порты Австрію и Пруссію. Россіи онъ удѣляетъ Романію, Болгарію и Молдавію, а по времени греки и сами подойдутъ подъ скипетръ россійскій. Послѣдняя мысль, повидимому, понравилась Павлу и побудила его написать: «А можно и подвесть». Объ Англіи и Австріи Ростопчинъ отзывается крайне несочувственно. Объ Англіи сказано между прочимъ, что она «своею завистью, пронырствомъ и богатствомъ была, есть и пребудетъ не соперница, но злодѣй Франціи»; по поводу этого разсужденія императоръ начерталъ: «Мастерски писано». Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Ростопчинъ жалуется на Англію за то, что она «вооружила попеременно угрозами, хитростью и деньгами всѣхъ державъ противъ Франціи», Павелъ прибавилъ: «и насъ, грѣшныхъ». Объ Австріи сказано, что и она «подала столь справедливыя причины къ негодованію» Павла и «потеряла изъ виду новѣйшую цѣль своей политики»; къ этому государь, съ своей стороны, присовокупилъ: «Чего захотѣлъ отъ слѣпой курицы». Когда же, входя въ подробности раздѣла Турціи, Ростопчинъ предлагалъ

дать Австріи Боснію, Сербію и Валахію, Павелъ написалъ: «Не много-ль?». Пруссію предполагалось вознаградить присоединеніемъ земель въ сѣверной Германіи.

Въ этой запискѣ нѣтъ и помина рыцарскихъ наклонностей императора, а замѣтно возвращеніе къ политическимъ преданіямъ Екатерининскаго царствованія. Скоро Франція и Россія обмѣнялись уполномоченными, а Павелъ писалъ Бонапарту: «Я не говорю и не хочу спорить ни о правахъ человѣка, ни объ основныхъ началахъ, установленныхъ въ каждой странѣ. Постараемся возвратить міру спокойствіе и тишину, въ которыхъ онъ такъ нуждается».

Но и въ дѣлѣ франко-русскаго соглашенія Павелъ не обошелся безъ фантастическихъ увлеченій— онъ задумалъ походъ въ Индію.

12 января 1801 года онъ писалъ атаману войска Донского слѣдующее: «Поручаю всю сію экспедицію вамъ и войску вашему, Василій Петровичъ. Соберитесь вы со онымъ и вступите въ походъ къ Оренбургу, откуда любою изъ трехъ дорогъ или всѣми пойдите, и съ артиллеріею, прямо черезъ Бухарію и Хиву на рѣку Индусъ и на заведенія англійскія, по ней лежащія. Войска того края, изъ таковаго же рода, какъ ваше, и такъ, имѣя артиллерію, вы имѣете полный авантажъ. Приготовьте все къ походу. Пошлите своихъ лазутчиковъ приготовить или осмотрѣть дороги; все богатство Индіи будетъ намъ за сію экспедицію наградою. Таковое предпріятіе увѣнчаетъ васъ всѣхъ славою, заслужитъ, по мѣрѣ заслуги, мое особое благоволеніе, пріобрѣтетъ богатство и торговлю и поразитъ непріятеля въ его сердцѣ. Здѣсь прилагаю карты, сколько у меня ихъ есть. Богъ васъ благослови. Карты мои идутъ только до Хивы и до Амурьи-

рѣки, а дальше ваше уже дѣло достать свѣдѣнія до заведеній англійскихъ и до народовъ индѣйскихъ, имъ подвластныхъ».

Походъ этотъ можно назвать прямо безумнымъ. Казаки, по выступленіи съ Дона, въ концѣ февраля, при движеніи по степямъ, испытывали страшныя лишенія. Морозы, метели и крайне дурное состояніе дорогъ затрудняли движеніе и нарушали правильность слѣдованія эшелоновъ; артиллерія едва двигалась. А вслѣдствіе ранняго вскрытія рѣкъ приходилось измѣнять маршрутъ, почему казаки по нѣсколько дней не получали продовольствія и фуража. Нѣкоторые командиры вынуждены были бросать лошадей. Въ мартѣ мѣсяцѣ Волга стала вскрываться, и ледъ не выдерживалъ. Часть полка Денисова провалилась и едва была спасена при помощи 300 человѣкъ крестьянъ. Тѣмъ не менѣе, несмотря на страшныя препятствія, встрѣченныя казаками при слѣдованіи, полкамъ удалось благополучно совершить переправу черезъ Волгу 18-го марта; генералъ Орловъ донесъ въ Петербургъ о переправѣ всѣхъ эшелоновъ и о дальнѣйшемъ ихъ слѣдованіи вверхъ по р. Иргизу, но вмѣстѣ съ тѣмъ сообщилъ и слѣдующее: «Изъ числа войска, въ походѣ слѣдующаго, одни, имѣя деньги, издерживали оныя на продовольствіе; другіе, заимствуя другъ у друга, задолжались; прочіе, не имѣя денегъ и не могши занять, удѣляли продовольствіе подъемныхъ отъ строевыхъ, чѣмъ однихъ привели въ усталь, а другихъ и вовсе лишились упалыми и брошенными. Таковыхъ число немалое».

Изъ приведенныхъ здѣсь краткихъ указаній видно, что экспедиція была задумана сразу, безъ предварительныхъ сношеній съ азіатскими владѣтелями, безъ собранія необходимыхъ свѣдѣній о средствахъ тѣхъ странъ, чрезъ которыя должны были слѣдо-

9*

вать казаки, безъ заготовленія продовольствія, обоза, лазаретовъ и даже безъ маршрутовъ. Если экспедиціонному отряду пришлось преодолѣть неимовѣрныя трудности при движеніи по собственной землѣ, то легко себѣ представить плачевную участь, ожидавшую несчастныхъ донцовъ, въ особенности за Оренбургомъ.

Если политическая система Россійской имперіи подверглась въ короткое время безпрерывнымъ колебаніямъ, то не меньше перемѣнъ и прямо преслѣдованій испытали отдѣльныя лица. Среди нихъ выдающимися является смѣщеніе графа Панина и преслѣдованіе Лагарпа. Послѣдній за участіе въ швейцарскомъ правительствѣ во время заграничнаго похода русскихъ войскъ былъ лишенъ русскихъ орденовъ и пенсіи. Не довольствуясь этимъ, Павелъ повелѣлъ еще Римскому-Корсакову схватить Лагарпа въ Швейцаріи и прислать въ Петербургъ для отправленія въ Сибирь.

Лагарпъ, несмотря на все это, продолжалъ попрежнему находить въ Павлѣ много хорошихъ свойствъ, удивлялся, какимъ образомъ такой государь могъ имѣть столько враговъ (!) и даже писалъ ему письмо, прося возвратить ему пенсію.

Письмо Лагарпа не застало Павла въ живыхъ.

Глава четырнадцатая.

I.

Положеніе внутреннихъ дѣлъ въ Россіи вполнѣ соотвѣтствовало запутанности внѣшнихъ сношеній имперіи въ эту эпоху; непослѣдовательность и

страстные порывы неограниченно господствовали и здѣсь, сопровождаемые иногда необъяснимыми распоряженіями.

Приведемъ здѣсь нѣсколько примѣровъ для иллюстраціи сказаннаго.

2-го марта 1798 года Новороссійскій губернаторъ получилъ слѣдующее секретное предписаніе:

«Извѣстно государю императору, что тѣло покойнаго князя Потемкина еще не предано землѣ, а держится на поверхности, въ особо сдѣланномъ подъ церковью погребу, и отъ людей бываетъ посѣщаемо, а потому, находя сіе непристойнымъ, высочайше соизволяетъ, дабы все тѣло, безъ дальнѣйшей огласки, въ самомъ же томъ погребу погребено было въ особо вырытую яму, а погребъ засыпанъ землею и изглаженъ такъ, какъ бы его никогда не бывало».

Повелѣніе, сообщенное княземъ Куракинымъ, было въ точности исполнено на мѣстѣ ночью 28-го апрѣля.

18-го апрѣля 1800 года послѣдовалъ указъ сенату: «Такъ какъ чрезъ вывозимыя изъ-за границы разныя книги наносится развратъ вѣры, гражданскаго закона и благонравія, то отнынѣ, впредь до указа, повелѣваемъ запретить впускъ изъ-за границы всякаго рода книгъ, на какомъ бы языкѣ оныя ни были, безъ изъятія, въ государство наше, равномѣрно и музыку».

Подобный драконовскій законъ вызванъ былъ убѣжденіемъ императора Павла, что «развратныя правила и буйственное воспаленіе разсудка», разсѣянныя въ нѣкоторой части Европы, попрали «законъ Божій и повиновеніе установленнымъ властямъ».

Насколько эти тиски были излишни и насколько были тяжелы, видно изъ того, что даже Карамзинъ, какъ извѣстно, не отличавшійся радикальностью

взглядовъ, жаловался на цензурный гнетъ и принужденъ былъ совершенно прекратить литературную дѣятельность. «Если бы экономическія обстоятельства,—пишетъ онъ,—не заставили меня имѣть дѣло съ типографіею, то я, положивъ руку на алтарь музъ и заплакавъ горько, поклялся бы не служить имъ болѣе ни сочиненіями, ни переводами. Странное дѣло, у насъ есть академія, университетъ, а литература подъ лавкою... Я, какъ авторъ, могу исчезнуть заживо... вѣроятно, что цензоры при новыхъ изданіяхъ захотятъ вымарывать и поправлять, и такимъ образомъ черезъ годъ не останется въ продажѣ, можетъ быть, ни одного изъ моихъ сочиненій. Умирая авторски, восклицаю: да здравствуетъ россійская литература».

Другой писатель эпохи—Коцебу, стоявшій въ рядахъ бюрократіи и всей душой преданный Павлу, пишетъ про свое существованіе и литературное занятіе то, что едва ли повторялось когда-нибудь у насъ въ Россіи, даже при полномъ торжествѣ самодержавія.

«Въ странѣ водворился терроръ. Каждый вечеръ я ложился съ мрачными предчувствіями; ночью внезапно просыпался и вскакивалъ въ смертельномъ ужасѣ при малѣйшемъ шумѣ, при стукѣ всякой проѣзжавшей по улицѣ кареты. Каждое утро первой заботой было избѣгнуть возможныхъ бѣдствій въ теченіе дня. Выходя изъ дому, я еще издали искалъ глазами государя, чтобъ во-время выйти изъ экипажа; я наблюдалъ съ большимъ безпокойствомъ за цвѣтомъ моей одежды, ея покроемъ и отдѣлкою; я былъ принужденъ оказывать вниманіе женщинамъ сомнительной репутаціи и мужчинамъ ограниченнаго ума; я сносилъ дерзости мужа госпожи Шевалье, невѣжественнаго балетъ-мейстера; при каждомъ представленіи моей піесы, дрожа всѣмъ тѣ-

ломъ, я ожидалъ, что постоянно зоркая и бдительная полиція или тайная экспедиція откроютъ въ ней что-либо подозрительное или оскорбительное. Каждый разъ, когда моя жена отправлялась гулять съ дѣтьми и не возвращалась долѣе обыкновеннаго, я дрожалъ, опасаясь, что она слишкомъ поздно вышла изъ экипажа при встрѣчѣ съ государемъ и была отправлена за это въ общую тюрьму, какъ это сдѣлали съ женою содержателя гостиницы г. Демута. Я рѣдко сталъ повѣрять мои горести какому-нибудь другу, потому что стѣны слушали и братъ не могъ положиться на брата. Я не имѣлъ возможности достать себѣ книгъ, чтобы чтеніемъ развлечься въ такое смутное и бѣдственное время почти всѣ книги были запрещены. Я долженъ былъ отказаться отъ употребленія пера, потому что возможно ли было что-либо довѣрить бумагѣ, которую во всякій часъ могли у меня отобрать. Я подвергалъ опасности свое здоровье всякій разъ, когда долженъ былъ по дѣламъ своимъ проѣзжать мимо дворца, такъ какъ во всякое время года, несмотря ни на какую погоду, всѣ обязаны были снимать шляпу, приближаясь къ этой грудѣ камней и удаляясь отъ нея. Самая невинная прогулка обращалась въ мученіе, потому что почти всегда можно было встрѣтить несчастныхъ, которыхъ вели или въ тюрьму, или для наказанія кнутомъ. Ссылаюсь на всѣхъ жителей Петербурга, если изображенная мною картина покажется слишкомъ мрачною. О, если бы государь, искренно желавшій счастія своихъ подданныхъ, зналъ бы все это».

Учрежденная во всѣхъ портахъ цензура, «чтобы на корабляхъ отвозимыя сочиненія, какъ газеты, такъ и другія, не были пропускаемы безъ прочтенія цензорами и согласія оныхъ», стала совершенно излишняя, такъ какъ приведенный выше указъ о

совершенномъ запрещеніи ввоза печати въ Россію освобождалъ цензоровъ отъ всякаго труда.

Но зато цензура свирѣпствовала внутри имперіи. Тогда же изданъ указъ, въ силу котораго всякій кто «получаетъ газету какую бы то ни было или иное періодическое сочиненіе посредствомъ вояжировъ, курьеровъ или же почты и оное передаетъ изъ рукъ въ другія, не представляя предварительно оныя цензорамъ, то подвергаетъ себя неминуемо суду, какъ ослушниковъ законовъ».

Указъ слѣдовалъ за указомъ, едва ли не ежедневно; наконецъ, 17-го апрѣля 1800 года запрещено было всѣмъ цензорамъ что-либо печатать безъ разрѣшенія петербургской цензуры, верховнымъ цензоромъ которой былъ самъ Павелъ, на разрѣшеніе котораго доходили всѣ сомнительные вопросы.

Послѣ ужасовъ Шешковскаго, заточенія Новикова, ссылки Радищева, инквизиціонныхъ костровъ, въ огнѣ которыхъ сгорѣли десятки тысячъ экземпляровъ, трудно было какъ-нибудь удивить современниковъ Павла, но онъ успѣлъ и въ этомъ. Окончательное огражденіе Россіи отъ Европы китайскою стѣною въ видѣ запрещенія ввоза даже нотъ и безчинія цензуры внутри государства—дѣйствительно является геркулесовыми столпами, дальше которыхъ реакція и безуміе не могли итти.

Преслѣдовались не только идеи, мысли, но прямо отдѣльныя слова. Указомъ 1797 года были запрещены и замѣнены слѣдующія слова: повелѣно вмѣсто о б о з р ѣ н і я употреблять о с м о т р ѣ н і е, вмѣсто в р а ч ъ—л ѣ к а р ь, вмѣсто в ы п о л н е н і е—и с п о л н е н і е, вмѣсто п о с о б і е—п о м о щ ь, вмѣсто п р е с л ѣ д о в а н і е—п о с л а н н ы й въ п о г о н ю, вмѣсто с е р ж а н т ъ—у н т е р ъ - о ф и ц е р ъ, хотя и прежде отставленъ, вмѣсто г р а ж д а н е -ж и-

тели или обыватели, вмѣсто отечество—государство, вмѣсто приверженность—привязанность или усердіе, вмѣсто стража—караулъ, вмѣсто степень классъ, вмѣсто отрядъ—департаментъ или команда. Слово же общество было запрещено совсѣмъ употреблять безъ замѣны его какимъ-либо синонимомъ. Въ подобномъ отрицаніи самаго понятія общество какъ нельзя болѣе характерично выразился духъ того времени.

Какое создалось положеніе не только для писателей, но и для цензоровъ, живо рисуетъ намъ Коцебу.

«Невозможно составить,—пишетъ онъ,—себѣ понятія о той невѣроятной строгости, съ которой я самъ долженъ былъ цензуровать пьесы. Довольно привести нѣсколько примѣровъ, чтобы показать, какое сильное отвращеніе я долженъ былъ испытать къ возложенной на меня обязанности.

«Слово республика не должно было встрѣчаться въ моей драмѣ «Октавія». Антоній не смѣлъ говорить—умираю свободнымъ римляниномъ. Въ комедіи «Эпиграмма» должно было изъ императора Японіи сдѣлать простого владѣльца этого острова. Равнымъ образомъ необходимо было исключить вредную мысль, что икра получается изъ Россіи и что Россія страна отдаленная. Не позволялось камергеру полагать, что онъ хорошій патріотъ, потому что не соглашался вступить въ бракъ съ иностранкою. Слово крѣпость замѣнялось словомъ тюрьма, слово царедворецъ—словомъ льстецъ, что, конечно, не очень лестно для царедворцевъ.

«Въ пьесѣ «Аббатъ Эпе» не позволено было, чтобы въ Тулузѣ обитали граждане. Франваль не смѣлъ говорить: горе моей роднинѣ; онъ долженъ былъ

сказать: горе моей странѣ, потому что особымъ указомъ воспрещалось русскимъ имѣть родину. Въ пьесѣ подъ заглавіемъ «Секретарь» необходимо было совершенно исключить всю роль заговорщика.

«Хотя я привелъ только отдѣльные примѣры, взятые наудачу, чтобы не входить въ слишкомъ большія подробности, но они даютъ достаточно понятія о крайней строгости, которую цензоръ вопреки своему желанію долженъ былъ соблюдать при исполненіи своей обязанности. Сколько разъ прежде я потѣшался глупостью цензора въ Ригѣ (Туманскаго), совершенно тупого человѣка, который, напримѣръ, въ моей пьесѣ «Примиреніе» вычеркнулъ слѣдующія слова сапожника: Я отправлюсь въ Россію; говорятъ, тамъ холоднѣе здѣшняго (онъ сгоралъ безнадежною любовью), и замѣнилъ ихъ слѣдующими: Я уѣзжаю въ Россію, тамъ только одни честные люди. Я не предполагалъ тогда, что въ Петербургѣ будутъ когда-либо изъ страха дѣлать то же самое, что Туманскій по глупости дѣлалъ въ Ригѣ.

«Я былъ поставленъ въ немалое затрудненіе, если бъ государь, по какому-нибудь случаю обративъ вниманіе на подобныя исключенія и передѣлки, спросилъ насъ, на какомъ основаніи это сдѣлано? Напримѣръ, изъ «Октавіи» были исключены между прочимъ два мѣста. Въ одномъ изъ нихъ говорилось, что властелинъ награждаетъ повара за отмѣнно вкусное блюдо домомъ, который ему даже не принадлежитъ.—Развѣ я когда-либо сдѣлалъ что-нибудь подобное? могъ спросить императоръ, а если не дѣлалъ, то почему же сочли вы это мѣсто для меня оскорбительнымъ?.. Въ другомъ мѣстѣ Цезарь говорилъ, что Антоній, какъ всѣмъ извѣстно, находился подъ вліяніемъ и господствомъ разныхъ

любимцевъ и камеръ-юнгферъ, а если вы этого не предполагаете, то зачѣмъ же вычеркнули эти слова.

«Эти два примѣра,—а я могъ привести ихъ тысячу,—показываютъ, до чего должность цензора была опасна для лица, исполнявшаго эту обязанность, и до чего цензура была стѣснительна для меня, подвергавшагося ей постоянно. Въ такомъ положеніи были всѣ хотя сколько-нибудь причастные къ литературѣ и печати».

Наконецъ апоѳеозомъ всего можетъ служить приказъ отъ 8-го февраля 1800 года, которымъ объявленъ былъ въ примѣръ другимъ строжайшій выговоръ уже умершему генералу Врангелю. Этотъ приказъ выдерживаетъ сравненіе только съ приказомъ Петра III, предписавшаго, чтобы всѣ больные матросы вылечились.

Суворовская кампанія не убѣдила Павла въ негодности гатчинскихъ порядковъ въ арміи; а онъ хорошо зналъ, что во всю кампанію солдаты штиблетъ не надѣвали, а унтеръ-офицерскія алебарды всѣ изрублены были на дрова во время перехода черезъ Альпійскія горы. Однажды Павелъ сказалъ, что «готовъ сдѣлать всякую перемѣну въ одѣяніи, ибо удобность познается опытомъ», и поручилъ Константину Павловичу составить новый образецъ амуниціи. Когда тотъ исполнилъ и представилъ нѣсколько солдатъ въ новой формѣ, то Павелъ съ гнѣвомъ крикнулъ: «Я вижу, что ты хочешь ввести потемкинскую одежду въ мою армію, чтобы они шли изъ глазъ моихъ долой». «Великій князь увидѣлъ, но поздно, пишетъ графъ Комаровскій, что государь хотѣлъ только вывѣдать его мысли насчетъ формы, имъ введенной, а вовсе не перемѣнить

оную. Съ тѣхъ поръ началась холодность къ великому князю и ко всѣмъ бывшимъ при немъ, а потомъ гоненія на участвовавшихъ въ итальянской кампаніи».

Нелегко жилось въ Россіи современникамъ событій 1800 года; даже выходъ на улицу невсегда представлялся дѣломъ безопаснымъ.

Настроеніе умовъ было вообще печальное и удрученное. Екатерина сказала въ 1788 году о Швеціи, что тамъ упражнялись въ тихомъ роптаніи. То же было и въ Россіи въ 1800 году. «Всѣ смотрятъ, видятъ, слушаютъ и таятъ злобу, опасаясь казней, страшась Сибири». Въ воздухѣ чувствовалось что-то необъяснимое, отразившееся даже въ мысляхъ императрицы Маріи Ѳеодоровны. 4-го ноября 1800 года она писала Е. И. Нелидовой:

«Я не знаю, дорогая Нелидова, но я нахожу все какъ-то печальнымъ; быть можетъ, это отъ недостатка солнца».

Однако это было потому, что осязательно для всѣхъ началъ разыгрываться заключительный актъ драмы. Она закончилась трагическимъ столкновеніемъ сына съ отцомъ.

II.

Къ довершенію изумленія не только Россіи, но и всей Европы, Павелъ придумалъ совершенно исключительную выходку—онъ задумалъ вызвать европейскихъ государей на поединокъ и тѣмъ рѣшить международные споры и неудовольствія.

Вотъ какъ объ этомъ инцидентѣ разсказываетъ Коцебу. Возвращенный изъ Сибири, онъ былъ потребованъ во дворецъ. «Когда я пріѣхалъ, графъ

Паленъ сказалъ мнѣ съ улыбкой, что императоръ рѣшился разослать вызовъ или приглашеніе на турниръ ко всѣмъ государямъ Европы и ихъ министрамъ, и что онъ избралъ меня для того, чтобы изложить этотъ вызовъ и помѣстить его во всѣхъ газетахъ. Это странное сочиненіе должно было носиѣть въ часъ времени, и мнѣ предписывалось лично представить его императору». Однако сочиненіе Коцебу не понравилось Павлу, и онъ собственноручно написалъ слѣдующій вызовъ: «насъ извѣщаютъ изъ Петербурга, что русскій императоръ, видя, что европейскія державы не могутъ согласиться между собою, и желая положить конецъ войнѣ, уже одиннадцать лѣтъ терзавшей Европу, намѣренъ предложить мѣсто, въ которое онъ пригласитъ всѣхъ прочихъ государей прибыть и сразиться между собою на поединкѣ, имѣя при себѣ, въ качествѣ приспѣшниковъ, судей поединка и герольдовъ самыхъ просвѣщенныхъ своихъ министровъ и искуснѣйшихъ генераловъ, какъ-то: гг. Тугута, Питта, Бернсторфа; при чемъ онъ самъ намѣренъ взять съ собою генераловъ Палена и Кутузова; не знаютъ, вѣрить ли этому; однако же извѣстіе это, повидимому, не лишено основанія, ибо носитъ отпечатокъ тѣхъ свойствъ, которыя часто ему приписывали». Этотъ текстъ Павелъ передалъ Коцебу со словами: «Вы слишкомъ хорошо знаете свѣтъ, чтобы не слѣдить за текущими политическими событіями; вы должны знать, какую я игралъ въ нихъ роль. При этомъ я часто поступалъ глупо,— продолжалъ онъ, смѣясь: — справедливость требуетъ, чтобы я за то былъ наказанъ, и въ этихъ видахъ я самъ наложилъ на себя покаяніе. Я желаю, чтобы это,—указывая на бумагу, которую онъ держалъ въ рукахъ, было помѣщено въ «Гамбургской Газетѣ» и въ другихъ газетахъ».

Въ февралѣ 1801 года появилась статья и въ русскихъ газетахъ, которая отражала въ себѣ всю нелѣпость и баснословность поступка императора Павла.

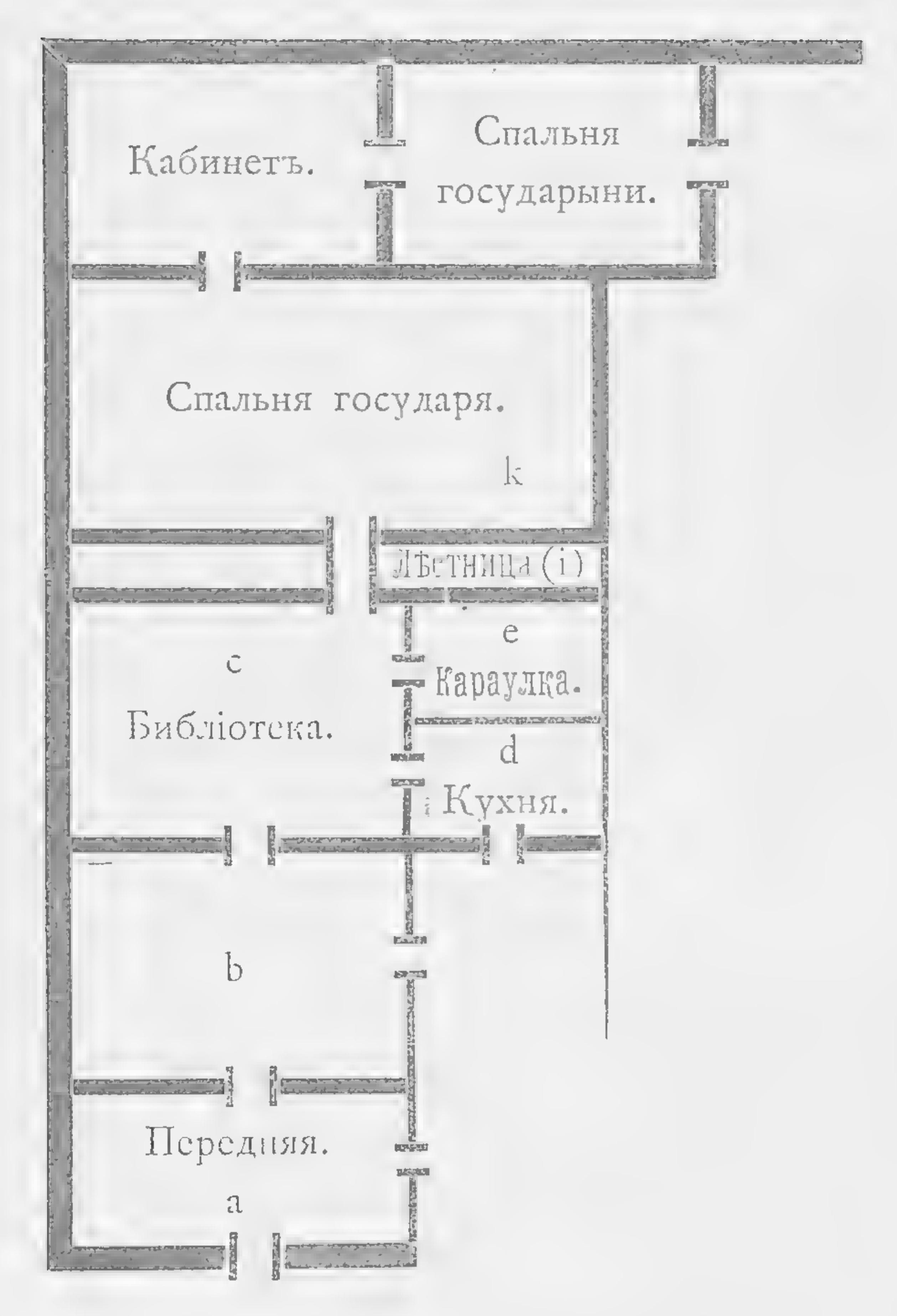
Тому же Коцебу поручено было описаніе знаменитаго Михайловскаго замка, освященіе котораго было 8-го ноября 1800 года. Мы не будемъ приводить цѣликомъ этого описанія, а возьмемъ лишь ту часть, которая касается расположенія тѣхъ комнатъ, въ которыхъ скоро должна была произойти трагическая смерть Павла.

Отъ большой передней лѣстницы идетъ «прихожая (а), весьма просто расписанная». Вторая комната (в), бѣлая съ золотыми разводами, представляла въ поляхъ стѣнъ прекрасные ландшафты и нѣкоторые виды самаго дворца.

Въ третьей комнатѣ (с) помѣщалась частная библіотека императора, заключавшаяся въ шести нарядныхъ шкапахъ. Въ этой комнатѣ находились лейбъ-или камеръ-гусары. Боковая дверь отсюда вела въ кухню (d), исключительно назначенную для государева стола, въ которой готовила кухарка, нѣмка. Другая дверь вела въ маленькую комнату (е), назначенную для камеръ-гусаровъ и непосредственно соприкасавшуюся съ витою лѣстницею (і), сдѣлавшеюся впослѣдствіи знаменитою; она вела на дворъ, на которомъ стоялъ одинъ часовой.

Изъ библіотеки была дверь въ кабинетъ (к), и вмѣстѣ съ тѣмъ спальню императора, гдѣ онъ проводилъ время днемъ, и гдѣ онъ скончался. По срединѣ стояла маленькая походная кровать, безъ занавѣсокъ, за простыми ширмами.

Говорили и тысячу разъ повторяли, что у императора въ спальнѣ былъ трапъ и нѣсколько потаенныхъ дверей. Могу засвидѣтельствовать неточность этихъ показаній. Великолѣпный коверъ, по-

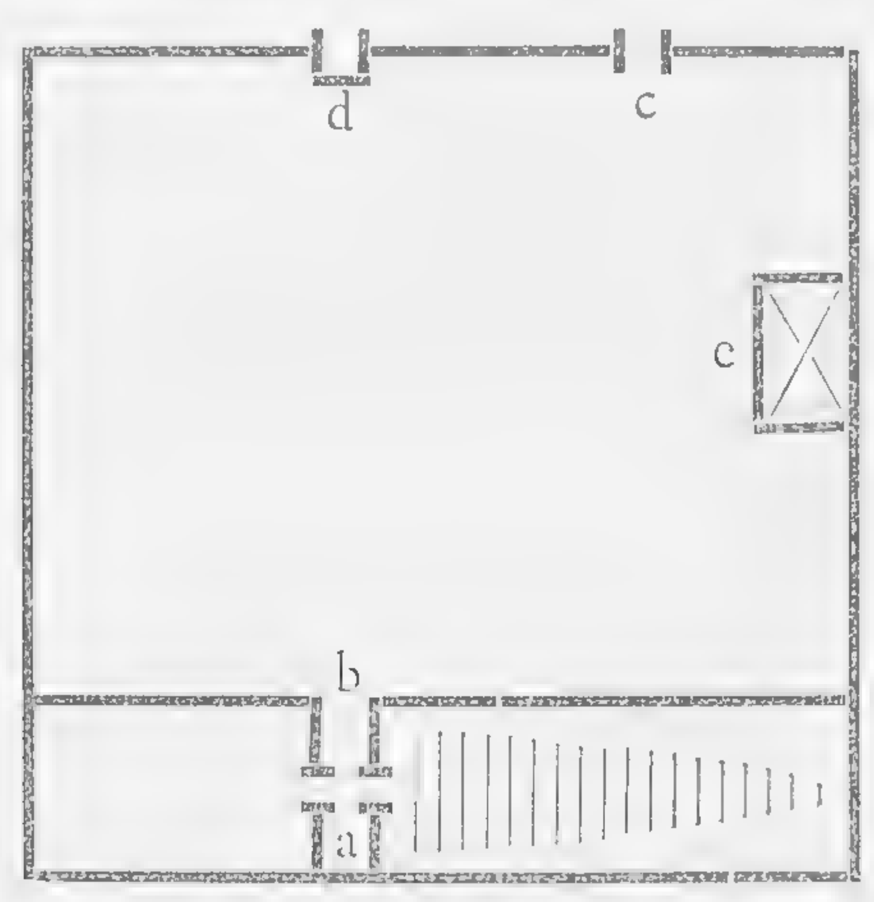

крывавшій полъ исключалъ возможность существованія ихъ; сверхъ того, печь стояла не на ножкахъ, и, слѣдовательно, подъ нею не было свободнаго пространства, какъ то увѣряли. Въ комнатѣ, правда, было двое дверей, скрытыхъ зана-

вѣсью, но одна изъ нихъ вела въ чуланчикъ, имѣвшій извѣстное назначеніе, другою запирался шкапъ, въ который складывались шпаги арестованныхъ офицеровъ. Двойныя двери, которыя изъ комнаты императора вели въ апартаментъ императрицы, не были открыты, а были заперты ключемъ и задвижкою.

Проходъ изъ библіотеки въ спальню также состоялъ изъ двухъ дверей, и, благодаря чрезвычайной толщинѣ стѣнъ, между этими двумя дверями оставалось пространство, достаточное для того, чтобы могли устроить направо и налѣво двѣ другія, потаенныя, двери. Тутъ онѣ дѣйствительно были: дверь направо (если выйти изъ спальни) служила для помѣщенія знаменъ; дверь налѣво открывалась на потаенную лѣстницу, черезъ которую можно было спуститься въ апартаменты императора, находившіеся въ нижнемъ этажѣ.

Вотъ какой планъ кабинета рисуетъ современникъ Саблуковъ въ своихъ запискахъ: то была

Планъ кабинета по рисунку Саблукова.

длинная комната, въ которую входили черезъ дверь (а), и такъ какъ нѣкоторыя изъ стѣнъ замка были достаточно толсты, чтобы вмѣстить въ себѣ внутреннюю лѣстницу, то въ толщинѣ стѣны, между дверями (а) и (в), и была устроена такая лѣстница, которая вела къ княгинѣ Гагариной и графу Кутайсову. На противоположномъ концѣ кабинета была дверь (с), ведшая въ опочивальню императрицы, и рядомъ съ нею каминъ (д); на правой сторонѣ стояла походная кровать императора (е), надъ которою всегда висѣли: шпага, шарфъ и трость его величества.

Затѣмъ слѣдовалъ круглый кабинетъ. Этотъ кабинетъ, занимавшій уголъ дворца за спальнями императора и императрицы, дѣлалъ эти двѣ комнаты смежными. Онѣ были раздѣлены лишь стѣною. Но стѣна эта до того толста, что легко понять, почему императрица могла узнать лишь поздно о кончинѣ императора.

«Ничто не могло быть вреднѣе для здоровья, пишетъ Коцебу, какъ это жилище. Повсюду видны были слѣды разрушающей сырости, и въ залѣ, въ которой висѣли большія историческія картины, я видѣлъ своими глазами, несмотря на постоянную топку двухъ каминовъ, полосы льда въ дюймъ толщиною и шириною въ нѣсколько ладоней, тянувшіяся съ верху до низу по угламъ. Въ комнатахъ императора и императрицы сырость до нѣкоторой степени была устранена тѣмъ, что стѣны были обдѣланы деревомъ; но всѣ остальные терпѣли жестоко. Дворецъ этотъ былъ крайне неудобенъ для всѣхъ тѣхъ, которымъ проходилось бывать въ немъ. Безпрестанно нужно было проходить либо по перистилю, либо по коридорамъ, въ которыхъ дулъ сквозной вѣтеръ, либо по двору.

«Но императоръ былъ до того прельщенъ своимъ

созданіемъ, что самое осторожное порицаніе раздражало его настолько же, насколько ему льстила самая грубая похвала. Однажды онъ встрѣтилъ на лѣстницѣ пожилую даму. «Мнѣ говорили, будто лѣстницы дворца неудобны, сказала она,—но я нахожу ихъ превосходными». Императоръ пришелъ отъ этой похвалы въ такой восторгъ, что поцѣловалъ даму. Царедворцы умѣли прекрасно пользоваться этою слабостью. Они были неистощимы въ похвалахъ, и мнѣ извѣстно, что, высказавши все, что можно было придумать, они повергались на колѣни передъ бронзами и поклонялись имъ въ нѣмомъ восторгѣ».

Глава пятнадцатая.

I.

Англійскій посолъ Витвортъ доносилъ своему двору, что «съ тѣхъ поръ какъ Павелъ вступилъ на престолъ, психическое разстройство его стало постепенно усиливаться и въ настоящую пору возбуждаетъ во всѣхъ сильнѣйшее безпокойство. Въ этомъ обстоятельствѣ кроется роковая причина многаго, что случилось, и та же причина вызоветъ новыя сумасбродныя выходки, которыя придется оплакивать. Императоръ не руководствуется въ своихъ поступкахъ опредѣленными правилами или убѣжденіями, но всѣ его дѣйствія исходятъ отъ каприза или разстроенной фантазіи. Слѣдовательно, нѣтъ ничего прочнаго и не можетъ быть ничего прочнаго».

Великій князь Константинъ Павловичъ высказалъ слѣдующее нелишенное остроумія мнѣніе относи-

тельно наступившаго положенія: «Мой отецъ объявилъ войну здравому смыслу съ твердымъ желаніемъ никогда не заключать съ нимъ мира».

Наконецъ, графъ Воронцовъ изображаетъ въ слѣдующей аллегорической картинѣ положеніе вещей. «Я тщетно ищу утѣшеній въ будущемъ; я не знаю, гдѣ найти ихъ. Это то же самое, какъ если бы мы, вы и я, очутились на кораблѣ, капитанъ и весь экипажъ котораго принадлежали бы къ народу, языка котораго мы не понимаемъ. У меня морская болѣзнь, и я не могу встать съ постели. Вы являетесь объявить мнѣ, что буря—сильна, и корабль погибнетъ, потому что капитанъ сошелъ съ ума, бьетъ экипажъ, который, состоя болѣе чѣмъ изъ тридцати человѣкъ, не осмѣливается противиться его выходкамъ, потому что онъ уже бросилъ одного матроса въ море, а другого убилъ. Я увѣренъ, что корабль погибнетъ, но вы говорите, что еще есть надежда быть спасенными, потому что помощникъ капитана — молодой человѣкъ разсудительный и кроткій, къ которому экипажъ питаетъ довѣріе. Я заклинаю васъ возвратиться на палубу и внушить молодому человѣку и матросамъ, что они должны спасти корабль, который частью, какъ равно и грузъ, принадлежитъ молодому человѣку, что ихъ 30 — противъ одного и что смѣшно бояться быть убитому этимъ безумцемъ-капитаномъ, когда черезъ нѣсколько времени всѣ и онъ самъ будемъ потоплены этимъ сумасшедшимъ. Вы отвѣчаете мнѣ, что, не зная языка, вы не можете говорить съ ними, что вы отправитесь наверхъ посмотрѣть, что происходитъ тамъ. Вы возвращаетесь ко мнѣ объявить, что опасность возрастаетъ, потому что сумасшедшій попрежнему у руля, но что вы попрежнему все надѣетесь. Прощайте. Вы болѣе счастливы, чѣмъ я, мой другъ, потому что у меня нѣтъ болѣе надежды».

Но терпѣніе изсякло уже у всѣхъ; по выраженію Карамзина, всѣ «смотрѣли на сего монарха, какъ на грозный метеоръ, считая минуты и съ нетерпѣніемъ ожидая послѣдней». Трудно сказать, сколько бы времени продолжался этотъ порядокъ, если бы не нашелся человѣкъ, который почувствовалъ въ себѣ рѣшимость подумать о замѣнѣ его чѣмъ-либо лучшимъ. Это лицо былъ графъ Никита Петровичъ Панинъ, котораго слѣдуетъ признать творцомъ заговора, начавшагося въ 1800 году.

Однако самому Панину не пришлось участвовать въ совершеніи задуманнаго плана. Въ столкновеніяхъ съ Ростопчинымъ послѣдній взялъ верхъ и Панинъ былъ удаленъ въ деревню.

Но зато весь планъ теперь перешелъ въ руки графа Палена, и мысли Панина перешли изъ области, если можно такъ выразиться, умозрительной на путь болѣе практическій, соотвѣтствовавшій условіямъ русской жизни. Паленъ горячо взялся за дѣло.

«Первымъ дѣйствіемъ его, пишетъ Фонвизинъ, было стараніе помирить съ Павломъ фаворита Екатерины, князя Платона Зубова и братьевъ его, Валерьяна и Николая, находившихся въ опалѣ,—въ чемъ они и успѣли. Зубовы были приняты въ службу и прибыли въ Петербургъ. Паленъ и Панинъ знали напередъ ихъ ненависть къ Павлу и были увѣрены въ ихъ усердномъ содѣйствіи; поэтому и открыли имъ свое намѣреніе. Зубовы вступили въ заговоръ, а съ ними и нѣсколько преданныхъ имъ кліентовъ, которымъ они покровительствовали во время силы своей при Екатеринѣ. Изъ этихъ лицъ, по характеру и положенію своему, важнѣе прочихъ были: генералъ, баронъ Беннигсенъ, ганноверецъ, служившій съ отличіемъ въ Польскую и Персидскія войны въ нашихъ войскахъ, и отставленный Павломъ, какъ

человѣкъ, преданный Зубовымъ, и принятый опять въ службу по ходатайству графа Панина, который съ нимъ друженъ, —и генералъ Талызинъ, командиръ Преображенскаго полка и инспекторъ войскъ, находившихся въ Петербургѣ.

«Пріобрѣтеніе такого сообщника было тѣмъ болѣе важно для успѣха дѣла, что Талызина любили подчиненные: какъ любимый начальникъ, онъ пользовался большимъ уваженіемъ во всѣхъ гвардейскихъ полкахъ и могъ всегда увлечь за собою не только офицеровъ, но одушевить и нижнихъ чиновъ, которые были къ нему чрезвычайно привязаны.

«Всѣ недовольные тогдашнимъ порядкомъ вещей, все лучшее Петербургское общество и гвардейскіе офицеры собирались у братьевъ Зубовыхъ и у сестры ихъ — Жеребцовой — свѣтской дамы, которая была въ дружескихъ отношеніяхъ съ Англійскимъ посланникомъ лордомъ Витвортомъ и съ чиновниками его посольства, посѣтителями ея гостиной. Отъ этого распространилось въ Европѣ мнѣніе, будто лордъ Витвортъ—главный виновникъ заговора и что онъ не жалѣлъ англійскихъ денегъ для подкупки сообщниковъ съ цѣлью предупредить разрывъ Россіи съ Англіей, угрожавшій торговымъ интересамъ послѣдней. Это мнѣніе не имѣетъ основанія, во-первыхъ, потому, что лордъ Витвортъ слишкомъ извѣстенъ по строгой честности и благороднымъ правиламъ своимъ, чтобы можно было подозрѣвать его въ такомъ коварномъ и безнравственномъ дѣйствіи,—потомъ заговоръ противъ Павла былъ дѣло чисто русское, а для нѣкоторыхъ — истинно патріотическое, въ которомъ кромѣ Бенингсена не участвовалъ ни одинъ иностранецъ; да и лордъ Витвортъ выѣхалъ изъ Петербурга тотчасъ послѣ разрыва съ Англіей,—стало быть, до начала заговора. Вечернія собранія у братьевъ Зубовыхъ или

Жеребцовой породили настоящіе политическіе клубы, въ которыхъ единственнымъ предметомъ разговоровъ было тогдашнее положеніе Россіи, страждующей подъ гнетомъ безумнаго самовластія. Толковали о необходимости положить этому конецъ. Никому и въ голову не входило посягнуть на жизнь Павла, -было одно общее желаніе: заставить его отказаться отъ престола въ пользу наслѣдника, всѣми любимаго за доброту, образованность, кроткое и вѣжливое обращеніе,—качества, совершенно противуположныя неукротимому и самовластному характеру отца его. Всѣ эти сообщенія происходили явно подъ эгидою Петербургскаго военнаго губернатора, который, какъ начальникъ тайной полиціи, получалъ ежедневно донесенія шпіоновъ и давалъ движеніе только тѣмъ изъ нихъ, которыя не касались заговора и лицъ въ немъ замѣшанныхъ».

«Я обезпечилъ себѣ, говоритъ Панинъ, два важныхъ пункта: 1) заполучить Бенигсена и Зубовыхъ, необходимыхъ мнѣ, и 2) еще усилить общее ожесточеніе противъ императора: я изучилъ его нетерпѣливый нравъ, быстрые переходы его отъ одного чувства къ другому, отъ одного намѣренія къ другому, совершенно противоположному. Я былъ увѣренъ, что первые изъ возвращенныхъ изъ ссылки офицеровъ будутъ приняты хорошо, но что скоро они надоѣдятъ ему, а также и слѣдующіе за ними. Случилось то, что я предвидѣлъ: ежедневно сыпались изъ Петербурга сотня этихъ несчастныхъ, каждое утро подавали императору донесенія съ заставъ. Вскорѣ ему опротивѣла эта толпа прибывающихъ; онъ пересталъ принимать ихъ, затѣмъ сталъ просто гнать и нажилъ себѣ такимъ образомъ непримиримыхъ враговъ въ лицѣ этихъ несчастныхъ, снова лишенныхъ всякой надежды и осужденныхъ умирать съ голоду у воротъ Петербурга».

Но, спрашивается, почему Паленъ, достигшій всего, что только можно было получить, почему онъ перешелъ на сторону недовольныхъ и обиженныхъ? Ему недоставало одной только бездѣлицы, безопасности, наравнѣ со всѣми прочими россіянами, какъ состоявшими на службѣ, такъ и жившими мирно въ сторонѣ отъ круговорота политическихъ дѣлъ. Хотя графъ Паленъ и былъ осыпанъ всѣми милостями и дарами счастія, но, тѣмъ не менѣе, надъ головою его непрестанно сверкалъ Дамокловъ мечъ. Самый радостный, самый блестящій день не представлялъ ему ручательства въ спокойной ночи; завистники его всегда бодрствовали и не пропускали ни одного случая, чтобы сдѣлать его подозрительнымъ въ глазахъ государя, а потому военный губернаторъ не могъ разсчитывать на прочность своего счастія.

Наконецъ разнаго рода слухи дошли до Павла, и 9-го марта 1801 года онъ неожиданно спрашиваетъ вошедшаго утромъ Палена: «Графъ Паленъ! Вы были здѣсь въ 1762 году?»

— Да, ваше величество,—но что вамъ угодно сказать этимъ?

— Вы участвовали въ заговорѣ, лишившемъ моего отца престола.

— Ваше величество, я былъ свидѣтелемъ переворота, а не дѣйствующимъ лицомъ, я былъ очень молодъ, я служилъ въ низшихъ офицерскихъ чинахъ въ конномъ полку. Я ѣхалъ на лошади со своимъ полкомъ, ничего не подозрѣвая, что происходитъ. Но почему, ваше величество, задаете вы мнѣ подобный вопросъ?

— Почему? вотъ почему: потому что хотятъ повторить 1762 годъ.

Я затрепеталъ при этихъ словахъ, но тотчасъ же оправился и отвѣчалъ:

— Да, ваше величество, хотятъ. Я это знаю и участвую въ заговорѣ.

— Какъ, вы это знаете и участвуете въ заговорѣ? Что вы мнѣ такое говорите?

— Сущую правду, ваше величество, я участвую въ немъ и долженъ показать видъ, что участвую, въ виду моей должности, ибо какъ могъ бы я узнать, что намѣрены они дѣлать, если бы не притворился, что хочу способствовать ихъ замысламъ. Но не безпокойтесь, вамъ нечего бояться: я держу въ рукахъ всѣ нити заговора, и скоро все станетъ вамъ извѣстно. Не старайтесь проводить сравненій между вашими опасностями и опасностями, угрожавшими вашему отцу. Онъ былъ иностранецъ, а вы русскій; онъ ненавидѣлъ русскихъ, презиралъ ихъ и удалилъ отъ себя; а вы любите ихъ, уважаете и пользуетесь ихъ любовію; онъ не былъ коронованъ, а вы коронованы; онъ раздражилъ и даже ожесточилъ противъ себя гвардію, а вамъ она предана. Онъ преслѣдовалъ духовенство, а вы почитаете его; въ его время не было никакой полиціи въ Петербургѣ, а нынѣ она такъ усовершенствована, что не дѣлается ни шага, не говорится ни слова помимо моего вѣдома; каковы бы ни были намѣренія императрицы, она не обладаетъ ни геніальностью, ни умомъ вашей матери; у нея двадцатилѣтнія дѣти, а въ 1762 году вамъ было только семь лѣтъ.

—Все это правда,—отвѣчалъ онъ,—но, конечно, не надо дремать.

Здѣсь же Паленъ испросилъ себѣ у Павла чрезвычайныя полномочія, которыми онъ и воспользовался скоро съ полнымъ успѣхомъ.

Павелъ въ свою очередь принялъ мѣры и вызвалъ въ Петербургъ Аракчеева и Линденера. Но это запоздалое распоряженіе не ускользнуло отъ зоркаго ока всесильнаго тогда петербургскаго военнаго гу-

бернатора: графъ Паленъ приказалъ задержать Аракчеева, когда онъ подъѣдетъ къ заставѣ. Это случилось какъ разъ вечеромъ 11-го марта.

«Сердце чисто и духъ правъ передъ тобою», написалъ впослѣдствіи графъ Аракчеевъ на памятникѣ, воздвигнутомъ своему благодѣтелю, императору Павлу, въ Грузинѣ. Этотъ ореолъ преданности и добродѣтели проложилъ путь къ будущимъ отличіямъ и къ занятію исключительнаго положенія среди дѣятелей наступившей послѣ 11-го марта александровской эпохи.

II.

1-го февраля императоръ переѣхалъ въ Михайловскій замокъ и навсегда разстался съ Зимнимъ дворцомъ. На слѣдующій день былъ маскарадъ. Но праздникъ не вполнѣ удался вслѣдствіе крайней сырости, господствовавшей въ замкѣ; въ комнатахъ во время празднества образовался густой туманъ, и, несмотря на тысячи горѣвшихъ свѣчей, повсюду господствовалъ полумракъ. Это обстоятельство придавало всему собранію какой-то мрачный оттѣнокъ.

Въ Михайловскомъ замкѣ цесаревичу Александру Павловичу пришлось испытать немало новыхъ огорченій и душевныхъ тревогъ. Въ 1801 году былъ вызванъ въ Россію племянникъ императрицы, принцъ Евгеній. Расположеніе къ нему государя возрастало поражающимъ образомъ; наконецъ, дошло до того, что Павелъ Петровичъ объявилъ Дибичу о своемъ намѣреніи усыновить принца Евгенія, прибавивъ, что онъ владыка въ своемъ домѣ и въ государствѣ и потому возведетъ принца на такую высокую ступень, которая приведетъ всѣхъ въ изумленіе.

Положеніе Александра Павловича становилось съ каждымъ днемъ все болѣе затруднительнымъ. Не-

смотря на покорность, вниманіе и предупредительность сына, подозрительность и недовѣріе къ нему грознаго родителя принимали все болѣе рѣзкія формы. Вообще Александръ и ранѣе жилъ съ женою очень уединенно; ему служили только преданныя императору лица. Чтобы не навлечь на себя и тѣни подозрѣнія, онъ не принималъ никого и съ вельможами и иностранными министрами разговаривалъ не иначе, какъ въ присутствіи отца, и не входилъ въ сношенія съ лицами, стоявшими у дѣлъ. Войдя однажды въ комнату наслѣдника, императоръ Павелъ нашелъ на его столѣ трагедію «Брутъ» Вольтера; она оканчивается, какъ извѣстно, словами Брута:—«Римъ свободенъ; этого достаточно. Возблагодаримъ боговъ!»

Государь призвалъ сына къ себѣ наверхъ и, показывая на указъ Петра Великаго о несчастномъ Алексѣѣ Петровичѣ, спросилъ его: знаетъ ли онъ исторію этого царевича?

Къ этому времени столица приняла небывалый, своеобразный видъ; въ 9 часовъ вечера, послѣ пробитія зари, по большимъ улицамъ перекладывались рогатки и пропускались только врачи и повивальныя бабки. Вызванныя этими мѣрами всеобщее уныніе и безпокойство и поселили во всѣхъ убѣжденіе, что такое положеніе продлиться не можетъ. Въ Москвѣ военный губернаторъ, фельдмаршалъ графъ И. П. Салтыковъ, самъ ожидая со дня на день ссылки, въ эти тревожные дни, не стѣсняясь, говорилъ, что «эта кутерьма долго существовать не можетъ».

Въ воскресенье 10-го марта былъ въ Михайловскомъ замкѣ французскій концертъ. Среди собравшагося двора господствовало мрачное настроеніе. Императоръ обращалъ мало вниманія на пѣніе госпожи Шевалье. Великая княгиня Елисавета сидѣла

молча и печально; Александръ также былъ, повидимому, озабоченъ. Императрица съ безпокойствомъ оглядывалась и, казалось, задумывалась надъ тѣмъ, какими пагубными мыслями поглощенъ ея супругъ. Государь смотрѣлъ сердито и разстроенно.

Передъ выходомъ къ вечернему столу произошло слѣдующее: когда обѣ половины дверей распахнулись, Павелъ подошелъ къ близстоявшей императрицѣ, остановился передъ нею, насмѣшливо улыбаясь, скрестивши руки и, по своему обыкновенію, тяжело дыша, что служило признакомъ сильнаго недовольства; затѣмъ онъ повторилъ тѣ же угрожающіе пріемы передъ обоими великими князьями, Александромъ и Константиномъ. Въ заключеніе онъ подошелъ къ графу Палену, съ зловѣщимъ видомъ шепнулъ ему на ухо нѣсколько словъ и поспѣшилъ къ столу. Всѣ послѣдовали за нимъ молча и съ стѣсненною грудью. Гробовая тишина царила за этой печальной трапезой, и, когда по окончаніи ея императрица и великіе князья хотѣли поблагодарить императора, онъ отстранилъ ихъ отъ себя съ насмѣшливой улыбкой и быстро удалился, не поклонившись. Императрица заплакала, и вся семья разошлась, глубоко взволнованная.

Наступилъ понедѣльникъ 11-го марта 1801 года. Императоръ присутствовалъ на разводѣ, въ которомъ, однако, противъ обыкновенія и къ общему удивленію, не принимали участія великіе князья Александръ и Константинъ. Государь былъ очень гнѣвенъ, но, тѣмъ не менѣе, никого не сдѣлалъ несчастнымъ.

Въ караулъ въ Михайловскій замокъ, на большую гауптвахту, вступили семеновцы, при которыхъ находился капитанъ Воронковъ, поручикъ Полторацкій и подпоручикъ Ивашкинъ. Затѣмъ внутренній караулъ въ овальной комнатѣ, примы-

кавшей къ парадной лѣстницѣ, занимали преображенцы, съ которыми находился поручикъ Марынъ. Сверхъ того, близъ покоевъ императора находился еще другой внутренній караулъ отъ Коннаго полка, подъ командою корнета Андреевскаго.

Послѣ развода графъ Паленъ приказалъ всѣмъ офицерамъ гвардіи собраться въ его квартиру. Прямо изъ экзерцигауза офицеры отправились къ нему и ожидали графа болѣе часу. Когда военный губернаторъ возвратился изъ дворца, онъ вышелъ къ собравшимся офицерамъ и съ мрачнымъ, разстроеннымъ лицомъ довольно грозно сказалъ имъ:

— Господа! Государь приказалъ вамъ объявить, что онъ службою вашею чрезвычайно недоволенъ, что онъ ежедневно и на каждомъ шагу примѣчаетъ ваше нерадѣніе, лѣность и невниманіе къ его приказаніямъ и вообще небреженіе къ исполненію вашей должности, такъ что, ежели онъ и впредь будетъ замѣчать то же, то онъ приказалъ вамъ сказать, что онъ разошлетъ васъ всѣхъ по такимъ мѣстамъ, гдѣ и костей вашихъ не сыщутъ. Извольте ѣхать по домамъ и старайтесь вести себя лучше.

Всѣ разъѣхались съ горестными лицами и унылiемъ въ сердцѣ.

11-го марта Павелъ еще отправилъ въ Берлинъ приказаніе посланнику, чтобы тотъ объявилъ королю, что если онъ не займетъ Гановеръ, то посланникъ покинетъ дворъ въ 24 часа. Другой курьеръ былъ отправленъ въ Парижъ съ переговорами о томъ же Гановерѣ.

Вечеромъ государь былъ очень веселъ и разговорчивъ. Много лѣтъ назадъ Павелъ признавался, что необыкновенная веселость у него бываетъ передъ печалью, равно какъ и сновидѣнія всегда для него были вѣщими. Наканунѣ 11-го марта онъ также видѣлъ необычайный сонъ: Павлу снилось, что ему

натягивали узкій парчевой кафтанъ и съ такимъ усиліемъ, что онъ проснулся отъ боли.

За ужиномъ употребленъ былъ въ первый разъ фарфоровый приборъ съ видами Михайловскаго замка. «Государь былъ въ чрезвычайномъ восхищеніи, многократно цѣловалъ рисунокъ на фарфорѣ и говорилъ, что это былъ одинъ изъ счастливѣйшихъ дней въ его жизни». Послѣ ужина Павелъ ни съ кѣмъ не простился, какъ обычно полагалось, а выходя, сказалъ только: «Чему быть, тому не миновать».

III.

Теперь мы должны перейти къ описанію чрезвычайно важнаго событія въ исторіи Россіи и трагическаго для Павла.

Послѣдуемъ въ этомъ описаніи за свидѣтельствами самихъ участниковъ или современниковъ событія въ ночь съ 11-го на 12-ое марта.

«Дежурнымъ по Конному полку великій князь Константинъ Павловичъ неожиданно назначилъ меня,—пишетъ полковникъ Саблуковъ;—это было совершенно противно служебнымъ правиламъ, такъ какъ на полковника, эскадронъ котораго стоялъ въ казармѣ и который обязанъ осматривать посты, никогда не возлагается никакихъ обязанностей.

Въ 8 часовъ вечера, принявъ рапортъ отъ дежурныхъ офицеровъ, я отправился въ замокъ, чтобы сдать мой рапортъ Константину Павловичу. Выходя изъ саней, я встрѣтилъ камеръ-лакея его величества, который спросилъ меня, куда я иду. На мой отвѣтъ онъ отвѣтилъ:

— Пожалуйста, не ходите, ибо я тотчасъ долженъ донести объ этомъ государю.

—Не могу не пойти,—сказалъ я,—потому что я дежурный полковникъ и долженъ явиться съ рапортомъ къ его высочеству.

Лакей побѣжалъ по лѣстницѣ на одну сторону замка, я поднялся на другую. Въ передней великаго князя лакей съ удивленіемъ спросилъ:

— Вы зачѣмъ сюда пришли?

— Вы, кажется, всѣ здѣсь съ ума сошли,—отвѣтилъ я.—Я—дежурный полковникъ.

— Хорошо, войдите —сказалъ онъ, отворяя дверь.

Я засталъ Константина въ трехъ-четырехъ шагахъ отъ двери; онъ имѣлъ видъ очень взволнованный. Пока я рапортовалъ, вошелъ великій князь Александръ, прокрадываясь, какъ испуганный заяцъ. Въ эту минуту отворилась дверь, и вошелъ императоръ и направился къ намъ церемоніальнымъ шагомъ, точно на парадъ. Александръ поспѣшно убѣжалъ въ собственный аппартаментъ. Константинъ стоялъ пораженный, съ руками, бьющимися по карманамъ, словно безоружный человѣкъ передъ медвѣдемъ. Я отрапортовалъ императору о состояніи полка.

—А, ты дежурный,—сказалъ онъ и вышелъ изъ комнаты.

Александръ немного пріоткрылъ свою дверь и заглянулъ въ комнату. Константинъ стоялъ неподвижно, затѣмъ Александръ, крадучись, снова подошелъ къ намъ.

— Вы ничего не знаете?—спросилъ онъ во время разговора.

— Мы оба подъ арестомъ. Насъ обоихъ водилъ въ церковь Обольяниновъ присягать въ вѣрности.

Когда я уходилъ, Константинъ крикнулъ лакею:

— Рутковскій, стаканъ воды!

Рутковскій налилъ, а я замѣтилъ ему, что на по-

верхности плаваетъ перышко. Рутковскій вынулъ его пальцемъ и, бросивъ на полъ, сказалъ:

— Сегодня оно плаваетъ, но завтра потонетъ.

Дома я предался довольно тревожнымъ размышленіямъ по поводу всего, что я только слышалъ и видѣлъ въ связи съ предчувствіями, которыя я имѣлъ раньше».

Но Саблукова скоро потребовали въ замокъ. Въ началѣ одиннадцатаго часа вышелъ Павелъ въ сопровожденіи любимой собачки Шпица. За нимъ былъ Уваровъ, дежурный генералъ-адъютантъ. «Императоръ подошелъ ко мнѣ и сказалъ по-французски: «Вы—якобинцы». Нѣсколько озадаченный этими словами я отвѣтилъ: «Такъ точно, ваше величество».—«Не ты, а полкъ».—«Себя я, пожалуй, готовъ признать якобинцемъ, но насчетъ полка вы ошибаетесь, ваше величество»,—возразилъ я.

— А я лучше знаю. Сводить караулъ!—скомандовалъ Павелъ.

Корнетъ Андреевскій вывелъ караулъ и отправился съ нимъ домой. Императоръ не переставалъ утверждать, что Конный полкъ якобинцы, и прибавилъ, что онъ велѣлъ выслать полкъ изъ города и расквартировать его по деревнямъ. Затѣмъ, обращаясь къ двумъ лакеямъ, одѣтымъ въ гусарскую форму, но не вооруженнымъ, онъ сказалъ: «Вы же два займите этотъ постъ», указывая на дверь, ведущую въ библіотеку. Уваровъ все это время за спиною государя дѣлалъ гримасы и усмѣхался.

Въ это же самое время заговорщики раздѣлились на небольшіе кружки. Ужинали у полковника Хитрова, [1]) у двухъ генераловъ Ушаковыхъ, у Депрера-

---

[1]) Вельяминовъ-Зерновъ говоритъ, что ужинали у Талызина. «Наконецъ, пишетъ онъ, около 11-ти час. вечера, 11-го марта

довича и у нѣкоторыхъ другихъ. Фонвизинъ поименно приводитъ намъ всѣхъ участниковъ.

«Вступивши въ службу въ гвардію въ 1803 году, пишетъ онъ, я лично зналъ многихъ, участвовавшихъ въ заговорѣ; много разъ слышалъ я подробности преступной катастрофы, которая тогда была еще въ свѣжей памяти и служила предметомъ самыхъ живыхъ разсказовъ въ офицерскихъ бесѣдахъ. Не разъ, стоя въ караулѣ въ Михайловскомъ замкѣ, я изъ любопытства заходилъ въ комнаты, занимаемыя Павломъ, и его спальню, которая долго оставалась въ прежнемъ видѣ: видѣлъ и скрытную лѣстницу, на которой онъ спускался къ любовницѣ своей, княжнѣ Гагариной, бывшей Лопухиной. Очевидцы объясняли мнѣ на самыхъ мѣстахъ, какъ все происходило. Сравнивая читанныя мною въ разныхъ иностранныхъ книгахъ повѣствованія о смерти Павла съ собственными воспоминаніями слышаннаго мною объ этомъ, начну разсказъ мой спискомъ заговорщиковъ, которыхъ имена могъ припомнить. Всѣхъ ихъ было до 60-ти человѣкъ, кромѣ большей части гвардейскихъ офицеровъ, которые, собственно не участвуя въ заговорѣ, догадывались о его существованіи и, по ненависти къ Павлу, готовы были способствовать успѣху. Вотъ кто были лица, мнѣ и всѣмъ въ то время извѣстныя: С.-Петер. военный генералъ - губернаторъ графъ фонъ-деръ-

1801 г. заговорщики собрались въ квартирѣ генералъ-лейтенанта Талызина, что въ лейбъ-компанскомъ корпусѣ, т.-е. въ пристройкѣ Зимняго дворца, гдѣ всегда квартируетъ 1-й баталіонъ Преображенскаго полка. По мнѣнію другихъ, тутъ выпито было большое количество шампанскаго, но родной братъ одного изъ заговорщиковъ увѣрялъ меня твердо, что выпито было только по одному бокалу, и то уже по пріѣздѣ фонъ-деръ-Палена. Полагаю, что правда въ серединѣ этихъ двухъ крайностей».

Паленъ; вице-канцлеръ графъ Н. П. Панинъ: князь Платонъ Зубовъ, шефъ 1-го кадетскаго корпуса; братья его: Валерьянъ — шефъ 2-го кадетскаго корпуса, и Николай, генералъ-маіоръ Беннигсенъ и Талызинъ, командиръ Преображенскаго полка и инспекторъ СПБ. Инспекціи; шефы полковъ: Кексгольмскаго — Вердеревскій; 1-го Артиллерійскаго полка Тучковъ; командиры гвардейскихъ полковъ: Уваровъ — кавалергардскаго; Янковичъ - Деміріево конногвардейскаго; Депрерадовичъ — Семеновскаго и князь Вяземскій — шефъ батальона Преображенскаго полка; того же полка полковники: Запольскій и Аргамаковъ; капитанъ Шеншинъ и штабсъ-капитанъ баронъ Розенъ; поручики: Маринъ и Леонтьевъ; два брата Аргамаковы, графъ Толстой Семеновскаго полка полковникъ; князь Волконскій — адъютантъ В. К. Александра Павловича; поручики: Савельевъ, Кикинъ, Писаревъ, Полтарацкій, Ефимовичъ; Измайловскаго полка полковникъ Мансуровъ; поручики: Волховскій, Скарятинъ и Кутузовъ. Кавалергардскаго полка полковникъ: Голенищевъ-Кутузовъ, ротмистръ Титовъ; поручикъ Горбатовъ; артиллеристы: полковникъ князь Яшвиль; поручикъ Татариновъ; флотскій капитанъ командиръ Клокачевъ. Въ заговорѣ, кромѣ военныхъ, участвовали нѣсколько придворныхъ гражданскихъ лицъ и даже отставныхъ; именъ ихъ не припомню.

«Душою заговора и главнымъ дѣйствователемъ былъ графъ Паленъ, одинъ изъ умнѣйшихъ людей въ Россіи, смѣлый, предпріимчивый, съ характеромъ рѣшительнымъ, непоколебимымъ. Родомъ курляндецъ онъ еще при Петрѣ III вступилъ въ русскую службу корнетомъ въ конногвардейскій полкъ. Въ царствованіе Екатерины Паленъ усердно содѣйствовалъ присоединенію Курляндіи къ Имперіи, полюбилъ Россію и былъ всею душою преданъ своему

новому отечеству. Съ прискорбіемъ и негодованіемъ смотрѣлъ онъ на безумное самовластіе Павла, на непостоянство и измѣнчивость его внѣшней политики, угрожавшей благоденствію и могуществу Россіи. Поздно вечеромъ заговорщики соединились вмѣстѣ за однимъ ужиномъ, на которомъ присутствовали: генералъ Беннигсенъ и графъ Паленъ. Было выпито много вина, и многіе выпили болѣе, чѣмъ слѣдуетъ. Въ концѣ ужина, какъ говорятъ, Паленъ сказалъ: «Помните, господа, чтобы полакомиться яичницей, надо прежде всего разбить яйцо».

Изъ-за ужина встали немного позже полуночи. Согласно выработанному плану сигналъ къ вторженію во внутренніе апартаменты дворца и въ самый кабинетъ императора долженъ былъ подать Аргамаковъ, обязанности котораго заключались въ томъ, чтобы докладывать императору о пожарахъ, происходящихъ въ городѣ. Аргамаковъ вбѣжалъ въ переднюю государева кабинета, гдѣ недавно еще стоялъ караулъ отъ эскадрона Саблукова, и закричалъ: «Пожаръ».

Въ это время заговорщики бросились въ дверь. Тогда же Маринъ, командовавшій внутреннимъ пѣхотнымъ карауломъ, удалилъ вѣрныхъ гренадеръ Преображенскаго лейбъ-баталіона, разставивъ ихъ часовыми, а тѣхъ изъ нихъ, которые прежде служили въ лейбъ-гренадерскомъ полку, помѣстилъ въ передней, сохранивъ такимъ образомъ этотъ важный постъ въ рукахъ заговорщиковъ.

Два камеръ-гусара, стоявшіе у двери, храбро защищали свой постъ, но одинъ изъ нихъ былъ заколонъ, а другой раненъ. Найдя первую дверь, ведшую въ спальню, незапертою, заговорщики сначала подумали, что императоръ скрылся по внутренней лѣстницѣ, какъ это сдѣлалъ Кутайсовъ. Но когда

они подошли ко второй двери, то нашли ее запертою изнутри, что доказывало, что императоръ, несомнѣнно, находился въ спальнѣ.

Взломавъ дверь, заговорщики бросились въ комнату, но императора не оказалось. Начались поиски, но безуспѣшно, несмотря на то, что дверь, ведшая въ опочивальню императрицы, также была заперта изнутри. Поиски продолжались нѣсколько минутъ, когда вошелъ генералъ Беннигсенъ, высокаго роста, флегматичный человѣкъ; онъ подошелъ къ камину, прислонился къ нему и увидѣлъ императора».

Такъ разсказываетъ намъ Саблуковъ, правда, съ чужихъ словъ.

Не во многомъ расходится съ этимъ разсказомъ въ своихъ воспоминаніяхъ Руничъ. «Главнымъ руководителемъ заговора, пишетъ онъ, были: Паленъ и три брата Зубовы. Множество другихъ лицъ присутствовало при убійствѣ; нѣкоторыя изъ нихъ были осыпаны милостями государя. Павелъ былъ уже въ постели, когда услышалъ, что стучатся въ дверь. Это былъ Аргамаковъ. Какъ адъютантъ, онъ имѣлъ право являться къ государю во всякое время дня и ночи. Заговорщики, всѣ выпивши, съ Паленомъ во главѣ, слѣдовали за нимъ. Стража Преображенскаго полка смѣнилась семеновцами. Несчастный гусаръ, карауливш
ій у наружной двери кабинета, былъ застигнутъ и убитъ. Наемный убійца Аргамаковъ постучался въ дверь, давая знать о себѣ. Павелъ, ничего не подозрѣвая, отворилъ и, пораженный видомъ убійцъ, потерялъ голову и мужество и бросился спрятаться за ширмы, тогда какъ былъ еще для него якорь спасенія: потайная дверь, ведшая прямо въ аппартаменты императрицы [1]). За-

[1]) Не точно, въ комнаты Гагариной.

говорщики, судя по собственному признанію нѣкоторыхъ изъ нихъ, не видя императора, растерялись; но Яшвиль, грузинскій князь или Богъ его знаетъ кѣмъ онъ былъ, приблизился къ ширмамъ, за которыми увидѣлъ скрывавшуюся жертву».

Нѣсколько иначе изображаетъ этотъ моментъ участникъ событія графъ Беннигсенъ. «Аргамаковъ, пишетъ онъ, повелъ насъ сперва въ Лѣтній садъ, потомъ по мостику и въ дверь, сообщавшуюся съ этимъ садомъ, далѣе по лѣсенкѣ, которая провела насъ въ маленькую кухоньку, смежную съ прихожей передъ спальней Павла. Тамъ мы застали камеръ-гусара, который спалъ крѣпчайшимъ сномъ, сидя и прислонившись головой къ печкѣ. Изъ всей толпы офицеровъ, сначала окружавшихъ насъ, оставалось теперь всего человѣка четыре; да и тѣ, вмѣсто того чтобы вести себя тихо, напали на лакея; одинъ изъ офицеровъ ударилъ его тростью по головѣ, и тотъ поднялъ крикъ. Пораженные, всѣ остановились, предвидя моментъ, когда общая тревога разнесется по всѣмъ комнатамъ. Я посиѣшилъ войти вмѣстѣ съ княземъ Зубовымъ въ спальню, гдѣ мы дѣйствительно застали императора уже разбуженнымъ этимъ крикомъ и стоящимъ возлѣ кровати, передъ ширмами. Держа шпаги на голо, мы сказали ему: «Вы арестованы, ваше величество». Онъ поглядѣлъ на меня, не произнеся ни слова, потомъ обернулся къ князю Зубову и сказалъ ему: «Что вы дѣлаете, Платонъ Александровичъ?». Въ эту минуту Зубова вызвалъ офицеръ внизъ, гдѣ боялись гвардіи, такъ какъ графъ Паленъ еще не прибылъ для занятія главной лѣстницы замка, отрѣзавшей всякое сообщеніе между гвардіей и покоями Павла.

«Князь Зубовъ вышелъ, и я съ минуту оставался съ глазу на глазъ съ императоромъ, который только глядѣлъ на меня, не говоря ни слова. Мало-по-малу

стали входить офицеры изъ тѣхъ, что слѣдовали за нами. Первыми были подполковникъ Яшвиль, майоръ Татариновъ и еще нѣсколько другихъ. Я сказалъ имъ: «Останьтесь, господа, при особѣ императора; онъ арестованъ, и не давайте ему выйти изъ комнаты». Тогда я вышелъ, чтобы осмотрѣть двери, ведущія въ другія покои. Въ эту минуту вошло еще много офицеровъ».

Свидѣтельства Саблукова и Рунича говорятъ намъ, что мужество вернулось къ Павлу и онъ вступилъ въ переговоры. «Отличавшійся обыкновенно большою нервностью, Павелъ на этотъ разъ, однако, не казался особенно взволнованнымъ и, сохраняя полное достоинство, спросилъ, что имъ всѣмъ нужно. Платонъ Зубовъ отвѣчалъ, что деспотизмъ его сдѣлался настолько тяжелымъ для націи, что они пришли требовать отреченія его отъ престола. Павелъ вступилъ съ Зубовымъ въ споръ, который длился около получаса и который, въ концѣ концовъ, принялъ бурный характеръ. Въ это время подвыпившіе заговорщики стали выражать нетерпѣніе, тогда какъ императоръ, въ свою очередь, говорилъ все громче и началъ сильно жестикулировать. Въ это время шталмейстеръ, графъ Николай Зубовъ, человѣкъ громаднаго роста и необыкновенной силы, будучи совершенно пьянъ, ударилъ Павла по рукѣ и сказалъ: «Что ты такъ кричишь?»

При этомъ оскорбленіи императоръ съ негодованіемъ оттолкнулъ лѣвую руку Зубова, на что послѣдній, сжимая въ кулакѣ массивную золотую табакерку, со всего размаха нанесъ правою рукою ударъ въ лѣвый високъ императора, вслѣдствіе чего тотъ безъ чувствъ повалился на полъ, а Скарятинъ, офицеръ Измайловскаго полка, снявъ висѣвшій надъ кроватью собственный шарфъ императора, задушилъ его имъ».

По показанію другихъ, Зубовъ, будучи сильно пьянъ, будто бы запустилъ пальцы въ табакерку, которую Павелъ держалъ въ рукахъ. Тогда императоръ первый ударилъ Зубова и, такимъ образомъ, самъ началъ ссору. Зубовъ будто бы выхватилъ табакерку изъ рукъ императора и сильнымъ ударомъ сшибъ его съ ногъ. Но это едва ли правдоподобно, если принять во вниманіе, что Павелъ выскочилъ прямо изъ кровати и хотѣлъ скрыться. «Какъ бы то ни было, несомнѣнно то, что табакерка играла въ этомъ событіи извѣстную роль», пишетъ Саблуковъ.

Руничъ же говоритъ, что Павелъ предложилъ уступить престолъ своему сыну, только бы ему оставили жизнь. Минута замедленія могла разрушить всѣ планы, и заговоръ могъ разстроиться. Николай Зубовъ замѣтилъ, что всякое обѣщаніе со стороны государя не обезпечивало ихъ завтрашняго существованія. Схвативъ прессъ-папье, онъ направилъ ударъ въ високъ Павлу; ударъ былъ такъ силенъ, что ошеломилъ его и выбилъ одинъ глазъ изъ орбиты; тогда подручные убійцы бросились на Павла и задушили его съ помощью шарфа Аргамакова. Пришлось отрѣзать языкъ у корня, когда бальзамировали тѣло, такъ какъ не было никакой возможности вложить его обратно въ ротъ.

«Называли имена, пишетъ Саблуковъ, нѣкоторыхъ лицъ, которыя выказали много жестокости, даже звѣрства, желая выместить полученныя отъ императора оскорбленія на безжизненномъ его тѣлѣ, такъ что докторамъ и гримерамъ было нелегко привести тѣло въ такой видъ, чтобы можно было выставить его для поклоненія, согласно существующимъ обычаямъ. Я видѣлъ покойнаго императора, лежащаго въ гробу. На лицѣ его, несмотря на старательную гримировку, видны были черныя и си-

нія пятна. Его треугольная шляпа была такъ надвинута на голову, чтобы, по возможности, скрыть лѣвый глазъ и високъ».

Ночь была холодная и дождливая. Въ главномъ караулѣ всѣ дремали. Вдругъ прибѣгаетъ лакей съ крикомъ: «Спасайте». Поручикъ Полторацкій обнажилъ шпагу и, обращаясь къ солдатамъ, крикнулъ: «Ребята, за царя». Всѣ бросились и уже поднялись по парадной лѣстницѣ, какъ на верхней площадкѣ встрѣчаютъ графа Палена и генерала Бенигсена. Раздалась команда: «Караулъ, стой», а затѣмъ слова: «Государь скончался апоплексическимъ ударомъ; у насъ теперь новый императоръ, Александръ Павловичъ».

IV.

Въ первомъ часу ночи графъ Паленъ лично явился къ наслѣднику съ извѣстіемъ о смерти Павла. Выслушавъ извѣстіе, Александръ Павловичъ залился слезами. Вотъ какъ объ этомъ разсказываетъ кн. А. Чарторыйскій со словъ самого Александра:

«Посмотримъ теперь, что происходило въ эту ужасную ночь въ той части дворца, гдѣ помѣщалось императорское семейство. Великому князю Александру уже было извѣстно, что въ эту ночь отцу будетъ предложено отреченіе отъ престола. Взволнованный разнообразными чувствами, переживая жесточайшія душевныя муки, великій князь не раздѣваясь бросился на постель. Ночью, въ началѣ перваго часа раздался стукъ въ его дверь и на порогѣ появился графъ Николай Зубовъ, всклокоченный, съ

дикимъ блуждающимъ взоромъ, съ лицомъ, измѣнившимся подъ вліяніемъ вина и только что совершеннаго злодѣянія. Онъ подошелъ къ великому князю и глухимъ голосомъ сказалъ: «все совершено».

— Что такое? что совершилось? — спросилъ съ испугомъ Александръ. Великій князь плохо слышалъ и не сразу понялъ эти слова; съ своей стороны, Зубовъ тоже не рѣшался высказаться прямо. Произошла небольшая пауза. Великій князь былъ такъ далекъ отъ извѣстія о смерти отца, что не допускалъ даже и мысли объ этомъ. Наконецъ, онъ обратилъ вниманіе, что въ разговорѣ Зубовъ все время называлъ его «Государь» и «Ваше Величество...» Тогда, наконецъ, Александръ (расчитывавшій быть только регентомъ имперіи) понялъ ужасную истину и предался самой искренней, неудержимой печали.

«Слѣдуетъ ли этому удивляться? Величайшіе честолюбцы и тѣ не могутъ совершить преступленія, или считать себя его виновниками безъ ужаса и содроганія, а вѣдь Александръ въ то время былъ чуждъ всякаго честолюбія, да и впослѣдствіи, никогда не проявлялъ его. Мысль, что онъ даже косвенно является виновникомъ смерти отца, была для него острымъ мечомъ, терзавшимъ его чувствительное сердце».

«Разсказывали не разъ, пишетъ княгиня Ливенъ, будто великій князь былъ нѣсколько посвященъ въ заговоръ, такъ какъ заговорщики для обезпеченія себѣ безопасности должны были принять въ этомъ направленіи нѣкоторыя предосторожности.

«Великій князь былъ молодъ, всѣ видѣли, что онъ скорбитъ и терзается за другихъ, оплакивая жертвы подозрительной тираніи, дѣйствіе которой отражалось прежде всего на немъ самомъ. Его, быть можетъ, и увѣрили въ томъ, что обращеніе къ импе-

тору рѣшительныхъ и энергичныхъ требованій отъ особъ, приближенныхъ къ престолу и преданныхъ служенію родинѣ и славѣ имперіи, образумитъ наконецъ императора и онъ отмѣнитъ прежніе указы и вернется къ болѣе умѣренному образу дѣйствій. Неопытность могла заставить Александра повѣрить такимъ обѣщаніямъ. Только въ такихъ предѣлахъ и могъ онъ санкціонировать дѣйствія заговорщиковъ, направляемыя къ такой именно цѣли. Но это и все. Для всякаго, кто знаетъ ангельскую чистоту характера Александра, не можетъ быть никакихъ сомнѣній въ томъ, что дальше благонамѣренныхъ пожеланій его воображенію ничто другое и не рисовалось, а самые порывы отчаянія, какимъ государь предавался вслѣдъ за неожиданной катастрофой, устранили въ многочисленныхъ свидѣтеляхъ этихъ ужасныхъ минутъ всякую тѣнь сомнѣній въ этомъ отношеніи».

Говоря по этому чрезвычайно важному вопросу, Фонвизинъ пишетъ слѣдующее:

«Графъ Паленъ исподволь приготовлялъ Александра Павловича къ замышляемому имъ государственному перевороту, для успѣшнаго совершенія котораго, его согласіе было необходимо. Часто видясь съ нимъ, Паленъ всегда наводилъ рѣчь на трудное и бѣдственное состояніе Россіи, страждущей отъ безумныхъ поступковъ отца его, и, не выводя никакихъ заключеній, вызывалъ великаго князя на откровенность.

«Тотъ съ грустнымъ чувствомъ слушалъ его и молчалъ, потупивъ глаза. Не разъ повторялись подобныя безмолвныя, но выразительныя сцены. Однажды Паленъ рѣшился высказать великому князю все и своей неумолимой логикой доказалъ ему необходимость для блага Россіи и для безопасности императорскаго семейства отстранить отъ пре-

стола безумнаго императора и заставить его самого подписать торжественное отреченіе. Чтобы еще болѣе убѣдить великаго князя, Паленъ представилъ ему несомнѣнныя доказательства, что отецъ его подозрѣваетъ и супругу свою и обоихъ сыновей въ замыслахъ противъ его особы, и даже показалъ ему именное повелѣніе Павла, въ случаѣ угрожающей ему опасности, заключить императрицу и обоихъ великихъ князей въ Петропавловскую крѣпость. Все это поколебало, наконецъ, сыновное чувство и совѣсть великаго князя, и онъ, обливаясь слезами, далъ Палену согласіе, но потребовалъ отъ него торжественную клятву, что жизнь Павла будетъ для всѣхъ священна и неприкосновенна».

Весьма интересны записки друга Александра, кн. А. Чарторыйскаго, которыя ближе всего изображаютъ дѣйствительность. «Лица, бывшія во время ужина во дворцѣ, пишетъ онъ, впослѣдствіи вспоминали, что Александръ, прощаясь съ отцомъ, не выказалъ при этомъ никакого волненія, и жестоко обвиняли его въ безсердечіи и двоедушіи. Это глубоко несправедливо, такъ какъ въ послѣдующихъ моихъ бесѣдахъ съ императоромъ Александромъ, послѣдній неоднократно разсказывалъ мнѣ совершенно искренно о своемъ ужасномъ душевномъ состояніи въ эти минуты, когда сердце его буквально разрывалось отъ горя и отчаянія. Да оно и не могло быть иначе, ибо въ такія минуты онъ не могъ не думать объ опасности, угрожавшей ему, его матери и всему семейству, въ случаѣ неудачи заговора. При этомъ необходимо сказать, что вырванное у него почти насильно согласіе на отреченіе отца было дано лишь послѣ торжественнаго обѣщанія не причинять никакого зла Павлу, и что мысль о лишеніи его жизни не могла притти ему въ голову. Это тѣмъ болѣе правдоподобно, что въ планы заговора входило лишь

устраненіе Павла отъ престола, и что роковая катастрофа произошла совершенно неожиданно для большинства заговорщиковъ, среди которыхъ исполнителями той драмы явилось нѣсколько человѣкъ, потерявшихъ самообладаніе, благодаря чрезмѣрному количеству выпитаго вина, и сводившихъ въ этотъ моментъ свои личные счеты съ злополучнымъ монархомъ.

«Что касается поведенія Александра во время ужина, то извѣстно, что оба великіе князья были всегда чрезвычайно сдержанны въ присутствіи отца, и эта привычка скрывать свои мысли и чувства, это вынужденное спокойствіе можетъ служить лучшимъ объясненіемъ того, что никто изъ присутствующихъ въ этотъ вечеръ не могъ замѣтить той глубокой борьбы, которая, несомнѣнно, происходила въ душѣ Александра».

Только съ трудомъ графъ Паленъ уговорилъ Александра выйти къ собраннымъ въ замкѣ войскамъ. Когда же онъ, наконецъ, вышелъ, то прежде всего обратился къ семеновскому караулу со словами: «Батюшка скончался апоплексическимъ ударомъ. Все при мнѣ будетъ, какъ при бабушкѣ».

Въ отвѣтъ на эти слова раздалось «ура». Обойдя всѣ части, государь сѣлъ въ карету съ Константиномъ Павловичемъ и отправился въ Зимній дворецъ. На запяткахъ стоялъ графъ П. А. Зубовъ и генералъ-адъютантъ Уваровъ. Извѣстить императрицу о смерти Павла взялся самъ Паленъ. Онъ разбудилъ графиню Ливенъ и просилъ доложить государынѣ.

Когда Ливенъ сказала, что императору дурно, Марія Θеодоровна бросилась въ кабинетъ императора, какъ была, безъ башмаковъ и чулокъ. Графиня Ливенъ едва успѣла набросить салопъ на ея плечи.

Въ кабинетѣ стоялъ пикетъ изъ семеновцевъ. Въ описанномъ костюмѣ императрица вбѣжала въ комнату съ крикомъ: «Пустите меня, пустите меня». Гренадеры скрестили штыки. Со слезами на глазахъ она обратилась къ офицеру и просила пропустить ее. Онъ отвѣчалъ, что не имѣетъ права. Тогда она опустилась на полъ и, обнимая колѣна часовыхъ, умоляла пропустить ихъ. Солдаты рыдали при видѣ ея горя, но съ твердостью исполняли приказъ. Тогда императрица отправилась кружнымъ путемъ, но ее всюду ожидала преграда.

«Когда императрица узнала, что командованіе поручено мнѣ, пишетъ Беннигсенъ, она приказала мнѣ явиться къ ней. Я уже освѣдомился о приказаніяхъ императора, который велѣлъ мнѣ передать, чтобы я отправился къ ней и посовѣтывалъ, попросилъ ее отъ его имени покинуть Михайловскій замокъ и ѣхать въ Зимній дворецъ, гдѣ ей будетъ сообщено все, что она пожелаетъ узнать. Вслѣдствіе этого я отправился въ аппартаменты великихъ княгинь, гдѣ находилась императрица. Увидавъ меня, ея величество спросила, мнѣ ли поручено командовать здѣшними войсками. На мой утвердительный отвѣтъ она освѣдомилась съ большой кротостью и спокойствіемъ душевнымъ: «Значитъ, арестована». Я отвѣчалъ: «Совсѣмъ нѣтъ, возможно ли это». -«Но меня не выпускаютъ, всѣ двери на запорѣ». Отвѣтъ: «Ваше величество, это объясняется лишь необходимостью принять нѣкоторыя мѣры предосторожности для безопасности императорской фамиліи, здѣсь находящейся, или тѣмъ, что могутъ еще случиться безпорядки вокругъ замка». Вопросъ: «Слѣдовательно, мнѣ угрожаетъ опасность». Отвѣтъ: «Все спокойно, ваше величество и всѣ мы находимся здѣсь, чтобы охранять особу вашего величества».

Тутъ я хотѣлъ воспользоваться минутою молчанія, чтобы исполнить данное мнѣ порученіе. Я обратился къ императрицѣ со словами: «Императоръ Александръ поручилъ мнѣ»... Но ея величество прервала меня словами: «Императоръ. Императоръ Александръ. Но кто провозгласилъ его императоромъ?» — Отвѣтъ: «Голосъ народа». — «Ахъ, я не признаю его, — понизивъ голосъ, сказала она, — прежде, чѣмъ онъ не отдастъ мнѣ отчета въ своемъ поведеніи». Потомъ, подойдя ко мнѣ, ея величество взяла меня за руку, подвела къ дверямъ и проговорила твердымъ голосомъ: «Велите отворить двери; я желаю видѣть тѣло моего супруга», и прибавила: «Я посмотрю, какъ вы меня ослушаетесь».

Тщетно я склонялъ ее къ умѣренности, говоря ей объ ея обязанностяхъ по отношенію къ народу, — обязанностяхъ, которыя должны побуждать ее успокоиться, тѣмъ болѣе, что послѣ подобнаго событія слѣдуетъ всячески избѣгать всякаго шума. Я сказалъ ей, что до сихъ поръ все спокойно какъ въ замкѣ, такъ и во всемъ городѣ; что надѣюсь на сохраненіе этого порядка, и что я убѣжденъ, что ея величество сама желаетъ тому способствовать. Я боялся, что если императрица выйдетъ, то ея крики могутъ подѣйствовать на духъ солдатъ, какъ я уже говорилъ весьма привязанныхъ къ покойному императору. На всѣ эти представленія она погрозила мнѣ пальцемъ, съ слѣдующими словами, произнесенными довольно тихо: «О, я васъ заставлю раскаяться». Смыслъ этихъ словъ не ускользнулъ отъ меня. Минута молчанія и, быть можетъ, размышленія вызвали нѣсколько слезъ. Я надѣялся воспользоваться этой минутой растроганности. Я заговорилъ опять, сталъ побуждать ее къ умѣренности и уговаривать покинуть Михайловскій дворецъ и ѣхать въ Зимній. Здѣсь молодая императрица поддержала мой совѣтъ

съ той кротостью и мягкостью, которыя были такъ свойственны этой великой княгинѣ, любимой всѣми, кто имѣлъ счастіе знать ее, и обожаемой всей націей. Императрица-мать не одобрила этого шага и, обернувшись къ невѣсткѣ, отвѣчала ей довольно строгимъ тономъ: «Что вы мнѣ говорите. Не мнѣ повиноваться. Идите, повинуйтесь сами, если хотите».

Это раздраженіе усиливалось съ минуты на минуту. Она объявила мнѣ рѣшительно, что не выйдетъ изъ дворца, не увидавъ тѣла своего супруга. Я тайкомъ послалъ офицера къ новому государю, чтобы испросить его приказаній на этотъ счетъ. Онъ велѣлъ мнѣ отвѣтить, что если это можетъ обойтись безъ всякаго шума, то я долженъ сопровождать императрицу въ комнату, гдѣ стояло тѣло императора. Тѣмъ временемъ я пригласилъ графа Палена прибыть на минуту во дворецъ, въ виду того что онъ имѣетъ счастье быть болѣе знакомымъ императрицѣ. Въ ту минуту, какъ она увидѣла его, она спросила: «Что здѣсь произошло?» Графъ отвѣчалъ со своимъ обычнымъ хладнокровіемъ: «То, что давно можно было предвидѣть».

Вопросъ:—Кто же зачинщики этого дѣла?

Отвѣтъ:—Много лицъ изъ различныхъ классовъ общества.

Вопросъ:—Но какъ могло это совершиться помимо васъ, занимающаго постъ военнаго губернатора?

Отвѣтъ:—Я прекрасно зналъ обо всемъ и поддался этому, какъ и другіе, во избѣжаніе болѣе великихъ несчастій, которыя могли бы подвергнуть опасности всю императорскую фамилію.

Онъ прибавилъ нѣсколько добрыхъ совѣтовъ и затѣмъ удалился.

Все это не могло успокоить раздраженія императрицы. Она нѣсколько разъ брала меня за руку

и подводила къ дверямъ, говоря: «Приказываю вамъ пропустить меня». Я отвѣчалъ неизмѣнно съ величайшей почтительностью, но твердо, что не въ моей власти повиноваться ей, пока я вижу ее такой взволнованной, и что только подъ однимъ условіемъ я могъ бы исполнить ея волю. «Какое же это условіе?» спросила она.—«Чтобы ваше величество соблаговолили успокоиться». Эти слова навлекли на меня новую немилость. Ея величество сказала мнѣ: «Не вамъ предписывать мнѣ условія. Ваше дѣло повиноваться мнѣ. Прежде всего велите отперетъ двери».

Мой долгъ предписалъ мнѣ еще разъ напомнить ей ея обязанности по отношенію къ народу и умолять ее избѣжать малѣйшаго шума, который могъ бы имѣть пагубныя и даже опасныя послѣдствія. Эти рѣчи, очевидно, произвели надлежащее дѣйствіе. Она почувствовала, что переворотъ уже нельзя измѣнить. Послѣ нѣкотораго молчанія и размышленія ея величество понизила голосъ и сказала мнѣ: «Ну, хорошо, обѣщаю вамъ ни съ кѣмъ не говорить».

«Въ 7 часовъ утра, пишетъ княгиня Ливенъ, императрица была наконецъ допущена къ тѣлу супруга. Сцена произошла раздирательная; она не хотѣла покинуть усопшаго».

Императрица требовала увидѣть мужа, иначе не соглашалась признать Александра императоромъ, передаетъ Саблуковъ. «Опираясь на руку Муханова, императрица направилась къ роковой комнатѣ, при чемъ за нею слѣдовалъ Александръ съ Елизаветой, а графиня Ливенъ несла шлейфъ. Приблизившись къ тѣлу, императрица остановилась въ глубокомъ молчаніи, устремила свой взоръ на покойнаго супруга и не проронила при этомъ ни одной слезы.

Александръ Павловичъ, который теперь самъ впервые увидалъ изуродованное лицо своего отца,

накрашенное и подмазанное, былъ пораженъ и стоялъ въ нѣмомъ оцѣпененіи. Тогда императрица-мать обернулась къ сыну и съ выраженіемъ глубокаго горя и видомъ полнаго достоинства сказала: «Теперь васъ поздравляю—теперь вы императоръ». При этихъ словахъ Александръ какъ снопъ свалился безъ чувствъ.

Княгиня же Ливенъ пишетъ, что «только въ 11 часовъ утра допустила императрица-мать къ себѣ сына-императора. Свиданіе произошло безъ свидѣтелей. Государь вышелъ очень взволнованный».

«Мнѣ никогда не удалось узнать подробностей о первомъ свиданіи Александра съ матерью послѣ катастрофы, пишетъ Чарторыйскій. Что они говорили? Какое объясненіе произошло между ними по поводу происшедшихъ ужасныхъ событій? Несомнѣнно, что впослѣдствіи они поняли другъ друга, но въ эти первыя ужасныя минуты императоръ Александръ, подавленный всѣмъ тѣмъ, что ему пришлось пережить, былъ почти не въ силахъ высказать что бы то ни было. Съ другой стороны, императрица-мать дошла до высшей степени экзальтаціи и раздражительности и смотрѣла на самыхъ близкихъ ей лицъ почти враждебно, утерявъ всякое чувство самообладанія и справедливости.

«Во всѣ эти тяжелыя, для всей царской семьи, минуты, среди царившей во дворцѣ сумятицы, молодая императрица Елисавета была, по отзывамъ всѣхъ очевидцевъ, единственнымъ лицомъ, сохранившимъ спокойствіе и полное присутствіе духа. Впослѣдствіи императоръ Александръ не разъ вспоминалъ объ этомъ. Нѣжная и любящая, она утѣшала Александра, поддерживая его мужество и самообладаніе. Она не покидала его всю эту ночь и отлучалась только на время, чтобы успокоить вдовствующую императрицу, уговаривая ее оставаться въ своихъ аппартаментахъ,

сдерживая ея порывы, указывая на печальныя последствія, могущія произойти отъ излишняго неосторожнаго слова въ такое время, когда заговорщики, опьяненные успѣхомъ, наполняли всѣ залы и властвовали во дворцѣ. Словомъ, въ эту ночь, полную ужаса и тревоги, императрица Елисавета явилась умиротворительницей, примиряющей властью, авторитетъ которой признавался всѣми, настоящимъ ангеломъ и посредникомъ между супругомъ, вдовствующей государыней и заговорщиками».

«Въ первое время императоръ Александръ находился въ ложномъ, крайне затруднительномъ и тяжеломъ положеніи по отношеніи къ дѣятелямъ заговора. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ чувствовалъ себя какъ бы въ ихъ власти, не рѣшаясь дѣйствовать во всемъ вполнѣ самостоятельно. Но это не изъ чувства страха или опасенія, а благодаря присущему ему чувству справедливости, которое и впослѣдствіи помѣшало ему предать суду наиболѣе виновныхъ изъ нихъ».

«Въ теченіи нѣкотораго времени, пишетъ Саблуковъ, все, повидимому, было спокойно. Мы только замѣтили, что Паленъ и Платонъ Зубовъ особенно высоко подняли голову, и даже поговаривали, будто послѣдній имѣлъ смѣлость выказать особенное вниманіе къ молодой и прелестной императрицѣ. Императоръ Александръ и великій князь Константинъ ежедневно появлялись на парадѣ, при чемъ первый казался болѣе робкимъ и сдержаннымъ, чѣмъ обыкновенно, а второй, напротивъ, не испытывая болѣе страха передъ отцомъ, горячился и шумѣлъ болѣе, чѣмъ прежде.

«Несмотря на это, Константинъ, при всей своей вспыльчивости, не былъ лишенъ чувства горечи при мысли о катастрофѣ. Однажды утромъ, спустя нѣсколько дней послѣ ужаснаго событія, мнѣ пришлось

быть у его высочества по дѣламъ службы. Онъ пригласилъ меня въ кабинетъ и, заперевъ за собою дверь, сказалъ: «Ну, Саблуковъ, хорошая была каша въ тотъ день».—«Дѣйствительно, ваше высочество, хорошая каша,—отвѣчалъ я,—и я очень счастливъ, что я въ ней былъ не при чемъ»—«Вотъ что, другъ мой,—сказалъ торжественнымъ тономъ великій князь, скажу тебѣ одно, что послѣ того, что случилось, братъ мой можетъ царствовать, если ему нравится, но если бы престолъ когда-нибудь долженъ былъ перейти ко мнѣ, я, навѣрно, отъ него отказался бы».

«Яркое солнце взошло надъ этимъ роковымъ и великимъ днемъ, пишетъ княгиня Ливенъ. Народной радости и ликованію не было конца и границъ. Восторгъ былъ всеобщій и искренній и, по свидѣтельству современниковъ, выходилъ даже изъ предѣловъ благопристойности. Общество какъ бы возрождалось къ новой жизни, очнувшись отъ терроризма человѣка, который четыре года, не вѣдая что творитъ, мучилъ Богомъ ввѣренное ему царство». На улицахъ всюду появлялось необузданное веселіе, плакали отъ радости; люди, другъ друга вовсе незнакомые, обнимались и другъ друга поздравляли. Но многіе спрашивали однако съ боязнью: «Да точно ли онъ умеръ?». Кто-то даже любопытствовалъ узнать, набальзамировано ли тѣло. Только когда его въ томъ увѣрили, онъ глубоко вздохнулъ и успокоился.

Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ, хотя на это не было никакихъ приказаній.

Легко было начать эпоху, опираясь на такую вѣру, на такую радость. Всѣ съ надеждой смотрѣли на молодого государя: молодой, прекрасный собой, съ

кроткимъ, задумчивымъ взглядомъ, застѣнчивый и привѣтливый, онъ дѣйствительно могъ очаровать всѣхъ.

Разсвѣтъ полярнаго лѣтняго дня послѣ полярной зимней ночи, великое вскрытіе водъ, пробужденіе животной и растительной жизни, внезапное появленіе цвѣтовъ, внезапное покрытіе зеленью цѣлыхъ лѣсовъ—все это слишкомъ слабое сравненіе для этой счастливѣйшей и отраднѣйшей изъ всѣхъ перемѣнъ.

Приложеніе.

НАГРАДЫ, ПОЖАЛОВАННЫЯ ВЪ ДЕНЬ КОРОНОВАНІЯ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I

5-го апрѣля 1897 года

(по списку, составленному княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ).

Генералъ-фельдмаршалу князю Рѣпнину — 6.000 душъ.

Дѣйствительному тайному совѣтнику 1-го класса, графу Безбородко,—вотчина, послѣ умершаго бригадира Кантемира, въ казну вступившая, въ Орловской губерніи и 30.000 десятинъ изъ порожнихъ казенныхъ земель въ губерніи Воронежской. Сверхъ того, 6.000 душъ на его выборъ.

Статсъ-дамѣ Ливенъ—1.500 душъ.

Генералу отъ-кавалеріи графу Мусинъ-Пушкину — 4.000 душъ.

Оберъ-камергеру Шувалову—3.000 душъ.

Оберъ-егермейстеру князю Голицыну—2.000 душъ.

Адмиралу Голенищеву-Кутузову—1.300 душъ.

Генералу-отъ-инфантеріи Каховскому — 2.000 душъ.

Адмиралу Пущину въ Минской губерніи — 1.300 душъ.

Дѣйствительному тайному совѣтнику Стрекалову въ Малороссіи—2.580 душъ.

Генералу-отъ-инфантеріи Архарову—2.000 душъ.

Генералу-отъ-артиллеріи Меллисино—1.000 душъ.

Дѣйствительному тайному совѣтнику вице-канцлеру князю Куракину I-му, и тайному совѣтнику и генералъ-прокурору князю Куракину II-му -въ Псковской губерніи вотчина, послѣ покойнаго генералъ-лейтенанта Ланскаго, въ казенное вѣдомство вступившая, называемая Велье, да изъ казенныхъ порожнихъ земель 20.000 десятинъ въ Тамбовской губерніи.

Сверхъ того, особливо вице-канцлеру князю Куракину въ Псковской губерніи 2.863 души, да въ Петербургской 1.437 душъ.

Дѣйствительному тайному совѣтнику Волкову—1.000 душъ.

Генералъ-лейтенанту графу Безбородко—въ Литовской губерніи 1.349 душъ.

Генералъ-лейтенанту Архарову II-му—800 душъ.

Генералъ-лейтенанту Вадковскому—1.000 душъ.

Гофмейстеру Загряжскому—800 душъ.

Тайному совѣтнику и государственному казначею Васильеву—1.500 душъ.

Генералъ-маіору Плещееву въ Нижегородской губерніи 110 душъ и на покупку дома 30.000 рублей.

Генералъ-маіору Ростопчину—въ Орловской губерніи 473 души.

Генералъ-маіору Донаурову на покупку дома 30.000 рублей.

Генералъ-маіору Кушелеву—въ Тамбовской губерніи 292 души, да изъ порожнихъ казенныхъ въ той же губерніи земель 15.000 десятинъ и на покупку дома 30.000 рублей.

Генералъ-лейтенанту Ламбу—въ Минской губерніи 750 душъ.

Генералъ-лейтенанту Вязмитинову въ Минской губерніи 750 душъ.

Генералъ-лейтенанту князю Шаховскому—500 душъ.

Тайному совѣтнику и коммерцъ-коллегіи президенту Соймонову—800 душъ.

Тайному совѣтнику Кожину 500 душъ.

Тайному совѣтнику Храповицкому—600 душъ.

Генералъ-майору Кологривову изъ казенныхъ порожнихъ земель—въ Тамбовской губерніи 15.000 десятинъ.

Дѣйствительному статскому совѣтнику Карадыкину—600 душъ.

Дѣйствительному статскому совѣтнику Кроку—въ С.-Петербургской губерніи 600 душъ.

Дѣйствительному статскому совѣтнику Львову—600 душъ.

Статскому совѣтнику и московскому почтдиректору Пестелю—300 душъ.

Дѣйствительному тайному совѣтнику Соймонову—1.200 душъ.

Дѣйствительному тайному совѣтнику Щербатову—800 душъ.

Генералъ-лейтенанту Левашову—1.000 душъ.

Генералъ - лейтенанту князю Голицыну - 1.000 душъ.

Генералъ-лейтенанту Беклешову—1.000 душъ.

Генералъ-лейтенанту Бердяеву—въ Малой Россіи 678 душъ.

Генералъ-лейтенанту Пацокину—500 душъ.

Генералъ-лейтенанту Ступишину 400 душъ.

Вице-адмиралу Мордвинову—1.000 душъ.

Гофмаршалу графу Тизенгаузену -800 душъ.

Оберъ-церемоніймейстеру Валуеву—800 душъ.

Егермейстеру Потемкину—500 душъ.

Тайному совѣтнику Тучкову—800 душъ.

Тайному совѣтнику Пастухову—800 душъ.

Его императорскаго высочества цесаревича гофмаршалу графу Толстому—600 душъ.

Тайному совѣтнику Осипову—600 душъ.

Тайному совѣтнику Протасову—800 душъ.

Тайному совѣтнику князю Вяземскому—800 душъ.

Тайному совѣтнику Московскаго университета куратору Хераскову—600 душъ.

Тайному совѣтнику Саблукову—500 душъ.

Тайному совѣтнику Бѣлорусскому губернатору Жегулину въ Минской губерніи 497 душъ.

Тайному совѣтнику Молчанову—400 душъ.

Тайному совѣтнику Суткову—400 душъ.

Генералъ-майору Леццано—400 душъ.

Генералъ-майору Обрѣзкову—400 душъ.

Генералъ-майору барону Ферзену 800 душъ.

Дѣйствительному статскому совѣтнику и главнаго почтоваго правленія члену Судьенкову въ Малой Россіи 597 душъ.

Дѣйствительному статскому совѣтнику Алонеусу—въ С.-Петербургской губерніи 600 душъ.

Дѣйствительному статскому совѣтнику Троіцинскому—1.200 душъ.

Дѣйствительному статскому совѣтнику и малороссійскому губернатору Бакуринскому—въ Малой Россіи 431 душа.

Дѣйствительному статскому совѣтнику Левашову—400 душъ.

Дѣйствительному статскому совѣтнику Смирнову—300 душъ.

Дѣйствительному статскому совѣтнику Елагину—300 душъ.

Дѣйствительному статскому совѣтнику Аксакову—300 душъ.

Дѣйствительному статскому совѣтнику Борзову—300 душъ.

Тверскому губернатору дѣйствительному статскому совѣтнику Тейльсу—300 душъ.

Дѣйствительному статскому совѣтнику Зуеву—200 душъ.

Статскому совѣтнику Нелединскому-Мелецкому—800 душъ.

Статскому совѣтнику и малороссійскому почтдиректору Милорадовичу—въ Малой Россіи 414 душъ.

Статскому совѣтнику и с.-петербургскому оберъполицеймейстеру Чулкову—300 душъ.

Коммерцъ - коллегіи вице - президенту Доменскому—въ Малой Россіи 288 душъ.

Статскому совѣтнику Соколовскому—250 душъ.

Статскому совѣтнику Габлицу—250 душъ.

Статскому совѣтнику и придворной конторы члену Донаурову—250 душъ.

Статскому совѣтнику, присутствующему въ кабинетѣ Борзову—200 душъ.

Статскому совѣтнику и синода оберъ-секретарю Рудановскому—200 душъ.

Полковнику Герарду—250 душъ.

Инженеръ-подполковнику Сперману—200 душъ.

Камеръ - фурьеру Назарову изъ казенныхъ порожнихъ земель—въ Тамбовской губерніи 6.000 десятинъ.

Женѣ камергера Ланскаго, рожденной Виламовой—600 душъ.

Итого въ одинъ день было роздано больше ста тысячъ душъ почти съ милліономъ десятинъ земли. Эта цифра не говоритъ, чтобы Павелъ желалъ уничтожить крѣпостное право; напротивъ, онъ еще болѣе размножилъ крупныхъ помѣщиковъ - крѣпостниковъ, раздавая съ живыми душами и землю, которой владѣли эти души. Она, впрочемъ, раздавалась и безъ нихъ, но уже цѣлыми областями, какъ мы видѣли въ приведенныхъ цифрахъ. Такое количество десятинъ земли, какъ тридцать тысячъ, нельзя

иначе назвать, какъ областями, а пожалованія, весьма часто, походили другъ на друга.

Припомнивъ количество розданныхъ десятинъ своимъ любовникамъ Екатериной II-й, мы поймемъ, откуда явились у насъ крупные помѣщики съ безграничными латифундіями.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Глава шестая.

Глава седьмая.

Глава восьмая.

Глава девятая.

Глава десятая.

Глава одиннадцатая.

Глава двѣнадцатая.

Глава тринадцатая.

Стр.

Глава четырнадцатая.

Глава пятнадцатая.

